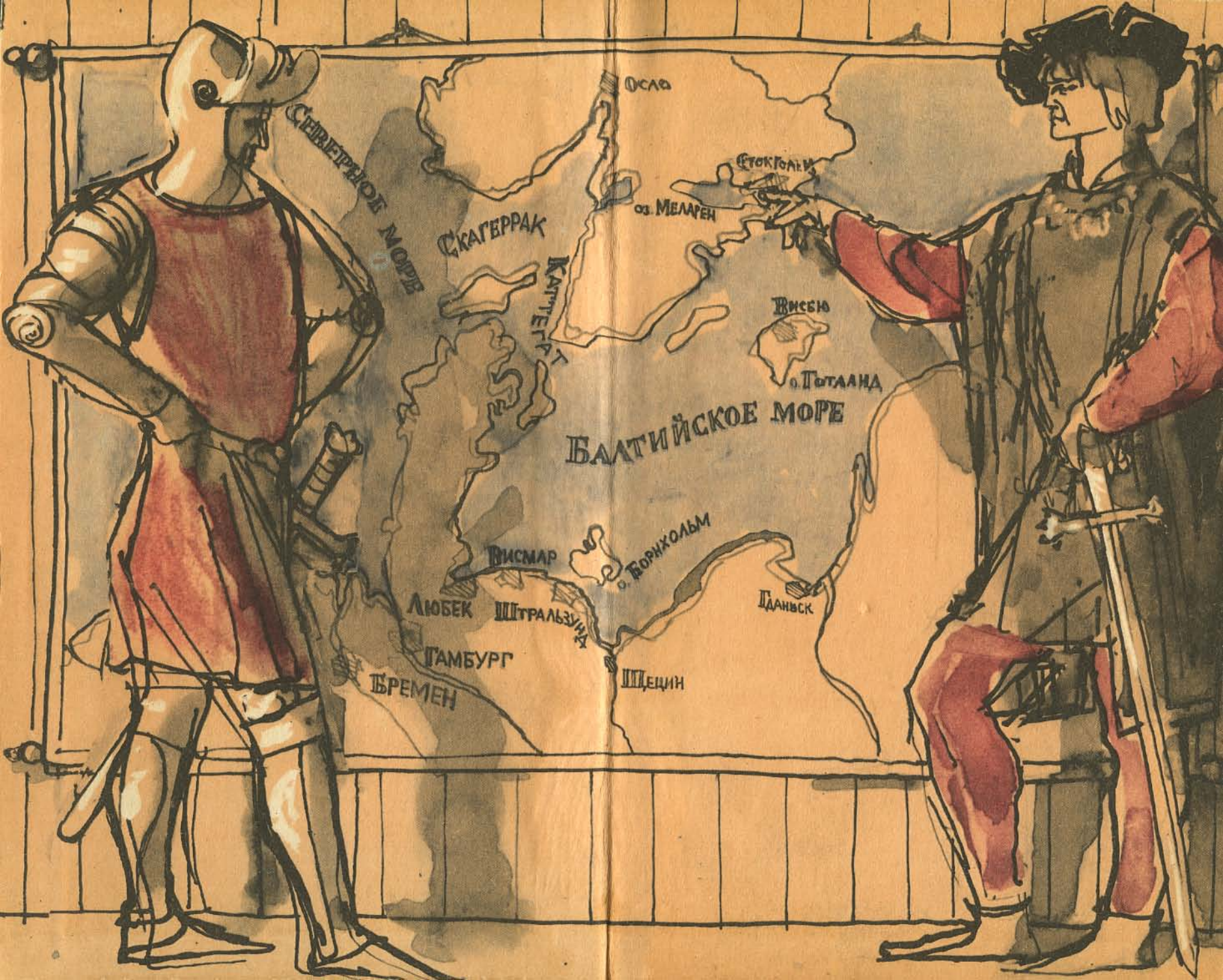

В. БРЕДЕЛЬ
БРАТЯ ВИТАЛЬЕРЫ

Издательство
Дальняя литература

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД 1975

В. Бредель

БРАТЯ ВИТАЛЬЕРЫ

(РОМАН О КЛАУСЕ
ШТЕРТЕБЕКЕРЕ)

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И (нем.)
Б 87

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЮНЫЙ СКИТАЛЕЦ

*Перевод с немецкого и послесловие
А. Девеля и А. Ломана*

Рисунки А. Сколозубова

БРЕДЕЛЬ ВИЛЛИ.

Б 87 Братья витальеры. Роман. Перевод с немецкого и послесловие А. Девеля и А. Ломана. Рис. А. Сколозубова. Л., «Дет. лит.», 1975.

176 с. с ил.

Исторический роман о возмущении народа против гнета церкви и феодалов, о борьбе Ганзы за господство на Балтике, об отважном предводителе пиратов Штертебекере

И (нем.)

Б $\frac{70803-123}{M101(03)-75}$ Без об.

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»,
1975 г. СОСТАВ

...Несостоятельную власть
 В стране сменило безначалье.
 Всех стала разделять вражда,
 На братьев ополчились братья
 И города на города.
 Ремесленники бились с знатью
 И с мужиками господ.
 Шли на мирян войной попы,
 И каждый встречный-поперечный
 Губил другого из толпы
 С жестокостью бесчеловечной.
 По делу уезжал купец
 И находил в пути конец.
 Достигло крайнего размаха
 Укоренившееся зло.
 Все потеряли чувство страха.
 Жил тот, кто дрался. Так и шло.

Гете Фауст Вторая часть
 Перевод Б. Пастернака

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

арили стяжательство, лицемерие и жестокость. Римское папство стояло во главе западного мира. Огнем и мечом старалось удержать оно мировое господство церкви. «Святая» инквизиция во всех странах Европы жгла, колесовала, обезглавливала сомневающихся, веротступников, еретиков, истребляла народы, осмелившиеся усомниться в непогрешимости папства. Темные, фанатичные массы натравливались на «ведьм» и «иудеев», их бросали на костры, а имущество обращали в пользу церкви. Монахи, которые когда-то давали обет бедности и смирения, стали богатыми и заносчивыми. Лучшие земли при-

надлежали им. Монастыри по блеску и богатству походили на замки, церковная знать в роскоши и мотовстве соперничала со светской. А народ — крестьяне и горожане — должны были платить десятину и подати, преумножая богатства и силу церкви.

Дворянство было не лучше. Князья и рыцари душили селенья поборами, грабили, нападали на купцов на дорогах, врывались в процветающие города, жгли и убивали — и все ради единственной цели: обогащения, добычи. Богородные бездельники в своей алчности не останавливались даже перед тем, чтобы продать за звонкую монету ближайших родственников: так, «славный рыцарь Конрад фон Урах», по свидетельству хроники, продал за три фунта хеллеров аббату из Лорха собственных сестер Агнессу и Малиту. Чтобы защитить свое право грабежа, благородные господа учредили тайный суд; и тот, кто противился их произволу, предстал перед этим судищем, которое знало только один приговор — смерть от меча.

В эти мрачные времена, шесть столетий назад, весной 1369 года, по дороге из Шверина на Висмар брели два странных, очень непохожих друг на друга человека: высокий сутулый старик с большим коробом на спине и стройный молодой парень с дубинкой на плече, на которой болтался узелок с пожитками. Вокруг маленького исхудалого лица корбейника топорщилась растрепанная борода. Волосы в те времена носили длинные, и они, прикрывая уши, почти достигали подбородка. У него же они курчавились, бесчисленными черными змейками спадая на самые плечи. В руке он держал довольно толстую узловатую палку, на которую опирался при каждом шаге и которая при случае могла быть неплохим оружием. Одежду, прикрывавшую его тело, ему, видимо, дал какой-то крестьянин: балахон грубого дмотканого холста, холщовые заплатанные штаны — им полагалось бы сидеть в обтяжку, но они висели на нем складками, потому что у их прежнего хозяина, наверное, были толстые ноги. Это одевание довершали грубые, но добротнo сплетенные лапти.

В его молодом спутнике все выдавало сельского жителя: широкое, грубое лицо, лишенная каких-либо украшений куртка, серые в обтяжку штаны, лапти, и только

взгляд — открытый свободный — не имел ничего общего с робким взглядом покорного, забитого крестьянина. Белокурые волосы сзади прикрывали шею, а спереди опускались на лоб до самых бровей.

Странствующий торговец Йозефус уже с первых часов их знакомства узнал, что у его спутника не было ни родителей, ни знакомых. Он работал то у одного, то у другого хозяина, а теперь направлялся в гавань и хотел стать матросом.

Поначалу Клаусу общество старого, да к тому же болтливого человека было не очень приятно, но когда он увидел, с какой радостью крестьяне встречают корбейника и как Йозефус для каждого находит доброе слово или полный участия совет, когда заметил, что старик думает не только о собственной выгоде, но готов при необходимости помочь и безвозмездно, его неприязнь понемногу прошла.

Йозефус был живой газетой: от деревни к деревне, от человека к человеку нес он последние новости, и любознательным слушателям даже в голову не приходило сомневаться в его словах. Йозефус знал о том, что в предгорьях Альп или где-нибудь еще началась новая война; об избрании нового папы в Риме он рассказывал так, как будто сам при этом присутствовал; он знал во всех подробностях о честолюбивых замыслах датского короля, города которого становились все больше и могущественней. Были у него в запасе и новости из близлежащих селений. Сидел он среди обступивших его крестьян и ни одного вопроса не оставлял без ответа. И о неурожае знал он, и о «черной смерти», о свадьбах, о нападениях разбойников, о мятежных цеховых подмастерьях, об осажденных замках рыцарей-разбойников, о колесованных злодеях, об отлучении от церкви, провозглашенном последней папской буллой, известны были ему и последние слухи о самозванце «маркграфе Вальдемаре», который хотя и был уже давно похоронен, но все еще занимал умы людей. Как о последней сенсации он мог рассказать о только что происшедшем в Шверине событии — ослеплении семи схваченных разбойников; их пустили теперь по миру с двумя поводьями: безруким и безногим.

Йозефус доставлял крестьянам не только новости, но и различные снадобья и лекарства. В его коробе можно было найти чудодейственную мазь: стоит помазать ею

вымя коровы или козы, и удой у нее удвоится. Был у него тончайший черный порошок: раствори его в воде, прими внутрь — и к тебе не пристанет никакая чума. Или вдруг извлекал он из короба полированные палочки из волшебного дерева, которые, если, конечно, верить старому коробейнику, принимали на себя любые болезни. Если, к примеру, у кого-нибудь болят суставы, нужно только поусерднее потереть этой палочкой больное место, и, как уверял Йозефус, все пройдет. Были у него и всевозможные заморские специи: перец, имбирь, шафран, мускат.

Йозефус, которого так гостеприимно повсюду встречали и которому даже оказывали всяческое уважение, сам был отнюдь не высокого мнения о людях, в особенности о светских господах и о всемогущей церкви. Где, по его мнению, можно было отважиться на это, он не стеснялся поносить священнослужителей. «Большие господа, — приговаривал он, — это большое зло, но еще большее зло — попы».

И он рассказывал об их алчности, жестокости, об их отнюдь не христианском образе жизни в монастырях.

Кlaus много слышал о великих временах крестовых походов, и его воображением владели отважные крестоносцы, которые, не страшась опасностей и лишений, покорили многие страны и в жестокой борьбе с неверными освободили гроб господень. Klaus с восхищением рассказывал своему спутнику об их героических и чудесных подвигах. Йозефус молча слушал и в душе посмеивался над ним. Когда Klaus спросил его, не знает ли он что-нибудь о тех славных временах, коробейник погладил свою всклокоченную рыжую бороду.

— О, даже слишком много знаю, мой мальчик! — Однако он не проявил особого желания говорить на эту тему.

— А мне кажется — нет, — заметил Klaus, — ведь я от вас ничего не слышал о доблестных рыцарях.

Йозефус задумался: как бы все объяснить парню? Было ясно, что Klaus искренне верит в христианские сказки о благородстве крестоносцев и даже понятия не имеет о том, что крестовые походы были всего лишь политическим ходом папства, средством ослабить кайзера, королей и князей с их постоянно растущим войском и тем самым упрочить господство церкви. Парень, видно, не догадывался и о том, что крестовые походы были, к тому

же, и неплохой торговой сделкой купцов. Йозефус решил начать со сравнения и спросил:

— Знаешь ли ты самого знаменитого крестоносца?

— Кого вы имеете в виду, — оживился Klaus, — Готфрида Бульонского или Балдуина Фландрского?

— Ни того, ни другого, — возразил Йозефус. — И не Людвига из Плуа, и не Готфрида из Перше, нет, не их, а отважного венецианца Марко Поло.

— Нет, — негромко сознался Klaus, — о нем я ничего не слышал. Когда он покорял Иерусалим?

— Иерусалим? — Йозефус подавил усмешку: ему самому понравилось столь удачное сопоставление. Марко Поло, этот путешественник, исследователь, открыватель новых земель, и вдруг — крестоносец! Йозефус ответил:

— Этот забрался подальше Иерусалима. Он побывал у арабов и индусов, у монголов и китайцев. И чего только не привез! Атлас и шелка, серебряную и золотую парчу, много диковинных инструментов и неизвестных фруктов, пряностей, всевозможных чудесных, целительных средств, драгоценные металлы, бесценные жемчуга, что рождаются в раковинах и светятся собственным светом. И еще много, много всевозможных диковинок.

— А гроб господень? — спросил Klaus.

— К счастью, это его недолго интересовало. Да там уже и нечего было взять, крестоносцы до него все разграбили.

Klaus опешил. Как Йозефус говорит о святых делах! Что ни слово, то святотатство.

— Это крестоносцы-то грабили? — спросил он, пораженный в самое сердце. Даже один вопрос этот казался ему ужасным кощунством.

— И основательно, мой мальчик, — невозмутимо ответил коробейник. — Именно ради этого большинство из них и потащилось туда.

— Это неправда! — возмутился Klaus. — Они хотели изгнать неверных!

— Да, да, конечно, изгнать, для того чтобы никто не мешал грабить. Ну, а так называемое освобождение гроба господня — это, мой дорогой, только предлог, — спокойно продолжал старик. — Говорили-то они о гробе, а на самом же деле богатые купцы искали новые торговые пути, а могущественные правители стремились покорить новые страны.

— Не может быть, — подавленно произнес Клаус.

— Да, они грабили, наживались сами и обогащали своих властительных покровителей, — продолжал старый корабейник. — Тебе не мешает знать, мой мальчик, что огромный город Венеция, в стенах которого живет, пожалуй, трижды по сто тысяч человек, вершит всей торговлей южного мира. Купцы этого города предоставили так называемым крестоносцам свои корабли, чтобы переправиться на далекую святую землю, и, кроме того, ссудили их большими деньгами, чтобы те могли приобрести оружие. И крестоносцы боролись против неверных, то есть против живущих там народов. Они дочиста разграбили великий Константинополь, а купцы Венеции, как и было условлено, получили половину добычи. Затем крестоносцы направились в «святые земли», и все, что они захватили там, получили богатые купцы.

— Говорите что хотите, — возмущенно крикнул Клаус, — но они же были христиане?

— Да, точно такие же христиане, как и наши господа рыцари-разбойники, такие же христиане, как и все власть имущие, которые думают только о своем богатстве да о власти, а бедный народ обманывают и грабят. Самые отъявленные негодяи тоже называют себя христианами.

Йозефус остановился, дернул юношу за куртку и, глядя прямо в глаза своему юному спутнику, продолжал убеждать его:

— Христиане? Христиане!.. Да, да, те, кто так себя называют, должны бы быть порядочными людьми. А они?.. Ричард, король Англии, тоже называл себя христианином, мой мальчик. Рыцари называли его Львиным Сердцем, а надо бы называть тигриным. Он тоже побывал в «святых землях» и однажды уничтожил три тысячи пленных сарацин... У его противника, язычника, султана Саладина, была в тысячу раз более благородная душа, чем у этого Львиного Сердца или у любого другого титулованного рыцаря креста... Нет, не по словам судят о людях, а по делам их.

Но особенно поразило Клауса то, что Йозефус, оказывается, много лет тому назад был нищенствующим монахом.

Клаус услышал от него об «апостольских братьях», которые отвергали жизненные блага и удовольствия, не имели ни домов, ни имущества, ходили по земле, пропо-

ведая христианские истины, и жили подаением. «Они были непримиримыми врагами папства, — рассказывал Йозефус, — считали, что именно папство отступает от истин христианского учения».

Клаус услышал от Йозефуса о мужественном борце Арнольде Брешианском: самоотверженный защитник правды и справедливости, он погиб на костре. Юношу поразила судьба богатого торговца из Пармы Герардо Сегарелли: тот роздал свое имущество бедным и, став беднейшим из бедных, жил в ужасной нищете. Герардо тоже был сожжен негодьями, которые, называя себя христианами, искали только власти и богатства. Кто был не с ними, тех они называли еретиками, а преследование и уничтожение еретиков объявили богоугодным делом.

Да, о еретиках Клаусу слышать уже приходилось. Все боялись еретиков, и каждый опасался, как бы его самого не назвали еретиком. И он украдкой поглядывал на старого Йозефуса, который откровенно выступал против властей, совершенно не скрывая, что он еретик. С какой любовью и восхищением говорил он о фре Дольчино — сыне священника — и о монахине Маргарите из Тренто, которые подняли восстание против папского владычества и руководили героической борьбой в далеком городе Каркассоне и на Монте Цебелло. И хотя они были мужественными борцами, готовыми пожертвовать собой, несправедливость, подлость и ложь все же одерживали верх.

Старик замолчал.

Солнце уже давно было у них за спиной. Они зашагали быстрее, потому что впереди был лес, который они хотели миновать до наступления темноты.

И вдруг Клаус спросил:

— Люди добрые или злые, Йозефус?

Старый корабейник ответил не сразу, некоторое время он задумчиво смотрел прямо перед собой, потом произнес:

— Одни — злы, другие — глупы. Плохие? Да, все они плохие.

— Это неправда! — возмущенно крикнул юноша.

— И все же это так. Звери они, звери глупые и звери злые. Можешь не верить мне, да только рано или поздно сам убедишься в этом.

— А вы? Вы — тоже плохой человек? — вызывающе спросил Клаус.

— Да, тоже, — ответил старик и, еще и еще раз подтверждая это, повторял: — Тоже... тоже!

Раздражение и злость Клауса пропали, он со страхом теперь смотрел на своего спутника. А тот больше не обращал внимания на юношу; пристально глядя перед собой, он с ожесточенным упорством быстро шагал вперед, вытянув шею и сгибаясь под тяжестью своего короба.

...Подойдя к городу, они расстались.

В Висмаре был базарный день. Изумленный Клаус ходил по улочкам, любовался добротными, красивыми, плотно прижавшимися друг к другу домами, величественными кирхами, но больше всего — огромными кораблями в гавани. Все вокруг суетились, что-то делали. На большую коггу, на главной мачте которой развевался яркий флаг, грузчики таскали тяжелые мешки. Потеряв дар речи от удивления, Клаус некоторое время следил, сколько же таких мешков может поместиться в чреве корабля?! Но в трюмы грузили все новые и новые мешки. По кривым улочкам тащились многочисленные повозки. Шли крестьяне и крестьянки с большими коробами и корзинами за спиной. Надменный служитель ратуши с широким мечом в ножнах проскакал мимо и подозрительно посмотрел на него. Клаусу пришла на ум песня, которую пели в Дортине на Эльбе, где он жил у крестьян:

Народ, из разных стран народ,
Толпой по городу бредет,
В телегах люди и пешком,
С корзиной, коробом, мешком.
Купить, продать, не прогадать...
Купить, продать, не прогадать...

Кирха своими сложенными из кирпича мощными стенами и четырехугольной, лишенной окон башней напоминала замок, площадь перед ней пестрела бесчисленными лотками-палатками: красными, голубыми, белыми.

Повсюду стояли крестьянские повозки, скот: быки, коровы, овцы. В нагроможденных друг на друга маленьких клетках он увидел кур, уток, голубей. В других — коз и поросят. Клаус пошел по торговым рядам; глаза его разбегались, и самыми разнообразными запахами обдавал его ветер. О, как это пахло! И чего только тут не увидишь, что только не продается! Самые разнообразные овощи; хлебы круглые и овальные. Битые куры и гуси. Нежно-розовые ободранные тушки кроликов висели на веревках длинными рядами. И тут же рядом — пряники-сердечки с надписями из сахара. Прекрасно пахло от противня с жареными каштанами; за пол медного гроша Клаус наполнил карманы своей куртки этими теплыми красновато-коричневыми орехами. Были тут ларьки с выставленными на продажу льняными тканями, вышивками, лентами, разноцветными пуговицами. Были и такие, где на прилавках стояли фигурки из глины и дерева: богоматерь с Иисусом-младенцем на руках, Христос на кресте, Христос, несущий крест, Христос проповедующий. С ними соседствовали веселые статуэтки музицирующих и танцующих крестьян, фигурка тощего, похожего на лису, поспешно пагающего человека — сгорбленного, с большой палкой в руке, необыкновенно похожего на коробейника Йозефуса.

Отдельный ряд занимали торговцы рыбой. В невысоких бочонках лежала селедка, белая и красная рыба, камбала, треска, макрель, судак и еще какие-то неизвестные Клаусу длинные серо-зеленые рыбы с заостренными, страшными головами; были тут и маленькие, толстые рыбки с крупной чешуей и большими выпученными глазами. Они били хвостами, извивались, высоко поднимали головы, но тщетны были их попытки избежать гибели. И вдруг Клаус прямо остоленел. В одной из бочек свернулись кольцами длинные змеи, некоторые толщиной в руку ребенка; темные блестящие тела и совсем маленькие головы.

— Это не змеи, это угри, — пояснил ему торговец.

Клаус с недоверием взглянул на него. Что же это, как не змеи?

— Их едят? — спросил он.

— Естественно, — последовал ответ, но Клаусу это не показалось таким уж естественным.

Но любопытнее всего был певец. Он стоял перед соору-

женной из досок стен, яркие пестрые картинки, нама-
леванные на ней, изображали что-то ужасное. Вокруг
певца теснились мужчины, женщины и, несколько поо-
даль, — дети. Волосы маленького толстяка певца были
подстрижены в кружок. Казалось, он в плоской меховой
шапке.

Гипсовый длинный нос, слегка загнутый кверху,
делал его очень смешным. Чистым громким голосом, не
меняя ритма и тона, он пел, словно спокойно рассказывал
печальную историю, о которой повествовали и картинки:

Отец весь в крови,
Опозорена дочь
И скрылся убийца-злодей,
О матери! О отцы! О юные девы!
Где этот мерзавец?
Быть может, спешит он
И горе несет уже вам!..

Девушки вскрикивали от ужаса. У Клауса по спине
побежали мурашки.

Это был не единственный певец, привлекающий вни-
мание публики на рыночной площади. Клаус повстречал
и других. Один, ударяя по струнам, извлекал неприятные
резкие звуки, другой — старик, седой как лунь, пел до-
вольно приятным глубоким голосом о богатстве этого
мира. Клаус остановился и прислушался.

Готы бочонками меряют золото,
Камни-сокровища в игры идут.
Прялки из золота, блюда из золота,
Свиньи — и те на серебряном жругт.

«Вот это жизнь!..» — подумал Клаус, услышав эти
слова.

— Слепцы идут! — крикнул кто-то, и Клаус обер-
нулся.

Видимо, это были семеро наказанных в Шверине раз-
бойников; значит, Йозефус не солгал.

Длинной цепочкой, держась за куртки друг друга, та-
щились слепцы, предводительствуемые калекой, левая
нога которого была деревянной. Лохмотья висели на их
телах, и серо-зелеными были их лишенные глаз лица. Все
семеро протягивали шапки, один беспрестанно выкри-
кивал:

— Помилосердствуйте, люди, помилосердствуйте!

Не дайте нам умереть с голоду! Помилосердствуйте, люди,
помилосердствуйте! Не дайте нам умереть с голоду!..

— Эй, вы, разбойники, — крикнул торговец скотом, —
больше не занимаетесь своим разбойничьим промыслом, а?

— Скольких людей вы погубили, пока были зрячи-
ми? — спросил другой. — Вам было знакомо милосердие?

— Люди жестоки, — сказал Клаус соседу.

— Что ты! Это злодеи, — ответил тот. — Они подкара-
уливали крестьян на дорогах, убивали, грабили.

— Но теперь они слепы и несчастны!

— Да, их сурово наказали.

Здоровенная крестьянка с повязанной пестрым плат-
ком головой, уже немолодая, вышла навстречу несчаст-
ным и крикнула:

— Постойте!

Она встала на пути одного из них, и тот, хочешь не хо-
чешь, вынужден был остановиться. Слепцы наткнулись
друг на друга и, хотя не видели, все же с любопытством
повернулись на голос.

— Прошло три года с тех пор, как моего мужа Андре-
аса убили на пути из Брюэля в Бютцов, — сказала она. —
Может, это вы, свиньи, убили его?

Слепцы смущенно что-то забормотали и закачали го-
ловами. Вокруг негодующей женщины и слепых, которые
стояли как застигнутые грешники, образовался круг из
крестьян и горожан.

— Тогда вы, негодяи, не задумывались, что значит
убить человека? — продолжала крестьянка. — Трое детей
было у нас, и мы ждали четвертого. Работящим и упорным

был Андреас, и тяжелым трудом мы зарабатывали на жизнь. А когда он погиб, мы голодали, младшая, Лиза, умерла. Умерла от голода. О мерзавцы, чего же вы заслуживаете?!

— Правильно, правильно! — кричали из толпы.

— Убить их! — крикнул кто-то.

— Но теперь вы и сами несчастны, — продолжала крестьянка изменившимся, полным сострадания голосом. — Теперь вы голодаете и живете милостыней. Вот вам хлеб, ешьте и продолжайте свой путь! — И она сунула в руку каждому из семерых слепцов по куску хлеба.

Люди изумились. Какое-то время все молчали. Потом кто-то крикнул:

— Славно поступила женщина!

Вокруг раздался одобрительный гул. Стали подходить к слепым и другие, бросая им кто грош, а кто и полпфеннига.

Кlaus стиснул руку соседа и сказал, не поднимая глаз:

— Вот это и есть истинное милосердие, не правда ли?

— Конечно, конечно! — ответил тот, тоже потрясенный происшедшим.

— Смотри-ка, слепые плачут!

И снова побрели слепцы сквозь ярмарочную толпу. И никто больше не посмел оскорбить их, никто не выражал презрения.

В Висмаре вспыхнула чума. Все предупредительные меры оказались напрасны, не подействовала ни одна молитва; и третий раз за последние двадцать лет «черная смерть» посетила перенесший тяжелые испытания город. Улицы обезлюдели, точно вымерли: горожане, стеная и молясь, попрятались в своих домах, стараясь носа не высунуть наружу. Ратсгеры и знать в первые же дни оставили город. Корабли покинули гавань. Ворота города были закрыты. По опустевшим улицам проносились закутанные вооруженные всадники. Разъезжали погребальные телеги, и собиратели трупов кричали в запертые дома, чтобы выносили мертвецов. На площадях горели большие костры для очистки воздуха. Вначале день и ночь звонили по умершим колокола, потом прекратили, потому что некоторые жители сходили с ума от этого зловещего звона.

В Висмаре жил в то время весьма знаменитый врач, который называл себя доктором Ангеликусом; говорили, что он учился в большом городе Париже. Жители Висмара в несчастье своем утешались тем, что в их городе есть такой ученый человек. Но доктору Ангеликусу решительно не везло с помощниками. Один умер в первые дни чумы. Другой убежал, и его нигде не могли найти. Старая женщина, которая и сама-то едва держалась на ногах, помогала этому ученому мужу принимать больных.

Klaus вызвался помочь ему в этом благородном деле. Доктор Ангеликус предупредил об опасности и спросил, приходилось ли ему помогать врачу.

— Нет, — едва слышно произнес Klaus.

Доктор Ангеликус реагировал на этот ответ ничего не значащим жестом и сказал:

— Неважно. Раз человек не боится и выражает добрую волю. . .

Доктор Ангеликус обладал внешностью, которая, по его собственному мнению, придавала ему особую значительность; коренастый, плотный, с длинной, почти до пояса, черной как смоль бородой, с такими же черными, густыми, кустистыми бровями.

Каждый день с утра и до позднего вечера больные чуть не дрались за место перед его домом. В этом столпотворении совсем недавно разъяренные пациенты насмерть задавили хворую женщину.

Klaus застал доктора в обеденные часы, единственное время, которое тот оставлял для себя. Когда он снова пошел вниз работать, он взял с собой и Klausа.

Доктор протянул юноше длинный, весь в пятнах крови и грязи, когда-то, видимо, белый полотняный халат. Кроме того, Klaus должен был надеть на голову колпак, напоминающий капюшон капуцинов, в котором были маленькие дырочки для глаз и узкая щель для рта. Врач, в целях защиты от заражения, натянул кожаные перчатки. Klaus таковых не получил, второй пары не было: сбежавший помощник прихватил их с собой.

В первом этаже у доктора была приемная. Тут же, рядом, в маленькой темной комнате лежали оперированные, лежали до тех пор, пока не набирались сил, чтобы добраться до дома.

Klaus оглядел приемную. В узеньком открытом шкафу у стены стояло множество склянок и коробок. На

высоком столе лежали разного размера ножи, щипцы, несколько круглых железных палочек, назначение которых Клаусу было неизвестно. И это все. Больные должны были садиться на деревянный ящик, который стоял посреди помещения.

— Пусть первый войдет! — приказал доктор.

Клаус подошел к двери. Много народу ожидало приема: мужчины и женщины, старые и молодые, но большую часть — старые. Увидев Клауса, они загалдели, умоляюще протягивали к нему руки, стали напирать друг на друга, толкаться: каждый хотел быть первым. Рослый исхудалый мужчина с силой прорвался вперед и проскочил мимо Клауса в дом.

— Выпусти дурную кровь из моего тела, — сказал он доктору, положил две медных монеты на стол, где лежали ножи, скинул со своих плеч куртку и уселся на ящик.

Клаус увидел на его левой лопатке большой темный желвак. Больной выпрямился и застыл. Он выглядел довольно крепким. Однако ребра выступали так, что их можно было пересчитать, и длинная шея была тонкой, как капустная кочерыжка.

— Скверно, скверно, — проворчал доктор.

— Выпусти дурную кровь из моего тела, — повторил мужчина, сохраняя неподвижное положение и не поворачивая головы.

— Нож! — приказал доктор.

Клаус протянул один из ножей, Ангеликус не взял его.

— Большой, острый, — сказал он.

Клаус подал другой и стал с интересом наблюдать.

Доктор взял платок и положил его левой рукой на желвак, чуть отклонился всем туловищем в сторону и сделал разрез. Больной издал глухой протяжный стон, оставаясь, однако, сидеть в той же позе. Кровь потекла по его спине. Платок, который держал доктор, быстро намок.

— Еще платок! — крикнул он Клаусу.

— Где? — спросил тот.

— Черт возьми, на шкафу висят!

Клаус подбежал к шкафу у стены. Там и в самом деле на стенке висели два платка. Он дал их доктору.

— Хватит одного, — пробормотал тот.

Клаус отнес второй назад.

— Много вышло крови? — спросил больной.

— Да, и совсем черная.

— Благодарю вас, доктор.

Второй случай был легче. Вошла женщина с нарывом на десне. Она считала, что через рот проникает чума, и поэтому стонала и плакала; выпученные от страха глаза ее готовы были выскочить из орбит. Доктор Ангеликус покопался железной палочкой у нее во рту, взял потом какую-то настойку и помазал десну.

— И никакой чумы? — все снова и снова спрашивала женщина.

— Нет, нет, — отвечал Ангеликус. — Исключено! Обычное воспаление!

Он и сам не подозревал, что в этот момент заразил несчастную.

— О, тысяча благодарностей, доктор! Благослови вас бог. — Она поклонилась и Клаусу, повторив еще раз: — Тысяча благодарностей!

До вечера было принято еще несколько десятков больных.

Ночью Клауса разбудил дикий шум. Он подбежал к окну и увидел на крышах красные отблески. «Боже милостивый, — подумал он, — не пожар ли в городе?» Он торопливо оделся и выбежал на улицу. Внизу он столкнулся со своим земляком, фургонщиком Клагенбергом, и от него узнал, что произошло. Вооруженные мечами и кольями горожане ворвались в населенные евреями и пришлыми людьми улицы, поджигали дома, убивали.

— Зачем они так? — возмутился Клаус. — Это нужно прекратить. Разве не довольно уже трупов?

— Но они же виноваты, — возразил фургонщик.

— Виноваты? В чем они виноваты?

— В чем... в чем? — Фургонщик, которого Клаус до сих пор знал как человека миролюбивого, был очень удивлен. — Они виноваты в том, что в городе «черная смерть».

И, — продолжал он наставительно, — если мы их не уничтожим, начнется землетрясение. А может быть, чолють ливни, посыплются с неба змеи, жабы.

— Кто это говорит такие глупости? — с возмущением крикнул Клаус.

Клаус бросился бежать на шум. Ему навстречу двигалась толпа возбужденных, орущих людей с топорами и толстыми палками в руках. Они кому-то грозили, что-то кричали друг другу, и нельзя было понять ни одного слова. Клаус прижался к стене и пропустил людей мимо.

И тут он увидел в середине толпы старого корабейника Йозефуса. Люди били его, швыряли из стороны в сторону, осыпали всевозможными ругательствами.

— Йозефус! — крикнул Клаус и хотел пробиться к старику.

Тот услышал крик и даже повернул голову, но Клаус был отброшен в сторону каким-то разъяренным мужчиной.

— Убирайся! — заорал он. — Справимся без тебя!

Следом бежали женщины и дети; женщины воздевали вверх руки, словно призывая в свидетели небо. Дети прыгали и веселились, точно это было радостное карнавальное шествие. Клаус был так поражен, что не мог ничего понять из раздающихся со всех сторон криков.

Печальный, подавленный, словно оглушенный происходящим, Клаус на некотором расстоянии последовал за толпой. «Они убьют его, и я ничем не смогу помочь старому корабейнику. Как это он говорил: «Все, все глупы или злы. Глупы или злы!» Теперь ему придется за это поплатиться. Куда же они его тащат?»

— Этого мне не жаль, — весело улыбаясь, сказал рядом с Клаусом молодой человек с тонким приятным лицом.

Клаус посмотрел на него.

— Нет, — повторил незнакомец. — Не жаль. Этот старый мошенник обманывал людей, и обо всем у него были свои собственные суждения. Я знаю его, это корабейник, который таскался по стране. Страшные вещи происходят в городе. Режут мужчин, женщин, детей.

— Ужасно! А городская стража? Где городская стража?

— Стража с ними заодно! Те еще безумнее. — Незна-

комец недоверчиво оглядел Клауса с ног до головы. — Кто ты? — спросил он. — Где-нибудь служишь в городе?

— Я помощник доктора Ангеликуса.

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялся незнакомец. — А я от него удрал.

— А, так это ты, — сказал Клаус. — Почему же ты убежал?

— Почему?.. Почему?.. Меня тошнит от такого количества крови.

— Да, это верно, — негромко произнес Клаус.

— Ангеликус не бережет крови. Повсюду ищет он плохую кровь, больную кровь. Кровь, которая льется сегодня ночью, наверное, тоже в его пользу. Это его крупнейшая операция, если допустимо такое сравнение.

— Как так? — спросил Клаус. — Разве Ангеликус это затеял?

— Прямо, конечно, нет! Но доктор боится, как бы его не посчитали шарлатаном, поэтому-то он и уверяет всех, что всякие бродяги и евреи — виновники этой напасти. Я сам слышал его речи.

— Ужасно, — снова сказал Клаус. — А ты не думаешь, что Ангеликус и сам считает, что они виновники этого всеобщего бедствия?

— Нисколько! — воскликнул бывший лекарский помощник. — Как ты только мог такое подумать! Он верит в это столько же, сколько ты или я!

— Но тогда это убийство? — воскликнул Клаус.

— Ну вот еще! — возразил незнакомец. — Самозащита!

— Как самозащита?

— Да так, он спасает свою собственную шкуру. Издалека, откуда-то из-за деревьев, донесся дикий рев. Сотни людей вопили одновременно.

— Бог мой, что там происходит?

— Наверное, убивают старого корабейника!

— Пошли! — И Клаус ринулся вперед.

— Зачем? — крикнул другой. — Кому от этого будет легче? — Но все-таки побежал за ним.

Толпа вытащила старика на рыночную площадь; его привязали к позорному столбу, к которому обычно привязывали воров и нарушителей супружеской верности: им полагалось тут искупать свои грехи. Быстро натащили соломы и дров, кучей навалили перед привязанным.

Старый корабейник, из уст которого до сих пор не вырвалось ни звука, теперь стал кричать, но не от страха, а от презрения к толпе. Он выражал всю свою ненависть, призывал на головы людей все проклятья небес, предрекал им всяческие несчастья. Кричал так, что на губах у него появилась пена, кричал до тех пор, пока совсем не охрип.

И вдруг взметнулось пламя, языки огня стали лизать несчастного. Поднялось темное облако дыма. По тысячной толпе пронесся крик облегчения: пламя и дым поглотили проклятия корабейника.

— С ним покончено! — крикнул незнакомец, которого увлек за собой Клаус. Он схватил Клауса за рукав. — Пошли, уйдем отсюда! Здесь оставаться опасно.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ СКОНЕ

Наступила весна, и пробудилось от долгой зимней спячки побережье Сcone на юге Швеции. Плотники, каменщики, кузнецы принялись за строительство домов, лавок, мастерских, коптилен, помещений для засолки рыбы, чинили пристани, проезжие дороги. Работали бондари в своих лачугах на берегу, и плоды их труда — тысячи бочек, готовых принять в свое нутро миллионы селедок, — выстроились в ряды и колонны, словно огромная армия. Канатчики вертели свои канатные колеса. Сетевзальщики расстилали для починки огромные рыболовные сети. А у самого берега, в надежных местах, стояли на якорях торговые корабли, которые пришли с востока из Новгорода и Висбю; Сcone было местом оживленного

торга. Выгружались русские меха, восточные пряности, шелковые ткани, пестрые шали и ковры, сушеные южные фрукты, вина. Корабли из гаваней Балтийского моря доставляли съехавшимся сюда людям продовольствие, множество бочек пива и меда, ячмень, овес, скот на убой, одежду и оружие, ремесленный инструмент и домашнюю утварь.

Каждый год на этой полоске побережья собирались рыбаки, ремесленники и торговцы со всей Европы; собственно говоря, останавливаться тут разрешалось только ганзейцам, но ведь союз городов — Ганза — связывал все торговые города запада, севера, востока, к нему принадлежали даже некоторые южные города, расположенные далеко в глубине материка. Англичане, норвежцы, датчане и шведы, торговцы из Ревеля, Данцига, Штральзунда, из Гreifswальда, Висмара, Любека, Киля, из Гамбурга, Бремена, Магдебурга, Брауншвейга и Дортмунда, Зоста, Кёльна, Бреславля, купцы из Голландии и Фландрии — все имели на Сконе свои витты — места промысла. Витты делились на участки — харды, строго разграниченные рвами и ручьями. Каждый витт подчинялся своему фогту, а все вместе подчинялись фогту Сконе — Вульвекену Вульфламу — сыну могущественного патриция и бургомистра Штральзунда Бертрама Вульфлама.

Условия работы рыбаков и оплата были установлены для всех единые, также, как и размеры и виды сетей, время лова и обработки рыбы и даже величина бочек, чтобы не было никаких обид. Никто, кроме купцов, фогтов и их слуг, не имел права носить оружие. Датскому королю, у которого ганзейцы в результате успешной войны отняли богатое рыбой и важное для господства на Балтике побережье Сконе, было позволено лишь раз в месяц присылать своих подданных, чтобы снабжать двор рыбой.

В начале июля 1373 года в лагерь виттенов на Сконе направлялась набранная в Висмаре и Штральзунде команда для лова сельди. Это были и не ремесленники, и не настоящие рыбаки, а просто нанятые для сезонного лова люди — пестрая, случайно подобравшаяся компания: согнанные с земли крестьяне, бродяги, странствующие актеры, которые хотели заработать на кусок хлеба, чтобы прожить суровые зимние месяцы, слуги рыцарей, потер-

певших крах, неунывающие искатели приключений — подмастерья, были тут и воры, и опасные преступники, надеявшиеся таким манером избавиться от рук палача. Купцы, совершавшие вместе с ними поездку на когге, в своих латах, кольчугах и кольчужных наголовьях напоминали заправских воинов и держались обособленно от этого сброда.

Клаус, находясь среди этих завербованных рыбаков, общался больше со старыми моряками, которые любили рассказывать о своих приключениях. К этим простым, прямодушным, большею частью немногословным, но не упускающим случая похвастаться людям он очень привязался. Крепко стояли они на ногах, смело и решительно выражали свои взгляды; ссоры порой решали в кулачном бою. Пожалуй, у каждого из них можно было заметить шрамы, и лишь у немногих не было увечий. У одного не хватало пальцев, у другого — глаза, у третьего — уха, а то и половины скальпа. Это было то, чем наградило их море, штормы и пираты.

Главным во всех их рассказах было пиратство, которым занимались владельцы замков на побережьях Балтики, Северного моря, по берегам рек. Они подкупали лоцманов и корабельщиков, чтобы те вели торговые суда опасными путями, где команде трудно было защищаться. Они раскладывали на берегах дезориентирующие огни, давали фальшивые световые сигналы, — ведь, если корабль выбрасывало на берег в их владениях, все, находящееся на нем, по береговому праву принадлежало им. И этих пиратов моряки отнюдь не считали бесчестными разбойниками, — тогдашние понятия допускали такие действия. Торговля на море была борьбой на море. Настоящим врагом торговцев было благородное сословие. Ютландские и голштинские графы, также как и герцоги Мекленбургский и Померанский, занимались пиратством. Сам датский король нет-нет да и отхватывал у моря прежирные куски. Сильный всегда прав, слабый всегда виноват. Побеждал смелый, и победитель снимал голову с побежденного.

Клаус поселился вместе с двадцатью восемью рыбаками в небольшой деревянной хижине. Здесь не было ничего, кроме длинных дощатых нар и стола: за ним, в луч-

шем случае, могли разместиться восемь человек, но пользовались им все. Запах пота, рыбы и водки, которым пропитались деревянные стены за многие годы, смешивался с новыми запахами и с едкой вонью рыбьего жира от горящего над дверью светильника. Клаус не был избалован жизнью и довольно быстро свыкся с обычаями этой компании, стал таким же грубым и выпивал по несколько бутылок данцигского или прозрачного кислого кельнского пива, хотя это еще и не доставляло ему удовольствия.

И все же даже такому крепкому парню, как он, в первые дни казалось, что его раздавит эта напряженная работа. Лов сельди был неимоверно тяжелым занятием. Забрасывать огромные сети и снова вытаскивать их уже с грузом пойманной рыбы — все это должны были делать человеческие руки. Шнуры сетей обдирали пальцы. Соленая вода разъедала кожу. Так и работали непрерывно весь сезон лова. Возвращаться — это означало выгружать рыбу, доставлять ее в копильни и на солку. И когда, наконец, наступал час отдыха, обессиленные, неумытые, они падали в мокрой одежде на нары и спали как убитые.

Тяжела была работа, сурова была жизнь в лагере витепов. Фогты придерживались любекского права с его варварскими обычаями. Малейшее нарушение жестоко каралось. И наказанием служило не тюремное заключение — люди расплачивались здоровьем и имуществом. Приезжая на Сконе полными надежд, люди часто покидали побережье калеками.

Очень скоро, в один из первых дней после прибытия, Клаусу представилась возможность познакомиться с фогтом Вульвекемом Вульфламом, которого все боялись из-за его необыкновенной жестокости. Свободные от лова рыбаки были собраны на суд витта. Мелле Ибрехт, девятнадцатилетний парень из Штаде, города на Эльбе, болезненный и вспыльчивый, во время ссоры в своей компании запустил пивной бутылкой в голову гамбургскому плотнику так, что тот провалялся в постели шесть дней. Фогт Вульвекем Вульфлам самолично выносил приговор. Как на особо отягчающее обстоятельство он указывал на шесть потерянных рабочих дней: Мелле Ибрехт должен был оплатить их из своего жалованья взносом в кассу витта.

Во время судебного разбирательства, которое происходило на обычном месте под липой, рядом с Клаусом стоял

молодой, выше среднего роста рыбак; маленькое остроносенькое лицо его было сплошь усыпано веснушками. Полный сочувствия к обвиняемому, он пробормотал:

— Раз уж сам Вульфлам вершит суд, хорошего тут не жди.

За драку Мелле Ибрехт был приговорен к лишению руки, которой бросил бутылку, и приговор предстояло немедленно привести в исполнение. Притащили деревянную колоду, и Мелле Ибрехт положил на нее руку. Палач фогта без лишних разговоров ударом топора отсек кисть. Осужденный не издал ни звука, лишь побледнел, как полотно; его перевязали, и тут же пояснили, что он может работать в копильне за треть положенного заработка.

Клаус с трудом преодолел чувство поднимающейся тошноты. Он обернулся к длинному веснушчатому парню, который не спускал испуганного взгляда с осужденного.

— Ты знаешь фогта? — спросил Клаус.

— Кто его не знает? — ответил тот, не глядя на Клауса. — У нас дома, а я из Штральзунда, некоторые дрожат, едва услышав его имя. — Молодой штральзундец посмотрел Клаусу в лицо и продолжал глухим голосом: — Ужасное семейство. И богатые, неисчислимо богатые. Они владеют восемью коггами, весь Штральзунд у них под пятой. Старый Вульфлам — свой человек у герцогов Померании и Рюгена. Да и у самого короля Дании.

Приговор был произнесен и приведен в исполнение; люди медленно расходились. Клаус и веснушчатый не спеша спускались к морю.

— Такова воля провидения, — пробурчал штральзундец.

— В чем воля провидения? — переспросил Клаус и усмехнулся, невольно связывая эти слова с только что свершившимся приговором.

— В том, что его зовут Вульфламом¹.

— Как, как? Что ты хочешь этим сказать? — И Клаус взглянул на своего спутника, который, погруженный в думы, шагал рядом с ним.

У него были совершенно белые, выгоревшие на солнце волосы, маленькие, очень светлые голубые глаза. Он был

¹ Вульфлам (нем.) — волк-овца, волк в овечьей шкуре, оборотень (Прим. перев.)

необыкновенно высок, и голова его казалась небольшой, длинные руки болтались, словно грабли. Как это часто бывает с высокими людьми, он сутулился и казался неуклюжим. Парень не ответил на вопрос Клауса, и тот сказал:

— Послушай, а что, если я — друг фогта или, чтобы заслужить его благосклонность, передам ему твои слова?

Долговязый парень остановился, словно громом пораженный, побледнел и в самом деле задрожал. Широко раскрытыми глазами он уставился на Клауса и долго не мог произнести ни слова.

Клаус, увидев, как подействовали его слова, даже пожалел парня. Он принялся успокаивать товарища: он никому ничего не скажет, конечно нет, он же не доносчик.

— Нн-о... бог мой... я... я же ничего... ничего плохого не сказал.

Клаус дружески положил ему на плечо руку и ответил:

— Я советую тебе быть поосторожнее в будущем, раз уж этот фогт такой волк!

Клаус и Герд Виндмакер, как звали долговязого парня, вместе пошли домой. Они стали неразлучными друзьями.

Над морем свирепствовал норд ост. Неслись темные, причудливо изорванные облака. Все огни на побережье были потушены. Вокруг царилась кромешная тьма. Рыбаки, которые из-за непогоды не могли выйти в море, теснились в пивной, и обрывки их монотонного пения доносились оттуда. Обнюхивая землю, между хижинами рыскали голодные собаки. Иногда доносились глухие звуки рога: это сторожевые побережья предупреждали моряков, находящихся в море.

Клаус в одиночестве сидел на камне на берегу, у его ног с глухими ударами разбивались высокие волны. Герд был в море. В такое ненастье не было никакой возможности пристать к берегу. Может быть, их унесло далеко-далеко. Может быть, они стали уже добычей шторма. Когда у друзей выдавалось несколько свободных часов, они вдвоем сидели на этом месте. Клаус и Герд были хорошими пловцами и часто в спокойную погоду уплывали далеко в море. Это было для них лучшим отдыхом.

Клаус смотрел на бушующее море, прислушивался к штормовому ветру: Герд был там, и ему надо было бо-

роться с могущественной стихией. Несмотря на все опасности, он чувствовал бы себя гораздо лучше вместе со своим другом на корабле, чем здесь на берегу, в одиночестве, полный тревоги, бессильный помочь ему, ожидающий, надеющийся.

И тут он заметил у ближайшей хижины, где жили восемь олдерменов, какие-то темные фигуры. Сначала он подумал, что это кто-нибудь из олдерменов пытается добраться до своих нар. Потом по четким контурам силуэтов он догадался, что это

люди в доспехах. Ага, значит, соглядатаи или слуги фогта. Что нужно им в такой поздний час и в такую непогоду в хижинах? Случилось какое-нибудь несчастье? Кого-нибудь хотят арестовать? Клаус неподвижно сидел на своем камне и наблюдал. Пригнувшись, крадучись двигались эти люди, тревожно озирались по сторонам. Их было трое. Один исчез в хижине. Клаус хотел было направиться туда и посмотреть, что бы это значило, но остался. Какое его дело, что там происходит? И тем не менее поведение этих трех облаченных в доспехи людей вызывало подозрение. Что, если они замышляют какую-нибудь подлость?.. Клаус забеспокоился. Потом снова сказал себе: «Слуги фогта лучше всех знают, что тут нечем поживиться. Главная выплата будет после окончания лова...» Прежде чем Клаус окончательно решил, идти ему туда или не идти, тень выскользнула из хижины, и все трое вдруг исчезли так же неожиданно, как и появились.

Клаус направился к хижине и вошел. Мигал жировой светильник. Внутри никого не было. Никаких следов грабежа. Медленно вернулся он и побрел по берегу с мыслями о Герде, о свирепом бушующем море.

Ночью фогт Вульфлам нагрянул с вооруженными

слугами в хижину рыбаков, согнал спящих с`нар и приказал обыскать помещение и каждого человека. На вопрос, что они ищут, ответа не последовало. Поиски оказались безрезультатными, и они перешли к следующей хижине. Проклиная нарушителей покоя, рыбаки снова улеглись. Но Клаус еще долго не мог заснуть: он размышлял о подозрениях, возникших у него на берегу, и чувствовал, что они связаны с этим ночным обыском.

На следующее утро стало известно, что похищена касса витта — почти шесть тысяч марок. Несмотря на тщательные поиски, ее не нашли. Фогт Вульфлам собрал всех обитателей лагеря, он обещал простить вора, если тот сознается и вернет украденное, он грозился жестоко покарать виновников, если они сейчас же не признаются в преступлении.

Несколько дней это событие было главной темой разговоров рыбаков, восхищавшихся тем, как ловко была совершена кража и как искусно запрятана добыча. Но постепенно это дело забылось, тем более что моряки из Любека прибыли с известием, что германский император оказал городу честь своим посещением. Это было знаменательное событие, потому что император до сих пор редко удостоивал внимания север своей страны, его чаще привлекал богатый, солнечный юг — Италия, Сицилия. И в пивной, и на кораблях, и в хижинах — повсюду оживленно обсуждался визит императора. Под золотым балдахинном прошествовал Карл IV по Любеку, впереди шел ратсгер с ключом города, позади — трое: герцог Саксонский с имперским мечом, маркграф Отто со скипетром, архиепископ кёльнский с державой. Люди, которые рассказывали о великолепии этого десятидневного торжества, не находили слов, чтобы описать ликование горожан, необыкновенную иллюминацию празднично украшенного города.

Поступали новые, все более волнующие новости. Говорили, что кайзер, обращаясь к ратсгерам города, назвал их «господа», и этим несомненно выразил свое уважение к торговой деятельности. Перечисляя большие города своего государства, он назвал Нюрнберг своим богатейшим, Кёльн — веселейшим, а Любек — прекраснейшим городом. И каждый ганзеец гордился честью и славой могущественных союзных городов. Отзвуки этого ликования достигли даже побережья Сконе.

Уже начали грузить корабли и разбирать хижины; через несколько дней все рыбаки должны были завершить лов, и предстояло возвращение в родные места. И именно в это время неожиданное событие взволновало весь лагерь. В хижине олдерменов, под порогом, слуги фогта обнаружили зарытую кассу. Тотчас же восьмерых олдерменов взяли под стражу. Фогт Вульфлам был вне себя и угрожал применить обещанное наказание. Рыбаки качали головами, искренне жалели воров и досадовали, что проклятое дело было раскрыто перед самым отъездом. Клаус подумал, что дело это нечисто. Он рассказал Герду о своих наблюдениях на берегу и спросил, что бы это за таинственные парни могли быть там?

Герд с полуоткрытым от удивления ртом выслушал его и сказал:

— Твари Вульфлама!

— Зачем ему это нужно? — спросил Клаус. — Самое большее — получит деньги назад. Или у фогта среди олдерменов есть враги?

— Подожди, — ответил Герд. — Подожди!

За день до отъезда из Сконе был назначен суд над восемью олдерменами. Рыбаки и работники тесной толпой стояли среди хижин у липы, под которой восседал суд: фогт Вульвекен Вульфлам и еще пять фогтов. В тяжелых цепях, бледные и подавленные, обвиняемые были приведены слугами фогта. Когда Вульфлам объявил, что они вору, те, пораженные чудовищным обвинением, уверяли, что невиновны. Фогт объяснил, что хотя они, вероятно, все соучастники, но если кто-нибудь из них раскается в содеянном и признается, он обещает быть милостивым. И опять все восемь уверяли, что невиновны и что понятия не имеют, каким образом шкатулка с деньгами попала в их хижину.

Олдермены всегда были старшими над виттенами, помощниками фогтов; они следили за порядком в лагере, улаживали случайные ссоры, распределяли работы, выплачивали жалованье. Им не надо было выходить на лов рыбы, и получали они больше, чем рыбаки, потому что на них была возложена большая ответственность.

Герд, бледный и взволнованный не менее чем Клаус, зашептал другу:

— Они поплатятся головой.

— Это просто невероятно, — отозвался Клаус.

— Но, может быть, их только ослепят, — сказал Герд, — это ведь любимое наказание Вульфлама. Вульфламы говорят: — Не опасен только убитый или ослепленный враг.

— Но разве олдермены враги фогта?

— Этого я тоже не знаю, — сказал Герд, — но выходит так. А ты замечаешь, что никто не спрашивает, как слуги фогта напали на след украденного добра?

Пока фогты совещались, Клаус, не обратив внимания на тревожный возглас Герда, прорвался сквозь плотно стоящих людей и предстал перед фогтом Вульвекемом Вульфламом. Это был рослый и стройный мужчина с широким, изборожденным глубокими морщинами лицом, с усами, свисающими над уголками рта до подбородка, одетый в кованную из стальных колечек кольчугу с гербом города Штральзунда — три рога и корона — знаком его фогтского достоинства. Он заметил, что Клаус намеревается обратиться к нему.

— Чего он хочет? — прорычал фогт.

— Я видел, как трое в доспехах тайно подобрались к хижине олдерменов, а один из них проник внутрь. Это было как раз в ту ночь, когда пропала касса.

В глазах фогта блеснул звериный зеленый огонек. Складки в уголках его рта дрогнули. Он посмотрел вокруг, словно проверяя, не слышал ли еще кто-нибудь этих слов, затем положил руку на меч и заорал:

— Это что, попытка повлиять на исход дела? Еще слово, и ты будешь закован в цепи!

И он отвернулся, не удостоивая Клауса больше внимания, а тот взглянул еще раз на его спину и медленно пошел назад.

Герд двинулся ему навстречу.

— Ты ему что-то сказал? — Герд был смертельно бледен.

— Это негодяй! — ответил Клаус.

— Тсс! Тихо! Ради бога молчи!

Через час был объявлен

приговор: выпороть всех обвиняемых плетью и отобрать все заработанное. Старейший олдермен, некий Фридрих Теннинг из Любека, был приговорен еще и к ослеплению, потому что, как старейший, он был ответствен за все, что происходило в хижине олдерменов.

Люди удивились мягкости приговора. Радостное оживление пронеслось по площади. Старый Фридрих Теннинг, однако, крикнул:

— Я невиновен!

Кое-кто из рыбаков отнесся к этому недоброжелательно, они считали, что Теннинг должен бы быть доволен — такого мягкого приговора никто не ждал. Фогт Вульвекем Вульфлам сидел мрачный, не спуская глаз с обвиняемых и зрителей.

Клаус молчал.

Обвиняемых привязали к восьми вкопанным столбам. Слуги фогта сорвали с них верхнюю одежду. Молча стояли сотни людей на площади, и можно было слышать каждый удар плети, потому что и истязаемые тоже не издали ни звука. Только один глухой стон пронесся над площадью! И Клаус почувствовал, что это старый Теннинг. Теннинг застонал не от боли: своими еще зрячими глазами он видел совершающиеся приготовления. Один из слуг калил на маленьком горне иглу.

Герд не мог сдержать дрожи. Лицо его позеленело. Нижняя челюсть бессильно повисла. Он все смотрел на Клауса, лицо которого лихорадочно пылало.

— О... очень мми-милостивый приговор! — вырвалось у Герда.

Клаус молчал.

Каждый получил по тридцать шесть ударов плетью, и их отвязали от столбов. И тут ужасный крик пронесся над головами собравшихся.

— Дождется этот фогт! — прошептал Герд.

— И такое он перенес... и такое он перенес! — запинаясь, бормотал кто-то рядом.

Крупные капли пота выступили на лбу Клауса. Глаза его нашли фогта. Тот невозмутимо взирал на перенесшего пытку.

Наступил тогхедаг — день выплаты денег. Клаус держал в правой руке серебро, которое ему новый олдермен отвесил на *scala argenti* — весах для взвешивания золота

или серебра,— и долго смотрел на свой первый в жизни большой заработок, но он не был рад ему: надо было подумать о Мелле Ибрехте и олдерменах. Это не были ганзейские эстерлинги или другие монеты: цеховое объединение сезонников добилось того, чтобы рыбакам и морякам платили серебром в слитках, которое в любом месте можно было обменять на ходовую монету. Монеты же в иных городах обменивались с большими потерями, потому что денежное обращение тогда было столь же запутанно, как и экономика государств. Сотни правителей в немецкой империи — князья, графы, герцоги и епископы — имели свои собственные денежные системы. Существовали винкеноги (пфенниги), торносы, сцильсы (голландские пфенниги), марки, «чистые» марки (чистого серебра), «вольные» марки (серебро с примесью), померанские, голштинские и мекленбургские пфенниги, золотые византийеры, рейнские гульдены, венецианские гульдены, дукаты и цехины, бюгельсы, богемские гроши, динары и оболусы, эртеги, фердинки, приусы, матумки, капита мартарорум (русские кожаные деньги), балхи (меха как средство платежа), схины (кожаные деньги). Кроме того, средством платежа служили слитки серебра, а при расчетах со шведскими рудокопами применялись аммер (янтарь) и дурстенты (драгоценные камни).

Порядочная груда слитков серебра лежала в стороне. Это было жалованье олдерменов, которое прибрал к рукам фогт Вульфлам. Клаус взглянул туда, и рука его дрогнула так, что он даже уронил кусочек серебра. Герд прошептал:

— Есть с чего начать! Счастье, что нас не постигла беда.

Едва побережье Сконе осталось позади, на корме штральзундской когги, на которой рыбаки направлялись через Балтику к берегам Померании, поднялся шум. Клаус, думая, что это связано с невинно осужденными олдерменами, — а двое из них находились на борту, — поспешил туда. Между штральзундскими и любекскими купцами шел спор по поводу посещения кайзером Любека. Завистливый штральзундец донимал любекцев анекдотами, полными издевок над ними и над кайзером, а те защищали свой магистрат и своего высокого гостя: Штральзундец уверял, будто бы любекские ратсгеры так раболепствовали перед кайзером, что даже просили не величать

их «господами», штральзундец же считал обращение «господа» совершенно естественным. «Любекцы потеряли всякое человеческое достоинство!» — заключил он. Кто-то вспомнил о необычайно высоких почестях, оказанных Любеком гостю, о том, что любекцы заложили камнем ворота, через которые проехал на коне император. «Никто из смертных теперь не проедет через эти ворота», — говорили они. Штральзундец, положив руку на сердце, уверял, что ему достаточно понятно: город Любек не только плотно закрыл за кайзером ворота, но и замуrowал их, чтобы тот знал, что незачем ему туда возвращаться. Почему же незачем возвращаться? И зачем он, собственно, появлялся? Штральзундцу было известно и это. Кайзер хотел бы руководить Ганзой, кроме того, он хотел примирить с ганзейскими городами имперский город Брауншвейг, выброшенный из Ганзейского союза. Любекцы же не хотели, как всегда хитрили и дурачили его до тех пор, пока он не покинул город, так и не добившись ничего и изрядно раздосадованный. Об олдерменах Клаус ничего не услышал. Он возвратился к своей компании.

ПРАВИТЕЛИ ШТРАЛЬЗУНДА

Звонили городские колокола, глухо гудели большие колокола кирхи Святого Николая. Пасха в этом году выдалась ранняя, и хотя было еще начало марта, погода установилась по-настоящему весенняя. Воздух был терпкий, прозрачный и чистый, и солнце, хотя и не припекало, но светило молодо и свежо. Страстная неделя и весна все расцвели яркими тонами. Дома патрициев сияли в лучах солнца. Эркеры и фронтоны вновь обрели прежние краски, на дверях блестели медные узоры.

Перед кирхой святого Николая толпился народ. Кому не удалось попасть внутрь, хотел, по крайней мере, хоть взглянуть на столпов города — бурговистра, ратсгеров, по возможности, и на других знатных господ и, конечно, на архиепископа Роскильского, которому предстояло слу-

жить пасхальную мессу. Ну и на господ юнкеров, на их короткие камзолы с длинными, свободно спадающими рукавами, на их разукрашенные шляпы, на их разноцветные остроносые, словно птичьи клювы, башмаки.

Из открытых дверей кирхи доносились низкие торжественные звуки органа. Люди слушали с обнаженными головами, шептали друг другу имена прихожан под красным балдахином. Старейшины цехов проходили обособленной группой, и впервые горожане нарушили благоговейное молчание, радостными возгласами приветствуя цеховых мастеров. Старейшины принадлежали к их среде, были их представителями. С ними вынуждены были считаться и правители города. Важно шел бургомистр Бертрам Вульфлам со своими сыновьями: Вульфом с одной стороны и Вульвекемом — с другой; огромные великаны походили скорее на воинов, чем на патрициев. Бургомистр в черном бархате, с тяжелой золотой цепью на шее, в берете — перо. Его сын Вульф, начальник городской стражи, в кольчуге, в кольчужном наголовье на огромном бычьем черепе, с большими шпорами на сверкающих латах ног. Вульвекем Вульфлам, фогт Сконе, в кирасе и шлеме, с широким мечом на боку. Горожане кланялись, но криков приветствия не было. Когда же появился новый ратсгер Карстен Сарнов, мастер цеха мясников, в великолепной куртке светлой кожи, с мечом на боку — знаком его нового положения, они приветствовали своего собрата. Это была их победа — человек из их среды попал в число знатных мужей города. В его лице они вошли под балдахин, это он представлял их в магистрате и на скамьях магистрата в кирхе святого Николая, которые были на менее почетны и роскошны, чем скамьи благородного сословия. Дородный мясник уже вполне вошел в свою новую роль.

За ним следовал Герман Хозанг, торговец и ратсгер, искренний друг ремесленников и заклятый враг Вульфлама. Неторопливо, задумчиво шел он рядом со своей юной светловолосой женой, одетой в длинное платье цвета морской волны. У него было узкое, выбритое лицо, на нем была простая серая куртка и такого же цвета берет, на широком желтом поясе висел короткий меч. И хотя ему было за сорок, он был строен и выглядел молодо. Празднично одетым горожанам, которые приветствовали его и кланялись, он отвечал улыбкой. Вместе с Карстеном

Сарновым они возглавляли борьбу против семейства Вульфламов. В магистрате он был одним из тех, кто мужественно выступал против этих волков и отстаивал права горожан, кое-кто поговаривал, что он состоит в тесной связи с добившимися успехов ремесленниками Брауншвейга и Франкфурта. Многие надеялись, что под его руководством и в Штральзунде патриции будут сломлены.

Карстен Сарнов сидел на скамье магистрата среди «новеньких» членов, Герман Хозанг — среди «уже не раз заседавших», трое Вульфламов сидели в первом ряду среди «старых» членов совета. Этот стародавний порядок магистрата строго соблюдался и в кирхе святого Николая. Среди жен ратсгеров, которые сидели посередине церкви, у кафедры, была и молодая жена Хозанга. Несмотря на простой неброский наряд, она несомненно была самой привлекательной, и ее все беззастенчиво разглядывали, а особенно толстые, увешанные драгоценностями жены Вульфламов, супруга же Вульфа Вульфлама прямо не сводила с нее глаз, ибо притязала на звание не только самой богатой, но и самой прекрасной дамы Штральзунда. Все еще помнили, как во время бракосочетания жених Вульф Вульфлам, чтобы она не испачкала своих башмаков, устелил ей путь от своего дома до кирхи святого Николая английским сукном.

Хозанг чувствовал себя в среде этих бюргеров чужим и одиноким; никто не обращался к нему, никто не приветствовал его, и только Карстен Сарнов помахал ему поднятой рукой. Да, Герман Хозанг, штральзундский купец, сидел в магистрате среди врагов. Может быть, кто-нибудь и хотел бы проявить к нему дружеские чувства, но страх перед всемогущими Вульфламами не позволял этого сделать. Хозанг был избран народом и среди патрициев оказался изгоем.

Звуки органа смолкли, архиепископ Роскиллский поднялся на кафедру. Сияли расшитые золотом митра и стола, в которые он облачился в честь великого праздника, пектораль на его груди сверкала брильянтами. Подавленные этим блеском верующие благоговейно молчали. Архиепископ обвел взглядом скамьи магистрата и начал протяжно:

— ...Omnia vincit amor...¹

¹ ... Любовь все побеждает... (лат.)

Хозанг видел перед собой плотные затылки главных врагов. Они, несомненно, были преисполнены сознанием своей мощи, особенно теперь, после событий в Анкламе.

Горожане Анклама попытались поднять восстание и установить новые демократические порядки в городе. Восстание было потоплено в крови герцогом Померании. На помощь герцогу Богиславу пришел Вульф Вульфлам, он делал свое дело: колесовал и тащил на эшафоты мятежников, анкламских ремесленников. Его любимым изречением было: «Пусть лучше город провалится в преисподнюю, чем им будет править чернь». Анклам не провалился в преисподнюю — он стал грудой развалин, братской могилой. Из дани, которой еще обложили несчастный город, четырнадцать тысяч марок и два корабля достались Вульфу Вульфламу. «Подождите, мерзавцы, вам придется за все расплатиться, — подумал Хозанг. — Расплатиться так, как это принято у купцов. Ваше могущество не вечно».

— ... pater, ora pro nobis! Amen! ¹ — закончил архиепископ и все повторили:

— А-а-amen!

Когда Герман Хозанг вслед за Вульфламами одним из первых покинул кирху, толпа, которая во все время службы терпеливо стояла перед церковью, разразилась криками ликования. Чтобы Вульфламы не приняли эти восторги на свой счет, горожане беспрестанно кричали:

— Хозанг!.. Да здравствует ратсгер Хозанг!..

Вульф Вульфлам шепнул отцу:

— Видишь, нам нельзя терять времени!

И бургомистр, окинув недобрый взглядом мятежную толпу, кивнул в знак согласия.

После этого торжественного праздника Клаус и Герд Виндмакер посетили Хозанга. Дом Хозанга находился недалеко от кирхи святого Николая, поблизости от ратуши; это было старое здание, которое уже простояло на этом месте, наверное, не меньше ста лет и среди больших, недавно окрашенных зданий, выглядело довольно скромно. Высокий фронтон устремлялся вверх семью уступами так, что казался похожим на торчащую кверху семипалую руку. Фасад здания был непритязательный, гладкий, без

¹ ... отче, молись за нас! Аминь! (лат.)

эркеров и каких-нибудь украшений. И внутри здания была такая же простота. На полу стояли бочки и мешки. Деревянная лестница вела в верхние этажи.

Они сидели перед купцом в длинной, почти пустой комнате, в которой стояли широкий стол, несколько стульев и весы; тут же находился и огромный волкодав, который не спускал глаз с незнако-

мых людей. Клаус просил купца взять его матросом. Он показал рекомендации уважаемых горожан: мастера Тибада — бочара, у которого он работал зимой, и мастера рыбного цеха — хорошего знакомого Герда Виндмакера.

Хозанг молча рассматривал обоих парней. Простое непринужденное поведение Клауса понравилось ему: «Из этого вышел бы добрый моряк».

— Ты должен быть готов к борьбе, если хочешь на мой корабль, — сказал он. — «Женевьева» — одно из тех судов, которое постоянно подстерегают опасности. С тех пор как я стал ратсгером, пираты особенно интересуются этим судном.

— С тех пор как вы стали ратсгером? — не понял Клаус.

— Мои враги — могущественные люди, — пояснил купец.

— Я думаю, пираты — враги всех купцов, — ответил Клаус.

— Ты ошибаешься. Кое-кто из купцов с ними заодно. А есть такие купцы, которые и сами не прочь заняться пиратством. А один... Один из моих врагов очень влиятельный человек.

— Но зато у вас сотни друзей! — воскликнул Клаус.

— Один враг — это много, а сотни друзей — это мало, — смеясь ответил Хозанг.

— Вы имеете в виду Вульфлама, не так ли? — вмешался Гerd.

— Весь город знает моего врага, — ответил Хозанг.

— И я знаю одного из этих Вульфламов, — горячо начал Клаус, — того, который был фогтом в Сконе. Он высек восьмерых олдерменов и одному выколол глаза. Но преступление, за которое он их наказал, было подстроено им самим, чтобы присвоить их жалованье.

— И, наверное, еще и кассу витта, — заметил Хозанг, — он и о ней позаботился, не так ли?

— Да, но ее потом нашли. А это значит что он сам ее и спрятал.

— Что? — Хозанг даже вскочил с места. — Ее нашли?

— Ну, конечно, иначе бы нельзя было расправиться с олдерменами, — ответил Клаус.

Хозанг снова уселся на свой стул.

— Так вот что, — пробормотал он, — а город Штральзунд должен возместить ему шесть тысяч марок, которые, как утверждают, были украдены в Сконе. И никому не известно, что пропала нашла.

— Мнимая пропажа, — заметил Клаус.

— Так оно и есть, — произнес Хозанг. — И вот, скажите мне, — горько усмехнулся он, — разве это не пират?

— Нет, — тотчас же возразил Клаус, — Он подлец! Пираты не лишены чести.

— Уже восемнадцать лет бургомистр не отчитывается перед горожанами за деньги, которыми распоряжается. Уже восемнадцать лет, с тех пор как он стал бургомистром! — Лицо Хозанга было бледно от гнева. Он опустил взгляд, смотрел перед собой на стол и продолжал: — Даже если бы во главе магистрата стоял кто-нибудь из знати, занимающейся разбоем, он и то не стал бы так бессовестно грабить горожан, как этот патриций и иже с ним. Стыд и срам... — Он посмотрел Клаусу в лицо. — И ты хочешь быть у меня матросом?

— Только у вас, — ответил Клаус.

Корабельный священник Амброзиус сидел в кабинете бургомистра Бертрама Вульфлама, рядом с которым, опершись на меч, стоял весь закованный в железо его сын Вульф.

— Господин священник, — сказал бургомистр Вульфлам, — нас интересуют события на «Женевьеве», вы совершили на ней последний рейс, и можете рассказать кое о чем. Итак, матрос, его звали Эриксон, не правда ли?

Датчанин или норвежец, он погиб, так ведь? Я слышал — погиб в борьбе с пиратами. . .

— И, говорят, от рук пиратов, — добавил Вульфлам.

— Да, это верно. Восточнее Готланда мы подверглись нападению финских пиратов. Но мы сумели от них отбиться.

— И этого Эриксона убрали не свои собственные люди? — спросил бургомистр.

— Исключено, ваша честь, — воскликнул священник. — В его груди сидела стрела вражеского арбалета. Я сам читал ему отходную.

— Так, так, — сказал бургомистр и мрачно посмотрел на слугу божьего, которому стало не по себе, потому что он почувствовал, что тут задумано преступление, и ему, видимо, определена какая-то роль. — Хозанг утверждает, что закупил в Ревеле только меха и сало, но я имею сведения, что у него на борту были и серебро, и золото, и дорогие ткани, и ковры. Вам не удалось ничего заметить во время погрузки?

— Нет, нет, ничего похожего, бог мне свидетель! — испуганно воскликнул священник.

— И на борту все было в порядке? — спросил младший Вульфлам.

— Вполне, я не могу сказать ничего плохого.

— Ну, преподобный, — язвительно рассмеялся старый Вульфлам, — это, пожалуй, было единственное судно в море, на котором все в порядке. Вас обвели вокруг пальца, вас обманули. И вы не сумели раскрыть их проделки.

— Ваша честь, я могу говорить только о том, что видели мои глаза. Не забывайте, что я не купец и не моряк, моя служба на корабле. . .

Вульфлам недовольно мотнул головой: это становилось скучным.

— Вы не будете больше ходить на «Женевьеве», преподобный, вы мне очень нужны, я не могу обойтись без вас. Скажите об этом Хозангу. Но ни слова о наших разговорах, не то вы можете стать соучастником проделок Хозанга.

Священник был отпущен.

— Ну и ворона! — буркнул младший Вульфлам.

— Он не хочет. У Хозанга больше друзей, чем мы предполагали.

— Тем хуже для них, — сказал Вульф Вульфлам. — Священник, несомненно, принадлежит к партии Хозанга.

— Хозанг нам еще доставит хлопот, — продолжал бургомистр. — Это он распространяет среди горожан слухи, будто бы мы собираемся на ближайшем заседании совета представить отчет за прошедшие восемнадцать лет. Но пока у него всего один дружок, в магистрате, он не представляет особой опасности.

— У него нет единомышленников среди ратсгеров, — сказал младший Вульфлам. — Карстен Сарнов не дурак и соображает побыстрее, чем этот Амброзиус. Он будет молчать, линию Хозанга он не поддержит.

— Опасен не Карстен Сарнов, а сам Хозанг. Не забывай об Анкламе. А там не было никакого Хозанга. Сарнов должен не только молчать, он должен выступать против Хозанга. Только он может успешно противодействовать ему. Этого нужно добиться, и тогда мы предотвратим беду. . . А судовым священником на «Женевьеву» мы пошлем патера Бенедикта. На этого можно положиться.

— А если граф из Плетцума нападет на «Женевьеву», едва она выйдет в море?

— Тогда он захватит ее, а не мы, — ответил старый Вульфлам. — И не в корабле дело, Хозанга нам надо уничтожить. Сумеет ли это сделать, и никто не будет пытаться оспаривать у нас его корабль. Кроме того, как тебе известно, фон Плетцум обманщик. Нашу последнюю долю мы еще не получили, лучше уж этот Эберштайн, но тому совсем неинтересна «Женевьева», ему и свои-то собственные корабли ни к чему.

— Поднять паруса! — закричал капитан, и матросы на марсе стали тянуть вверх огромные реи с трапециевидными парусами; им помогали те, что находились на палубе. Ветер, словно только и ждал этого, сразу наполнил их. Восемь матросов налегали на вымбовки шпилья. С мола гавани доносились голоса. Прибыл Хозанг, чтобы проводить свой корабль. Среди грузчиков и ремесленников, собравшихся в гавани, стоял и Герд, который, конечно, был бы на корабле, если бы не больная мать, которую он не мог оставить одну.

Клаус, напрягая все свои силы, помогал поворачивать шпиль, и каждый раз, когда во время этого топтания по

кругу его лицо было обращено к молу, он бросал быстрый взгляд на набережную. «Я моряк, — не выходило у него из головы. — Я моряк. А море — это и Швеция, и Готланд, и далекий Новгород». Он был невыразимо счастлив и бесконечно благодарен купцу Хозангу. Он так хотел стать настоящим моряком, идущим навстречу ветрам, непогоде, опасностям.

— Якорь чист! — крикнул вахтенный.

Шпиль был застопорен. С мачт посыпались вниз матросы. «Санкта Женестьева» медленно, едва заметно двинулась в открытое море.

Последний взгляд на провожающих, которые на глазах становились все меньше и меньше. Последние взмахи рук. Последние прощальные крики. Город, дома, башни, мачты кораблей в гавани — все пропало в утренней дымке. Постепенно рассвело, но солнца все не было видно; дул попутный ветер, и корабль шел хорошо. Рулевой на ахтердеке управлял кораблем. Рядом с ним, скрестив на груди руки, стоял капитан, его придирчивый взгляд был направлен на паруса.

И Клаус смотрел вверх на огромное, надутое ветром льняное полотнище, на котором был герб Хозанга: на голубом фоне большое золотое кольцо, а внутри его — корона и три рога, герб города Штральзунда. Матросы озабоченно бегали по палубе, закрепляли канаты, покрепче заколачивали клинья, у каждого было дело. Клаус взглянул на море, в ту сторону, где оставался город. Еще виден был вдалеке берег и много маленьких лодок, покачивающихся на волнах. С одной из таких рыбацких лодок они повстречались. Рыбак помахал им рукой, желая счастливого плавания. Лицо Клауса горело; ему хотелось громко кричать от радости. Он в море! Наконец-то исполнилась его мечта. Он — моряк, он — мореплаватель, он идет на большой гордой когге.

Ратуша Штральзунда была роскошным, в стиле ранней северной готики строением. Расчлененный на шесть частей, высоко вздымающийся фасад, шесть отдельных одинаковых башен на фоне возвышающегося за ними купола кирхи Святого Николая. Ратуша целиком занимала протянувшуюся более чем на сто метров узкую сторону площади, по двум другим сторонам которой располо-

жились дома штральзундских патрициев. Внутри ратуша была столь же великолепна, как и снаружи. Штральзунд, как и Любек, был богатейшим и могущественнейшим городом на севере — вот о чем свидетельствовала ратуша.

Вестибюль ратуши напоминал залы рыцарских замков: вокруг были расставлены доспехи, а у входа — старая пушка с каменными ядрами: первая пушка, которая стояла когда-то на городской стене Штральзунда. Резные перила широкой лестницы из кавказского ореха, доставленного сюда по великому пути «из варяг в греки» через русские земли, были выполнены в виде забавных фигурок весьма тонкой работы. Лестница эта упиралась прямо в большой зал ратуши, разделяясь далее на правую и левую. — вела в присутственные помещения.

Зал ратуши, великолепнее которого не было ни в одном венецком городе, зал, который своей вызывающей роскошью превосходил даже любекский, был мрачным и в светлые дни, потому что его четыре больших окна представляли собой красочные витражи, воспроизводящие в аллегорических образах историю человечества от Адама и до расцвета могущества Штральзунда. Стены были обшиты деревом совершенно черного цвета с отделкой из пород самых разнообразных оттенков от темного до песчано-желтого. Разные фигуры изображали сцены из священного писания.

В эту пору император, опираясь на города, начал борьбу с отдельными феодалами за абсолютную монархию. И в то же время в стенах городов происходила ожесточенная борьба за утверждение демократических гражданских прав против безраздельного господства патрициев. В более развитых и сильных городах южной Германии эта борьба завершилась частичной победой цехов; во Франкфурте, Нюрнберге, Ульме и Базеле ремесленники взяли власть в свои руки и ввели демократические законы. Народное управление, обеспечив развитие ремесел, привело эти города к расцвету, к небывалому росту их могущества и благосостояния. Иное дело в северных городах, больших ганзейских городах, в которых хозяевами были крупные торговцы, купечество и судовладельцы, — как их называли в народе, «денежные мешки». Только в Брауншвейге восстание цехов достигло успеха, вот почему этот город был изгнан из Ганзейского союза патрициями, хозяй-

ничающими в других ганзейских городах, вот почему этот город был взят ими под особое наблюдение и всякая торговля и сношения с ним были запрещены. Это тяжело отразилось на Брауншвейге, торговля пришла в упадок, и многие жители оказались в жестокой нужде.

После 1370 года, когда ганзейские города одержали победу над датским королем Вальдемаром Аттердагом, союз городов еще больше укрепил свое влияние на севере. Патрициям, однако, мало было их привилегий, они стремились к богатству, и только к богатству. Они упрочивали свои исключительные права в торговле, образовывали судовые компании, разоряли мелких торговцев или заставляли их вступать в свои торговые объединения. Все это вело к сказочному обогащению незначительного слоя городской аристократии и к разорению и нищете массы городского населения. Опасаясь, что цехи будут претендовать на власть, патриции заключали договоры с феодальными князьями и с епископами против горожан, против народа и с помощью рыцарства в потоках крови топили восстания горожан.

Мелкие феодальные князьки севера, которые промышляли разбоем на дорогах и пиратством на морских путях, охотно откликались на призывы патрициев выступить против горожан, потому что это сулило богатую добычу. Однако на морях были пираты и не из «благородных», они были непримиримыми врагами и патрициев, и феодалов и на свой собственный страх и риск занимались пиратством. Это были большею частью капитаны и моряки, которые восстали против своих господ — торговцев — и вели свободную, независимую жизнь морских разбойников, существовали за счет морского грабежа. Когда они чувствовали себя достаточно сильными и, возможно, были в тайном сговоре с ремесленниками и городской беднотой, они нападали на города, грабили торговцев, богатых бюргеров и таким образом мстили за обездоленных.

Пиратство в те времена отнюдь не было бесчестным или запретным занятием: князья, епископы, короли пользовались пиратами как ландскнехтами, да и сами занимались разбоем на море и на суше. Слабый расплачивался. Сила была выше права. Так далеко было это от единого государства, так далеко от единого права. А кайзер, который должен был поддерживать порядок и право, едва

едва справлялся со строптивыми феодалами на юге и в Италии, чтобы не дать развалиться государству; беспокойный север был предоставлен самому себе.

По могуществу и богатству на балтийском побережье, в Померании, Штральзунд уступал только Любеку — первому городу Ганзейского союза. Померания особенно отличилась в великой морской битве союза городов с датским королем и получила львиную долю добычи. Само собой разумеется, что в Штральзунде господствующее семейство Вульфламов большую часть этой добычи урвало себе. Четырнадцать захваченных датских судов досталось Вульфламам. Добыча рыбаков на Сконе тоже попала в их копилку. Мало того, используя свое высокое положение и власть, которую они узурпировали, Вульфламы хозяйничали и распоряжались так же своевольно, как владетельные князья.

И только один Герман Хозанг, небогатый купец, владеющий всего одним судном, был непримиримым врагом Вульфламов и пользовался поддержкой ремесленников. Он знал, что победа над разбойничающими князьями Померании и Рюгена возможна только в результате борьбы народных масс и что настоящего расцвета город может достичь только при установлении демократических порядков. Но Вульфлам и все патриции города проявляли заботу только о сохранении существующих порядков; видя в Германе Хозанге опаснейшего врага, они боролись с ним всеми возможными средствами. И теперь они приготовились нанести ему решающий удар.

Удар, полученный от Вульфлама, был для Хозанга полной неожиданностью. Когда стражник вошел в дом и сообщил, что ему надлежит немедленно прибыть на чрезвычайное заседание магистрата, Хозанг задумался, что бы означала такая поспешность.

Дома никого не было — ни жены, ни даже глухого слуги. Он пошел в свою комнату переодеться. Стражник остался стоять у входа на лестницу. Если бы хоть Бендов, его писарь, был тут! И снова он спрашивал себя, что случилось? Заседание магистрата не могло остаться втайне от народа, отнюдь нет, ведь ратсгеров собирают с помощью стражников. Им овладевало все большее и большее недоумение. Может быть, этот день действительно будет

иметь большое значение. Никто не помешает ему произнести речь, и роскошные окна, которые хотя и пропускают мало света, должны будут пропустить его слова, понятные каждому жителю города. Берегитесь, Вульфламы! Вы должны отчитаться в расходовании городских средств за восемнадцать лет! Отчитаться и за шесть тысяч марок, возмещенных городом за якобы украденную кассу витта! Отчитаться за тайные переговоры с Бориславом из Рюгена и Вартиславом из Вольгаста! Отчитаться за средства, выделенные на укрепление острова Стрела! Отчитаться! Отчитаться!

Пока Герман Хозанг, впервые надев меч, который был положен ему как ратсгеру, в сопровождении стражника проходил недолгий путь до ратуши, он был полон решимости и уверенности в победе, как полководец, который стоит во главе сильного войска и ведет его в битву за правое дело. И только одно заботило Хозанга: что он не имел возможности заранее договориться с Карстеном Сарновым о совместной борьбе.

Когда Герман Хозанг вошел в зал заседаний, к его удивлению, все ратсгеры и оба бургомистра были на местах, и заседание, казалось, было в полном разгаре. Ему было предоставлено место в третьем ряду, среди «уже не раз заседавших»; жалко, не рядом с Сарновым. Ратсгеры сидели на своих стульях с высокими спинками, украшенными богатой резьбой с различными завитушками. Стулья располагались прямоугольником. Напротив двери на еще более широких стульях, с еще более высокими спинками сидели бурго-

мистр Бертрам Вульфлам и второй бургомистр Николаус Зигфрид.

Бургомистр Вульфлам спокойно и убедительно говорил о возведении сооружений гавани. Чем дольше он говорил, тем больше возмущался Хозанг. Его, как преступника, извлекли из дома, когда уже шло заседание. И он готов был, как только бургомистр закончит, бросить магистрату свои обвинения. Он искал возможности встретиться взглядом с Карстеном Сарновым, тот между тем, кажется, не испытывал такого желания и неотступно смотрел на бургомистра. Огромен был этот Вульфлам, на голову выше любого из других Вульфламов. Но старый Вульфлам с годами стал тучен, грудь его выпячивалась, как латы, огромный живот делал его похожим на великана, которому стоит просто махнуть рукой, чтобы сразить противника. Его сын носил «вульфламовские усы», как называли свисающие по обе стороны рта монгольские усы. У старого же Вульфлама была пышная, буйно разросшаяся, ярко-рыжая окладистая борода, которая закрывала половину лица и спадала на могучую грудь. Ему было около семидесяти, однако темные волосы, выбивающиеся из-под покрывавшего огромную голову берета, еще не тронула седина. В глазах, смотревших из-под кустистых бровей, было достаточно спокойствия, рассудительности и властности. Несмотря на всю ненависть и отвращение, которое чувствовал Хозанг к бургомистру, внешний вид этого патриция действовал и на него подавляюще. И никто бы не подумал, что этот могучий, прямо-таки величественный человек жаден до золота, упивается убийством, одержим жадной власти. Казалось, яд, нож, пытка и все, что свойственно хищной волчьей натуре, — понятия, несовместимые с ним.

Хозанг очнулся от своих мыслей, когда начал говорить Николаус Зигфрид, второй бургомистр. Он был среднего роста, но рядом с Бертрамом Вульфламом он казался маленьким и хилым, хотя был просто строен и худощав. Его узкое сухое лицо казалось как бы приплюснутым, потому что лоб был очень покат. Лет на десять моложе Вульфлама, он выглядел лет на десять старше, потому что был сед, а под усталыми глазами набухли мешки. Если у старого Вульфлама голос был низкий, грубый, отчетливый, то у этого он был высокий, визгливый и неприятный.

С каким вниманием стал слушать Хозанг, когда разо-

брал, о чем говорит бургомистр Зигфрид! О весьма при-
скорбном происшествии докладывал он, о происшествии,
которое единожды произошло за всю историю города, и да
будет воля господня, чтобы оно и осталось единственным.
Он сожалел, что долг бургомистра заставляет его выпол-
нять эту неприятную задачу. Он просил господ ратсгеров
отнестись к нему поэтому снисходительно.

— Речь идет о члене магистрата господине Германе
Хозанге.

Хозанг медленно и тяжело поднялся.

— Что такое? — спросил он и посмотрел вокруг.

В голове его все смешалось. Он почувствовал, как по
его телу разливается холод. Что за спектакль здесь разыг-
рывается? Какое над ним затевается издевательство?
И еще этот стражник. Не провожатый, а охрана! На него
смотрели, как на пленника. Хозанг взглянул на Бертрама
Вульфлама, несомненно, зачинщика этой новой подлости.
Тот невозмутимо читал бумагу и только иногда бросал
украдкой взгляд на членов магистрата. «Хочет опередить,
хочет не дать мне говорить, не хочет отчитываться, решил
заткнуть мне рот». Это все Хозанг понял в один момент.
Ему бы надо прямо крикнуть об этом, но он стоял молча,
словно оцепенел в ожидании. Какое же новое преступле-
ние задумал против него Вульфлам?

Меха?

О, бог мой, речь идет о мехах, бургомистр Зигфрид
беспрерывно говорит о каких-то мехах, недоумевал
Хозанг. Что за меха? Это же неслыханный позор, если
торговец использует свое положение в магистрате для
того, чтобы обойти закон города и извлечь выгоду.

— Говорите яснее! — крикнул Хозанг.

— Он хочет ясности, вы слышите? Хозанг хочет
ясности! — завопил бургомистр Зигфрид и захлебнулся
собственным криком.

Хозанг наконец понял, что речь идет о провозе четы-
рехсот шкурок пушнины, среди которых сорок представ-
ляли собой особенную ценность и стоили всех остальных
мехов, что его обвиняют в нарушении новых законов го-
рода о пошлинах, в которых предусматривалась строгая
ответственность за провоз именно таких дорогих мехов.

— Это порочит облик торговцев в глазах народа! — не-
истовствовал бургомистр Зигфрид. — Это неслыханное
нарушение чести сословия!

— Я ничего не знаю об этом! — воскликнул Хозанг. —
Я сейчас же постараюсь все выяснить!

— Мы тоже, — прокаркал Николаус Зигфрид. — И мы
не только постараемся, мы уже выяснили!

— Ратсгеры! — крикнул Хозанг. — Это ложь, подлая
клевета! Это козни моих врагов в магистрате!..

Он хотел атаковать Вульфлама, но не смог, потому что
его слова вызвали бурное возмущение. Подобных слов еще
не произносили в этих стенах. Личные нападки до сих пор
не имели места в магистрате и были недопустимы. Вместо
яростного нападения ему надо было подумать о серьезной
защите. На него напали, и ему нужно было найти способ
защититься, но он не находил его.

Бургомистр Зигфрид крикнул:

— Слово ратсгеру Карстену Сарнову!

Тотчас все смолкли и смотрели на мясника, который
совсем не просил слова, но точно знал, чего от него ждут.

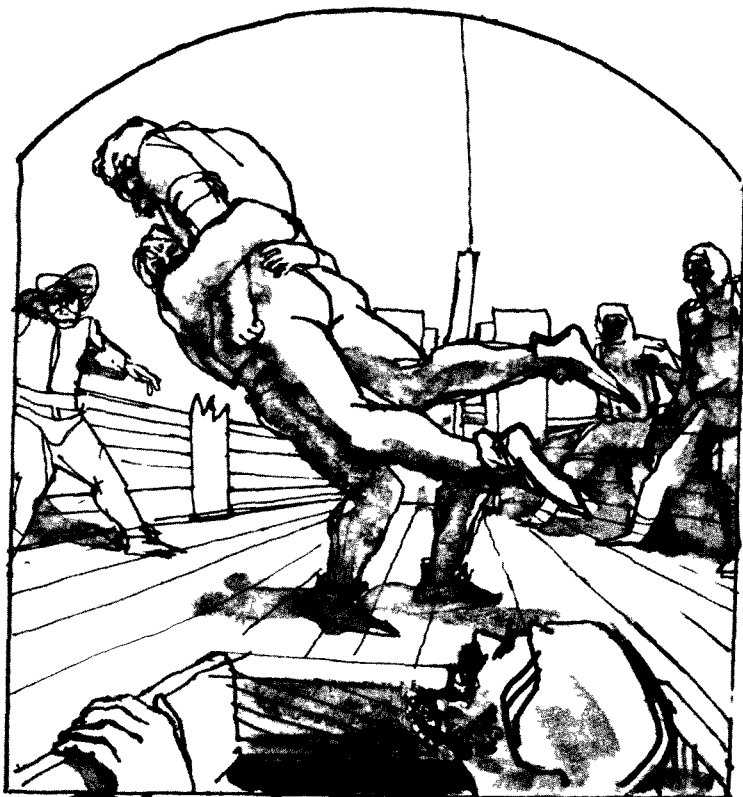
— Вот это правильно, — крикнул седовласый ратсгер
Йоган Тильзен.

И Герман Хозанг был ошеломлен этой репликой и по-
смотрел на своего единомышленника.

Мясник проявил себя испытанным дипломатом; он
защищал Хозанга и в то же время поддерживал бурго-
мистра Зигфрида. Он характеризовал Германа Хозанга как
до сих пор безупречного человека и в то же время отмечал,
что тяжелое обвинение бургомистра нельзя, как он счита-
ет, так легко отмести без тщательного расследования. Он
сказал, что бургомистр совершенно прав, что купец, ко-
торый заседает в магистрате, должен быть в своих сделках
вдвойне, втройне безупречен и безусловно выполнять
законы, установленные магистратом. Случай с купцом
Хозангом, по его мнению, требовал тщательного рассле-
дования. До окончания расследования нельзя выносить
окончательного решения. Он сам человек новый в ма-
гистрате, однако считает, что нужно всегда придерживаться
закона и быть честным.

Эта речь была выслушана очень внимательно. Герман
Хозанг потребовал слова. В этом ему было отказано. Он
опустил голову, мужество покинуло его.

До суда он был заключен под домашний арест, что не
ущемляло его чести. Это означало, что, пока идет расследо-
вание, он не может покинуть свой дом и не может никого
принимать.

В МОРЕ

Стотонная когга «Санкта Женевьева», не-
длинная, широкая, высоко поднималась над водой; ее
похожие на башни нос и корма были почти одинаковой
высоты, между ними словно проваливалась средняя па-
луба. Экипаж когги состоял из тридцати шести человек,
включая пристаера — священника. Бушприт корабля укра-
шала деревянная наядя, которую матросы называли «свя-
той» Фальшборт из темного кипариса был окован медью.
Клаусу этот корабль представлялся самым прекрасным
на свете. И порядок на борту казался ему образцовым.

В корме находился салон капитана с великолепным

видом на море. Там же, в одной каюте, помещались ру-
левой, корабельный священ-
ник и цирюльник, в ахтерпи-
ке была кладовая оружия и
камбуз. Остальные обитатели
судна жили в низком кубри-
ке, в носовой части: тридцать
человек в помещении такого
размера, что каждому едва
хватало места для сна. Спали
на голой палубе. Но разве
это могло огорчить Клауса?
Он знал корабли, на которых
матросы даже крыши не
имели над головой и спали
под открытым небом. Ему от-
вели место у самого входа
в кубрик, конечно, никудышное местечко. Но его это не
беспокоило: он с такой же охотой улегся бы и в любом
другом углу судна.

Ветер не ослабевал; корабль бесшумно скользил по
воде. Клаус сидел на марсе, покачивающемся высоко над
парусами и кормой, и смотрел на море. Вдали поблескивал
тусклый огонек. Большая белая луна в серебристую синь
красила темные воды и освещала путь корабля. Клаус
в восторге воздевал руки к ночному небу, смеялся, бормо-
тал какие-то глупые слова. Юнга, который молча сидел
рядом, удивленно таращил на него глаза.

Клаус спросил:

— Как тебя зовут?

— Киндербас ¹. — И ответ этот был дан рокочущим
басом.

Клаус рассмеялся: пред ним был еще совсем мальчик —
и такой бас.

— Подходящее имя, — сказал он.

— Так меня прозвали, — недовольно пробурчал Кин-
дербас. — По-настоящему я Эрик Тьонгель.

— Киндербас красивее, — заметил Клаус и протянул
юноше руку. — Будем друзьями, Киндербас?

¹ К и н д е р б а с — буквально — детский бас, ребенок, говорящий
басом (Прим. перев.)

— Давай, — ответил тот.
Они потрясли друг другу руки.
Так у Клауса появился новый товарищ.

На другой день, когда судно все еще шло ввиду берега, лысый моряк позвал Клауса в кладовую оружия — крьюйт-камеру. В крьюйт-камере хранились латы, арбалеты, мечи, топоры.

— Какое же оружие тебе предложить? — спросил оружейник, в то время как Клаус с интересом осматривал доспехи, которые, словно подвешенные рыцари, свисали с потолка.

— Арбалет.

— У нас их всего два. А ты умеешь стрелять?

— Да, — ответил Клаус. — А это что за штука? — Он обнаружил большую металлическую трубу, украшенную извивающимися бронзовыми змеями.

— Наша пушка, — с гордостью пояснил оружейник. — Нюрнбергская работа. Какого угодно разбойника обратит в бегство.

Клаус погладил толстую бронзовую трубу, положил руку в ее зловещую пасть. Да, можно было поверить, что перед таким оружием дрогнет любой пират.

Оружейник с важным видом принялся объяснять Клаусу, как обращаться с пушкой, которая носила красивое имя «думкёне», что значило — «отвага».

— Поднимаем ствол повыше... — Ствол покоился на деревянном основании и легко поднимался. — Насыпаем внутрь порох. Плотно забиваем. Бросаем один из этих шариков в ее пасть. Подносим сюда тлеющую паклю. Целимся. Пиф-паф — и у врага в брюхе дыра.

— Великолепно — воскликнул Клаус и бросил взгляд в угол помещения, где лежало множества каменных кругляшей — ядер.

— Да, с «думкёне» на борту можно спокойно спать. — Оружейник снял с крюка один из арбалетов, и только теперь Клаус заметил, что у старика нет левой руки: пустой рукав кителя болтался свободно. — На, посмотри. Прекрасное оружие.

Клаус натянул тетиву, приложил арбалет к плечу, прицелился. Отличная штука. Хороши были и стрелы из крепкого дерева с массивными железными наконечниками.

— Можно мне выстрелить? — спросил Клаус.

— Только, когда появятся пираты, — смеясь, ответил оружейник. — А пока пусть повисит здесь. Для стрельбы по бакланам это слишком шикарно.

— Как тебя зовут? — спросил Клаус.

— Меня называют Старик Хайн.

— Это пираты тебе отрубили руку?

— Нет, реей оторвало.

Скоро Клаус познакомился со всем экипажем: вечно пьяный капитан Хенрик с водянистыми голубыми на выкате глазами и косо прилепленным мясистым носом; любимец команды, швед по происхождению, старый рулевой Свен — рослый, необыкновенно усердный и немногословный малый; олдермен Штуве, отвечающий за порядок в кубрике, — изрядный плут, готовый угождать начальству и покрикивающий на тех, кто ниже его рангом.

Священника Клаус видел редко, тот большей частью находился в своей каюте и покидал ее только, чтобы, поднявшись на корму, подышать воздухом да посмотреть на море. Зато дирижёр Лоренц появлялся то тут, то там, осматривал бочки с водой, стоящие при входе в кубрик, резал бороды, волосы и чирьи; его обязанностью было следить за чистотой и здоровьем команды.

«Санкта Женеьеве» проходила Грейфсвальдскую бухту. Клаус, свободный от вахты, стоял на бушприте и вглядывался в далекий остров. Серое небо было затянуто облаками, и волны, длинными однообразными валами накатывающиеся на судно, были совершенно такими же серыми, только гребни их иногда посверкивали белой пеной. Черно-белые бакланы стремительно кружили над волнами, то споря в скорости с ветром, то вдруг на минуту замирая в воздухе с неподвижно распростертыми крыльями.

В кубрике сгрудились матросы и тянули припрятанный бренди. Киндербас стоял на карауле у входа, чтобы

никто из обитателей кормы не застал их за этим занятием. Молчание Штуве было куплено за пару стаканов. К тому же и на корме выпивали бренди не меньше.

На марсе грот-мачты сидел матрос Бернд Дрёзе, самый сильный человек на борту. Ему ничего не стоило перетаскать на себе с борта на борт большую бочку с водой или одному управиться с главной реей. Вахта в этих водах была ответственной: берега острова Рюген стали излюбленным пристанищем пиратов. Чтобы не быть застигнутым врасплох, Старик Хайн даже установил на палубе «дум-кёне».

Штуве был у руля, и Клаус стоял рядом с ним, внимательно наблюдая, как он справляется с румпелем.

— Они уже напились? — спросил Штуве.

— Не знаю.

Штуве было около сорока; среднего роста, с необыкновенно широкими плечами, причем левое чуть ниже правого. Ровно подстриженная со всех сторон, черная как смоль борода вокруг узкого лица и маленькие темные глазки под нахмуренными бровями очень соответствовали его мрачному угрюмому нраву.

— А я уже стоял на руле, — сказал Клаус.

И он не лгал, ему часто приходилось водить боты по Эльбе. Разумеется, это были небольшие боты, но все же он справлялся и надеялся, что когда-нибудь и ему доверят румпель.

— *Cui voпо*, — сказал корабельный старшина.

Это выражение он применял во всех случаях жизни. Он огрызался «*Cui voпо?*» — «Чего надо?» Когда ему было хорошо, он этими же словами подтверждал свое хорошее настроение. «*Cui voпо*», — говорил он, если хотел сказать: так держать или — все в порядке!

Когда ветер немного утихал и наступали спокойные минуты, какие случаются на море и в штормовую погоду, становилось слышно, как в каюте храпит капитан.

— Этот тоже готов, — пробормотал Штуве, и в его словах прозвучала неподдельная зависть.

Вышел священник, поплевал за борт и возвратился в свою каюту. Вскоре они слышали, как там упала бутылка. Этот звук привлек внимание Штуве.

— Постой на руле, — сказал он, — я скоро вернусь.

Он пошел, и Клаус ухватился за огромный румпель.

...Сердце его стучало, как молоток. Голова сначала чуть не раскалывалась, но вскоре кровь отхлынула от неё. Расставив ноги, он стоял неподвижно, словно окаменев. Движения его руки слушалось огромное судно; он был рулевым. Юноша взял чуть-чуть к северо-востоку, и тотчас же когда приняла немного в сторону, еще удобнее став к ветру, паруса ее наполнились сильнее, скорость увеличилась. Гордо и весело посматривал Клаус на вздувшиеся паруса. И радость наполняла его: кровь словно пенилась и кипела, и все тело горело, как в огне. Он в море! Он стоит у штурвала! Он несется быстрее ветра! Он — кормчий такого большого корабля! В эти счастливые часы он думал обо всех, кто когда-то был дорог его сердцу и о ком он забывал порой в этом круговороте событий. Теперь они были тут, с ним, они радовались вместе с ним.

Штуве не приходил. Быть может, он уже валялся пьяный в кубрике. А Клаусу это было и на руку: он готов был и день и ночь стоять у руля. Он опять попробовал повернуть румпель, взял еще к северо-востоку, потом прямо на восток и был в восторге, чувствуя, как судно послушно его руке.

Темно-красный шар солнца расплылся в огненное пятно и исчез в сумеречном море, а Клаус все стоял и стоял у руля. Вышел Свен. Он даже опешил, увидев Клауса у руля. Тяжелыми шагами поднялся он по трапу на верхнюю палубу. Клаус почувствовал взгляд его на своем лице, на руках, затем взгляд этот скользнул вперед, потом вверх, на полные ветром паруса. Корабль шел ровно и верным курсом.

— Где олдермен?

— Я его сменил.

— Мог бы подождать, пока его сменю я, — проворчал Свен и взялся за румпель.

Клаус пошел.

— Что, ты бы не прочь вести корабль, а? — крикнул ему вдогонку Свен.

— Еще бы! — с радостью отозвался Клаус, потому что в этом вопросе он услышал и признание.

На носу судна расположились изрядно выпившие матросы и дивились на Берндта Дрёзе, который развлекался, хвастаясь своими мускулами, — скручивал железо толщи-

ной в руку и снова распрямлял его. Потом схватил коренастого матроса, собираясь поднять высоко в воздух. Тот не понял его намерений, испугался, схватил Дрёзе за обе руки. Дрёзе презрительно рассмеялся, набрал полную грудь воздуха и с такой силой рванул его руки, что тот так и шлепнулся на палубу. В этот момент появился Клаус, только что передавший руль Свену. Еще полный радости от того, что он управлял когтой и только что заслужил похвалу рулевого, он крикнул:

— Эй, не с каждым тебе такое удастся!

— С каждым, — ответил Дрёзе.

— Попробуй.

— Подходи, попробую.

Матросы притихли. Они с испугом смотрели на безумца, который бросил вызов гиганту. Некоторые, предчувствуя недоброе, попятились к бортам.

Клаус направился к Дрёзе спокойно и уверенно: может быть, так когда-то наступал на Голиафа Давид. Дрёзе, прищурившись, смотрел на него. Лицо у Дрёзе было маленькое, с неправильными чертами и ничего не выражающими серо-зелеными глазами, с невероятно большим носом и бесформенным ртом. Загривок и шея были почти одинаковой ширины с головой, и шея незаметно переходила в могучие плечи, руки — словно огромные дубины. Клаус изогнулся, как хищный зверек, и, прежде чем великан опомнился, крепко обхватил его, прижав руки к телу. Дрёзе презрительно усмехнулся. Клаус сомкнул кольцо рук, схватил правой рукой запястье левой. Дрёзе набрал полную грудь воздуха и рванулся изо всех сил. Клаус стоял непоколебимо. Дрёзе попытался оторвать руки от тела. Клаус держал крепко. Кровь прилила к голове великана от злости: он пытался, шипел, снова предпринял попытку вырваться. И снова безуспешно. Клаус рассмеялся:

— Ну, что! Не удалось, ха! — И, раззадорившись, поднял этого огромного человека над палубой, что вызвало одобрительные возгласы окружающих.

Неожиданно, так же быстро, как и схватил, он освободил противника и отскочил в круг товарищей.

Берндт Дрёзе несколько секунд стоял как вкопанный, уставившись на осилившего его юношу, потом молча повернулся и медленно спустился по трапу в кубрик.

Только теперь все опомнились, хвалили Клауса, хлопали его по плечам. Но кое-кто шептал, что не миновать грозы.

Клаус переживал такую счастливую полосу, что все казалось ему радостным, все было легко и просто; никаких забот. Он чувствовал себя так, как будто до этой поры никогда над ним не было такого бескрайнего, невероятно высокого неба, и каждая страна, которой они достигали, дарила ему всякий раз новые и все более потрясающие чудеса. Ах, как все-таки мал был известный ему раньше кусочек света! Какие необыкновенные вещи он узнавал по мере того, как знакомился со все более далекими странами!

Когда Клаус смотрел на море или видел перед собой новые огромные города, он невольно думал о несчастном странствующем торговце Йозефусе, вспоминал его рассказы о Марко Поло, который побывал в Персии и в Китае и видел чудеса неведомого доселе мира. Теперь он превратился в маленького Марко Поло — искателя приключений, первооткрывателя, путешественника по белому свету.

Дни на борту проходили в тяжелой работе. Приходилось мыть палубу, пополнять запасы воды, чинить паруса. В гавани нужно было позаботиться о погрузке и разгрузке; когда в море стояла хорошая погода, надо было смолить, конопатить, строгать. И даже если все в порядке, то, чего доброго, налетит буря и нанесет кораблю новые раны, которые надо немедленно залечивать.

Великолепны были дни в большом городе — Стокгольме. Клаус, Старик Хайн и Киндербас ухитрялись вместе сходить на берег, вместе бродить по улочкам и вместе пропускать глоток-другой доброго немецкого пива. Побывали они и в бане, но не для того, чтобы вымыться, что можно было сделать в любой день и на корабле, а чтобы понаблюдать, как моются другие, ведь бани в те времена были настоящим местом развлечения.

В Висбю, крупнейшем городе Готланда, окруженном огромной каменной стеной с сорока восемью башнями, порт которого давал приют кораблям из всех стран мира, Старик Хайн, несмотря на то, что это было строго запрещено, на два дня и две ночи приютил на борту одну бедную несчастную девушку. Днем ей приходилось укрывать-

ся среди доспехов и шлемов, когда же наступала ночь, все четверо с удовольствием сидели вместе. Трое друзей как следует подкармливали Бригитту — так звали девушку. Втроем таскали они у кока с плиты самые лакомые кусочки и отдавали ей. Она была благодарна друзьям, и это им было очень приятно. Ведь жизнь их была суровой, и они не знали любви. Не только у Клауса, но и у большинства других матросов не было ни родины, ни родителей, ни жен. Старик Хайн родом был из Оснабрюка, но и он не знал, живы ли его родители: уже восемнадцать лет он ничего не слышал о них. Киндербас, так же как и Клаус, вообще не знал, где он родился. Его родителей унесла «черная смерть». Море было их единственным отечеством. Сегодня — на «Санкта Женевьеве», а завтра, может быть, на другом корабле. И если обычных людей в конце концов когда-нибудь похоронят на кладбище, в родной земле, их последнее пристанище — море. На море жили они, в море должны найти и последний покой. На суше они только гости.

Клаус нес вахту на марсе. Ему казалось, что он парит среди облаков. Непроницаемая пелена тумана лежала над водой, но ни корабля, ни моря он не видел — только такелаж. Стоял полный штиль, один из парусов, который он еще различал, свисал совершенно безжизненно. Корабль, не продвигаясь вперед, покачивался на волнах. Это было жутко. Они находились вблизи финских берегов. Каждое мгновение из тумана могла внезапно появиться земля, да и пираты. Главное было в том, чтобы свое временно различить берег, обойти полный опасности остров. Каждую секунду раздавался снизу из тумана голос:

— Вахта!

И Клаус кричал вниз, в туман:

— Халло!

Он знал, что ждут крика «Земля!», но как ни напрягал зрение, не мог ничего различить.

Он слышал, как внизу плескались о борт корабля волны. И невольно вспоминал, как Старик Хайн рассказывал, что часто перед бурей, особенно когда духи тумана и духи воды действуют заодно, с моря доносятся голоса: «Время пришло! Наступил час! Нет ли тут людей?» Вот такие

раздаются слова. Но Клаус не боялся моря. Все остальные на корабле, и даже Старик Хайн, кажется, боялись. Это было удивительно. Зачем же они тогда выходят в море? Море прекрасно! Море — это свобода. Море — это борьба. И это — победа! И все-таки в тумане есть что-то таинственное, что-то связанное с духами.

И вдруг ему показалось, что впереди что-то темнеет. Не ошибка ли это? Затаив дыхание, он всматривался в туман в том направлении, где оно мелькнуло. И верно, в тумане вырисовывалась темная полоска.

— Халло-о! — крикнул он вниз. — Земля слева по борту!

— Ва-а-хта! — прокричали снизу.

— Земля слева по борту! — повторил Клаус.

Им надо было как можно скорее добраться до Новгорода, крупного торгового города, и успеть покинуть его до наступления зимы. В декабре реки и морские заливы замерзали, а зима в этих восточных районах была долгая и суровая.

«Санкта Женевьева» достигла берега, так и не встретившись с пиратами. Скорее всего, они побаивались когги. Впрочем, «думкёне» на корме всегда была готова встретить огнем непрошенных гостей.

Плоской была земля, которая простиралась перед ними. Ровная, как море, она казалась и такой же бесконечной. Ставшая неповоротливой, когда преодолела водный путь, стиснутый с обеих сторон сушей, чтобы, наконец, опять выбраться на широкую воду. Затем снова долгие дни продолжался путь далеко в глубь страны, а однажды, когда ветер подул совсем в другую сторону, корабль длинной бичевой потащила ватага бредущих по берегу людей.

«Кто может противиться богу и Новгороду!» — гласит поговорка тех лет; и это показывает, каким авторитетом пользовался этот город во всем мире. В то время как Киев — важный торговый центр — потерял из-за своих князей самостоятельность, Новгород сумел ее успешно отстоять. Как город, входящий в Ганзейский союз, он был важнейшим перевалочным пунктом Ганзы на востоке. Он связывал торговые пути Северной Европы с далекой Азией, с землями Кавказа. Отгороженный непроходимы-

ми болотами, спрятанный глубоко внутри континента и лишь в течение нескольких месяцев связанный с миром водными путями, он был надежно защищен от врага уже самим расположением. Благодаря этой своей особенности ему не было надобности соперничать с городами Балтики за господство на море, зато он играл главную роль в торговле со всем Востоком. Новгород был самостоятельной республикой и пользовался покровительством Ярослава Мудрого, которому оказал помощь в борьбе за престол. Город сохранял самостоятельность и даже избирал князя. Когда вторглись из своих восточных владений татары, Новгород выдержал их натиск, а когда против Новгорода выступили шведы, их разбил Александр — великий князь Новгородский: за эту победу на Неве он получил имя Невский. Позднее он же разбил на льду Чудского озера рыцарей Тевтонского ордена.

Но все же и гордому Новгороду пришлось платить дань. И несмотря на это, он долго еще оставался в Ганзейском союзе посредником в торговле с Востоком.

Путь к Новгороду был очень утомительным, но все заботы и волнения были забыты, когда открылся вид на большой торговый город Востока. Это было нечто удивительное! Такого великолепия ни Клаусу, ни Киндербасу не приходилось видеть. Только Старик Хайн был здесь однажды много лет назад. Трое друзей, стоя на корме, с любопытством глядели на этот величественный город. Вероятно, около сотни необыкновенной формы церковных куполов — голубых и патина-зеленых, красных и даже золотых — возвышалось над домами. В центре города, обнесенного высокой, мощной стеной, находилась еще одна маленькая крепость, также защищенная каменной стеной, и в этой крепости возвышались самые большие и самые великолепные церкви. Дома были большей частью деревянные, но таких искусно и красиво построенных Клаусу не случалось еще видеть. Горожане с длинными косматыми бородами, в красочных кафтанах до пят, воины с роскошно расписанными щитами, в остроконечных шлемах, вооруженные мечами и алебардами, — все было непривычно, ярко, красочно. Город казался невообразимо богатым и могущественным. Отсюда шел торговый путь на Черное море, в Персию и Китай, таящие неисчислимые сокровища. Клаус стоял на корме и не мог насмотреться на это чудо.

... Прекрасны и неповторимы были большие торговые города, но самыми приятными для Клауса оставались часы, когда он стоял у руля в открытом море. Теперь он изучил все капризы и причуды ветра, мог проявлять в борьбе с ним отчаянную смелость и идти на риск, а мог и перехитрить ветер и заставить его наполнить паруса и гнать коггу вперед. Он умело лавировал при встречном ветре, ведь, как говорил Свен, беспомощным рулевой имеет право быть только при полнейшем штиле — самом страшном бедствии для моряка. Но штиль редко бывает в северных морях.

Вполне самостоятельным, зрелым человеком казался Клаус рядом с Киндербасом, который был лишь несколькими годами моложе, но, как и все подростки, неуклюж в движениях и манерах, хвастлив, беспечен. И совсем юным казался Клаус рядом со старым рулевым Свеном; тот держался, как и подобает шестидесятилетнему, и ни циклоны, ни пираты не оставили следа на его круглом спокойном лице. Вокруг него белоснежным венчиком шла коротко подстриженная бородка и еще больше подчеркивала полноту.

Свен, как и Старик Хайн и Киндербас, был для Клауса близким человеком на борту. Клаус охотно стоял рядом со стариком, а тот, невозмутимо выставив перед собой свое брюшко, всем своим видом выражал довольство и благополучие. Клаус удивлялся хладнокровию и уверенности, с какими Свен вел корабль, удивлялся и его особенной, необыкновенно упорной даже и по северным понятиям неразговорчивости. Клаусу это было совершенно постижимо. Часами он мог стоять рядом со старым Свеном, а у того даже не возникало желания произнести хотя бы слово. Поначалу Клаус обижался, считая, что его просто не удостоивают внимания. Потом ему стало даже интересно, сколько же времени старик может молчать. И он убедился, что старик молчит, словно немой. Только время от времени

посматривал он на Клауса, подмигивал и снова глядел вперед. И этот разговор его вполне устраивал.

Другое дело Клаус — тот не мог переносить такого молчания; у него постоянно возникали вопросы, и он хотел получить ответы на них; все его существо протестовало против молчания. Он все время видел что-то новое и не мог молча переживать это в себе; ему надо было с кем-то поделиться, что-то разъяснить, на что-то получить ответ. Но старый морской волк, когда Клаус задавал вопрос, только поворачивался к нему и упорно не отвечал.

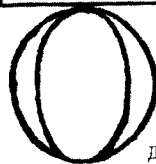
— Что вы за человек, штурман, — укоризненно сказал Клаус. — Вы разучитесь говорить, если хоть немного не будете упражняться. Мой бог! Ну не для того же вам дан рот, чтобы только есть, пить да дышать!

— Эх, юноша, юноша, — печально вздохнул старик, — спрашивай других, которые все знают.

— Нет, штурман, я хочу услышать от вас: были ли корабли викингов лучше, чем когги? Говорят, они глубже сидели в воде и поэтому были остойчивее. Это верно? Они должны бы тогда быть и значительно быстрееходнее. Не так ли? Почему теперь больше не строят таких кораблей? Разве моряк должен думать только об удобстве? Я этого не нахожу. Я думаю, что это совсем не имеет значения. Самое главное — скорость и мореходность. Не правда ли?.. Правда ведь, штурман?

Свен молчал. Он взглянул на Клауса и кивнул... но говорить? Ни, ни. Он уже достаточно наговорился на сегодня; Клаус мог умолять его, ругаться, насмехаться над ним — все напрасно.

Но постепенно, неделя за неделей, месяц за месяцем, бесконечно терпеливый Клаус добился того, что старик стал чаще раскрывать рот. Рулевой проникся несомненной симпатией к жизнерадостному любознательному юноше, несмотря на то, что тот досаждал ему, нарушая его душевный покой. Понемногу между ними установилось даже чувство взаимного доверия, какое только возможно между двумя столь различными по возрасту людьми. Клаус в опытных руках Свена стал отличным рулевым.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И МЯТЕЖ

днажды октябрьским вечером, когда судно находилось близ берегов Швеции, Старик Хайн выглядывал из крюйт-камеры, намереваясь предложить своему другу, который вот-вот должен был заступить на вахту, стаканчик горячего вина — подкрепление в холодную ночь. Хайн заметил промелькнувшую позади Клауса тень. Он не шелохнулся. Ничего не подозревающий Клаус поднялся по маленькому крутому трапу наверх, на корму. Темная фигура застыла у подножия трапа. Вниз по трапу спускался Штуве, увидев человека, он метнулся к нему. Оружейник услышал шепот. Всего несколько слов — и Штуве пошел дальше. Некоторое время все было спо-

койно. Затем кто-то тихо скользнул по трапу вверх. Старик Хайн одним махом подскочил к ступенькам. Берндт Дрёзе поднимался на корму, он обернулся к неожиданному противнику. Оружейник увидел в руке Дрёзе увесистую железину.

— Ну, кого же ты хочешь прикончить?

— Убирайся к черту! — прохрипел Дрёзе, спускаясь на пару ступенек вниз.

— Послушай-ка, — примирительно зашептал оружейник, — не будь глупцом! Не стоит из-за оскорбленного самолюбия становиться убийцей.

Дрёзе остановился. И вдруг, обернувшись, он замахнулся железинкой. Старик Хайн увернулся. Однако Дрёзе все же сумел схватить его; оружейник успел своей единственной рукой выхватить нож и всадить его нападающему пониже затылка.

Услышав шум, Клаус закричал.

— Вахта! Ва-а-ахта!

— Молчи, Клаус!.. Молчи! — крикнул Хайн.

Первым выскочил из своей каюты капитан. За ним появились рулевой и цирюльник.

— Что случилось? Кто это тут сбил с ног человека?

Два запыхавшихся матроса подоспели с носовой вахты. Подошел и Штуве: он еще не успел раздеться.

— Он мертв, — произнес цирюльник, опустившийся рядом с Дрёзе на колени.

— Оружейник, я арестовываю вас по подозрению в убийстве.

— Я только защищался, капитан, — сказал Хайн.

— В этом мы разберемся завтра.

Оружейника связали, и одного из матросов поставили охранять его у крюйт-камеры. Убитого перенесли на фордек.

Клаус все это время не мог отойти от руля. Берндт Дрёзе убит. Старик Хайн арестован.

Клаус больше не сомневался в том, что Дрёзе хотел напасть на него. Но кто может это подтвердить? Старик Хайн помешал негодяю и схвачен, закован в цепи. Над ним тяготеет обвинение в убийстве. «Он меня спас. Бог мой, я должен ему помочь! Но как? Как? Нет никакого сомнения, что он, однорукий, только защищался. Это же ясно, как божий день. И что нужно было Дрёзе ночью на корме? Нет, не могут они обвинить Старика Хайна в убийстве».

И тут он услышал, как кто-то опять подкрадывается к корме. Клаус стал смотреть вниз, но решил не подавать больше голоса, чтобы не поднимать снова суматохи. По фигуре и шаркающим шагам Клаус узнал Штуве. Тот, видимо, что-то искал. Потом он нагнулся. И Клаус услышал тихий всплеск; Штуве тут же исчез.

Мысли Клауса все время возвращались к Старика Хайну, а тому, закованному в цепи, наверное, было не до него. «Ты не один, Хайн, мы за тебя; мы спасем тебя. Берндт Дрёзе был порядочным мерзавцем».

Рулевой Свен пришел сменить Клауса.

— Штурман, — сказал Клаус, — я знаю, Дрёзе хотел меня убить. Идиот, не мог перенести того, что и у меня нашлась силенка. Совершенно ясно, что оружейник не виноват. У него только одна рука. А Дрёзе был самым сильным на борту, не так ли? Оружейник был вынужден защищаться. Мы должны спасти его, штурман.

— Иди спать, юноша. Завтра посмотрим, что делать.

Серым и неприветливым был октябрьский день. Падали первые легкие снежинки, тяжелой мутно-серой пеленой нависло над морем небо. Медленно тащилась «Женевьева», плохо слушающаяся руля при слабом ветре.

На корме шел суд. Перед капитаном лежало тело. Никто до сих пор не закрыл устремленные в небо глаза. Никто не прикрыл труп. Берндт Дрёзе лежал в той же позе, как его обнаружили на палубе. Запекшаяся кровь покрывала рану. На лице убитого застыло выражение ненависти и ярости. И мертвый, Берндт Дрёзе оставался олицетворением тупости и злобы.

Перед трупом стоял оружейник, его взгляд был устремлен на капитана. Старик Хайн был бледен, и губы его были плотно сжаты. Клаус и Киндербас стояли в первом

ряду матросов, которые полукругом обступили убитого и обвиняемого. Свен оставался у штурвала.

— Хайн Виттлин, ты утверждаешь, что Дрёзе хотел напасть на твоего друга Клауса, — сказал капитан. — Чем можешь ты это доказать?

— Он держал в руках железный штырь.

— Что ты хочешь сказать, оружейник? Если у человека в руках кусок железа, значит, он собирается убивать?

— С тех пор, как произошла злополучная проба сил, Дрёзе ни о чем другом и не помышлял, — ответил Старик Хайн.

— К тому же рядом с убитым не обнаружили никакого железа, — снова начал капитан.

— Стой! — закричал Клаус. — Капитан! Я стоял у штурвала и вскоре после случившегося видел, как олдермен Штуве вышел на среднюю палубу. Он что-то искал и нашел; и выбросил за борт, должно быть, этот железный штырь. Спросите его.

— Парню привиделось, — вмешался Штуве, хотя его никто не спрашивал. — Я не был на средней палубе, я ничего не искал и ничего не бросал за борт.

— И ты, конечно, ничего не слышал о том, что Дрёзе хотел отравить Клауса, но вместо него погубил беднягу Вентке? — крикнул Старик Хайн олдермену.

Тот только приподнял брови и ничего не ответил.

— Хайн Виттлин, ты убил Дрёзе, и матрос Клаус, который стоял у руля поднял, как и положено, тревогу. Почему же ты крикнул ему, чтобы он замолчал? — спросил капитан. — Если ты только защищался, то чего же тебе было бояться огласки?

Этого вопроса и опасался Хайн. Он побледнел, опустил голову и молчал.

— Признайся же, что своих ты был бы не прочь позвать на помощь? — допытывался капитан.

Рулевой Свен впервые обернулся и со страхом посмотрел на обвиняемого.

— Да!

Свен отвернулся, и весь вид его выражал совершенную безнадежность. Он только бросил быстрый озабоченный взгляд на Клауса.

— Капитан, вы считаете меня убийцей?

— Я только придерживаюсь фактов.

— Я не виноват! — воскликнул Старик Хайн. — Я хо-

тел только предотвратить нападение на Клауса... Если бы Дрёзе не бросился на меня, я бы и не защищался.

— Но нож ты все-таки предусмотрительно захватил с собой, не так ли? — громко крикнул ему в ответ капитан.

— У меня только одна рука.

— Но если у человека всего одна рука, это не значит, что ему позволено убивать. — Капитан усмехнулся. — И так, тебе больше нечего сказать, Хайн Виттлин? Старик Хайн молчал.

— Хайн Виттлин, я признаю тебя виновным в убийстве!

— Нет, капитан! — закричал Клаус. — Вы не должны этого делать! Не должны! Он не убийца! Уверю вас — нет!

— Дрёзе убийца! — крикнул Киндербас.

— Молчать! — прикрикнул на них капитан.

— Капитан, — обратился к нему Свен, — могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

— Нет, никто не может сейчас говорить со мной с глазу на глаз. Сам черт не может! И что это значит? Кроме того, штурман, вы на вахте, не так ли? — И он повернулся к обвиняемому. — По морскому закону убийца вместе с убитым будет сброшен в море.

— Нет, нет! — закричал Клаус. — Капитан, вы не делаете этого! Это убийство! — Он бросился к пристеру Бенедикту, который молча стоял позади капитана. — Скажите же, патер! Он не убийца! Спасите его!

— Бог ему судья, сын мой, не я.

— Я заклинаю вас, патер, он не виноват, это же всем ясно. Спасите его!

— Я спасу его душу, — мрачно ответил священник.

— Все вы убийцы! — не в силах сдержаться крикнул Клаус.

— Вон стоит мой убийца, Клаус, — произнес Старик Хайн. — И показал на олдермена, который облокотился о борт. — Капитан вынес приговор, он так и должен был сделать после того, что тут было сказано.

— Я не позволю, чтобы они тебя убили! — закричал Клаус. — Капитан, я...

Свен громко перебил его:

— Капитан, прикажите увести юнца, он уже не соображает, что говорит.

При этих словах Клаус замолчал и уставился на ру-

левого. Он почувствовал себя преданным. И предал его он, Свен. Свен предал Старика Хайна и предал его, Клауса.

— Зачем же! — крикнул кок, который стоял рядом со Штуве. — Пусть поговорит, горячая голова!

— Вы правы, штурман! В цепи его! В крюйт-камеру! — приказал капитан.

Никто из матросов не пошевелился. Вышел Штуве, указал на двоих, те схватили Клауса, который в отчаянии повис на шее у Старика Хайна, сопротивлялся и клял всех на чем свет стоит, стащили его вниз по лестнице.

Корабельный священник подошел к приговоренному.

— Что вам нужно? — грубо бросил Старик Хайн.

— Сын мой, я несу тебе последнее утешение!

У Хайна едва не сорвалось с языка крепкое словцо, но он удержался; с опущенной головой стоял он, пока священник читал над ним по-латыни «Отче наш».

Штуве, который заковал и запер Клауса, теперь стал палачом. Старик Хайн был положен на убитого лицом к лицу и привязан к нему.

Киндербас упал перед ним на колени и не отпускал его единственную руку, по щекам юноши текли слезы.

— Прощай, парень! Привет Клаусу! — громко произнес Старик Хайн, заглушая латинские слова молитвы.

И в этот момент Штуве накиннул петлю на шею осужденного.

— А ты... будь проклят ты, подлеший олдермен! — закричал Хайн. — Твое молчание убило меня! Ты убийца!

— Готово? — спросил капитан.

— *Cui vo!* — ответил олдермен.

— Пусть исполнится приговор!

Один из матросов оттащил плачущего Киндербаса, четверо других подняли связанных. Штуве придерживал оружейника за ноги.

— Я не виновен! — крикнул тот в последний раз.

Вместе с мертвецом его сбросили в море.

Все смотрели вниз. Священник совершил крестное знамение. Два тела показались еще раз из воды и вновь исчезли, чтобы никогда больше не появиться на поверхности.

— Уходи отсюда, юнга! — крикнул рулевой.

Киндербас не слышал. Потом, уходя, он обернулся и бросил на старика полный ненависти взгляд.

Свен с горькой усмешкой посмотрел ему вслед.

... В Стокгольме моряки узнали, что их «Санкта Женеьеве» принадлежит уже не купцу Хозангу, а Вульфламу. Герман Хозанг был мертв. Восстание горожан было жестоко подавлено. Матросы опустили головы и молчали.

Трое вооруженных людей Вульфлама прибыли на корабль, чтобы сопроводить его до Штральзунда. Они разместились в каюте капитана и вели себя, как хозяева. Единственный, кому они поспешили засвидетельствовать свое почтение, был Штуве. Стражники заверили олдермена, что он станет капитаном этой когги. Во всяком случае, они поговорят об этом с Вульфламом.

Постепенно стали известны подробности печальных событий в Штральзунде. Из-за бесчестного сговора Герман Хозанг, единственный представитель ремесленников в магистрате, был вынужден не покидать своего дома. Когда по истечении более чем трех недель не было предпринято никакого расследования по его делу, он явился в магистрат и заколол второго бургомистра Николауса Зигфрида. При аресте он объяснил, что имел намерение убить бургомистра Бертрама Вульфлама. Хозанг был приговорен к смерти и колесован. Восстание горожан, которые хотели его освободить, было жестоко подавлено Вульфламом с помощью Карстена Сарнова. Сарнов поддержал ложное обвинение, предъявленное Хозангу, и был избран вторым бургомистром вместо Зигфрида. Вот так купил Бертрам Вульфлам «Санкта Женеьеву», во всяком случае, она теперь принадлежала ему, и он с нетерпением ожидал ее прибытия в Штральзунд.

Вечером капитан Хенрик явился в каюту рулевого с бутылкой бренди. Было заметно, что он уже изрядно выпил.

— Штурман, выпьешь со мной?

— А почему бы и нет, капитан? — ответил тот.

— Я тоже так думаю. — Он наполнил два стакана.

Патер Бенедикт, который услышал голос капитана в каюте рулевого, тотчас явился.

— Хо-хо, святой дух тоже пожаловал? — воскликнул капитан.

— Милости просим! Еще стакан, штурман!

Они подняли стаканы, и капитан провозгласил:

— За правосудие! Выпьем за правосудие. Ведь без правосудия погибнет мир!

Они выпили за правосудие.

— Я потерял двух матросов, — сказал капитан, отставляя стакан. — Одного хорошего и одного плохого. Хорошего я бы охотно помиловал. Но правосудие... Как только мы прибудем в Штральзунд, я и еще кое-кого потеряю и хороших, и не слишком хороших. Но правосудие!

— «Думкёне» осиротела, — сказал рулевой.

— Скоро и «Женевьева» осиротеет, — заметил капитан. — Но правосудие!

— Бог покарает виновных и спасет невинных! — проворчал патер.

И они опять выпили.

— Капитан, — сказал рулевой Свен, — я представлю доказательство, что Штуве негодяй.

— Только ли Штуве? — возразил капитан и сказал: — Выпьем за правосудие!

И они выпили.

— Мальчишка, пожалуй, наговорит на свою голову.

— Это лучший парень, который мне когда-либо встречался, — возразил рулевой.

— Они завтра им займются, — проронил капитан.

— Он потребует правосудия!

— Замечательное слово, штурман! — воскликнул капитан. — Выпьем за правосудие!

Ночью Свен потихоньку пробрался в крюйт-камеру к Клаусу. Оказалось, что в момент опасности старый рулевой может неплохо объясняться. Торопливо рассказал он о том, что произошло в Штральзунде.

— Это дело рук Вульфлама! — воскликнул Клаус. — Он убил Хозанга, чтобы завладеть коггой.

— Речь идет о большем — об их господстве, об их власти в Штральзунде, — ответил Свен. — И они жестоко расправятся с нами, об этом уж позаботится Штуве, который так и крутится возле стражников Вульфлама. Я ничего хорошего не жду.

Клаус задумался: «Настоящие волки. Хозанг колесован. Восстание потоплено в крови. Что с Гердом? Наверное, они его тоже убили. Можно ли оставить безнаказанными эти преступления? Неужели нет справедливости? Неужели все должны безропотно покоряться тиранам?..» Клаус схватил старого Свена за плечо и глухо зашептал:

— Мы не пойдем в Штральзунд, Свен. Мы не должны идти на верную смерть!

— Что ты предлагаешь? — спросил старый рулевой.

— Матросы с нами, Свен. Стражников Вульфлама мы выбросим за борт. Пусть плывут в Штральзунд, если смогут. Мы выступим против Вульфламов и таких, как они, патрициев. Мы отомстим за Хозанга. Мы принесем смерть и проклятье убийцам из Штральзунда.

— Ты хочешь стать пиратом, Клаус? — спросил старый рулевой. — Я всю жизнь был честным моряком.

— Честный моряк на службе у таких негодяев и убийц, как эти Вульфламы, так, что ли? Нет, Свен, лучше быть пиратом. Мы будем охотиться за волками на море, Свен. Мы сделаем хорошее дело. Поможем горожанам Штральзунда. Объявим Вульфламу войну. Разве это бесчестно, Свен? Бесчестно было бы оставлять их поступки безнаказанными. Бесчестно было бы подчиняться им, как этот Штуве!

— Ну, а что же делать со Штуве? — спросил Свен, уже почти соглашаясь.

— Мы сразу же отомстим за Старика Хайна: Штуве будет вынесен приговор по морскому обычаю и закону. — И так как Свен молчал, Клаус убеждал его все настойчивее и горячее. — Лучше уж я умру, чем пойду в Штральзунд, чтобы Вульфлам ослепил меня и выбросил вон.

— Матросы должны быть с нами, — сказал Свен. — Все ненавидят Штуве. Никто не ждет добра от стражников, которых к нам подослал Вульфлам.

— Не будем терять времени, Свен, — подгонял Клаус. — Ах, если бы Старик Хайн был жив! Если бы он был сейчас вместе с нами!

Они оставили гавань Стокгольма, вышли в открытое море и взяли курс на Готланд. Киндербас познакомил с их замыслом надежных матросов и встретил полное одобрение. Свен, который хотел привлечь на свою сторону капитана, не достиг успеха: Хенрик не хотел становиться пиратом. У него в Штральзунде были жена и ребенок, и он опасался, что они могут за это поплатиться. Нет, он ничего и слышать не хочет о бунте и надеется на милость Вульфлама. Свен опасался, что Хенрик попытается предупредить стражников и те закуют его в цепи. Он

посоветовался с Клаусом, и оба решили, что времени терять больше нельзя.

Была тихая ночь. Море как будто спало. Безжизненно висели паруса. Когда едва двигалась. Свен заступил на вахту, но тотчас же, как было заранее решено, его заменил у руля Киндербас. Двадцать матросов получили оружие. Свен взял на себя руководство. Они бросились в каюту капитана и, против ожидания, наткнулись на бодрствующих стражников.

— В чем дело? — крикнул один из них и схватился за меч.

Свен и Клаус надеялись без борьбы справиться со стражниками, но разговоры были уже ни к чему: в тесном помещении завязалась жестокая схватка. Свен был ранен мечом в шею. Ударом алебарды Клаус сразил нападающего. Сопротивление двух других стражников после яростной борьбы было сломлено, их связали, но и четверо матросов лежали окровавленные на полу каюты. Капитан Хенрик выскочил на палубу и потребовал прекратить насилие, но был сбит с ног одним из матросов. Патер Бенедикт с поднятыми руками бросился между сражающимися, но был схвачен и заперт в свою каюту. Киндербас стоял у руля и с лихорадочным возбуждением следил за исходом схватки. Вдруг он крикнул:

— Олдермен! Вон идет олдермен!

Все обернулись. Медленными шагами с носовой палубы к ним направлялся Штуве. В один миг он оценил события, смертельно побледнел, но сохранил самообладание. Восставшие позволили ему подойти. Стало совершенно тихо. Все смотрели на олдермена. Тот начал говорить. Он одобрил свершившееся и сказал, что готов выполнить все, что ему будет предложено.

— Связать его, — приказал Клаус.

Матросы не решались. Штуве не проявлял враждебных намерений, стоит ли его связывать?

— Связать его! — еще раз крикнул Клаус и выхватил у стоящего рядом матроса меч, принадлежавший раньше стражнику.

Штуве не сопротивлялся и позволил себя связать.

Тяжело раненный, умер Свен. Когда мертвые были преданы морю, Клаус вернулся в каюту капитана. Смерть Свена была самой тяжелой утратой. Клаус остался теперь совсем один. Ему так будет не хватать отеческой дружбы

этого умудренного жизнью, знающего мир и море человека. Рулевой Свен и оружейник Хайн мертвы. Клаус словно во второй раз осиротел. И это в то время, когда он хочет поднять пиратский флаг и на свой страх и риск вступить в борьбу против могущественных патрициев.

Матросы собрались на корме. Когда Клаус вышел к ним, его решение созрело, и он скорее бы решился умереть, чем отказаться от своего выбора. Он рассказал матросам, что за время их отсутствия произошло в Штральзунде:

— Вы все знаете Вульфламов. Насколько они могущественны, настолько они и ненасытны, как волки. Отныне моя жизнь имеет только один смысл: смерть Вульфламам!

— Смерть Вульфламам! — закричали матросы.

— Привести пленника! — приказал Клаус. — По морскому обычаю мы вынесем ему приговор.

Со скованными за спиной руками, бледный, но сохраняющий свой невозмутимый вид, поднялся Штуве по трапу. Он встал в круг матросов. В его спокойном взгляде, обращенном к Клаусу, не было страха.

— Олдермен Иоганн Штуве, — начал Клаус допрос, — ты видел Дрёзе во время смены вахты на кормовом трапе?

— Cui voно! — ответил Штуве.

— Ты видел у Дрёзе в руках железный штырь и ты знал или, по крайней мере, догадывался, что он задумал?

— Cui voно!

— Ты умолчал об этом, когда судили Хайна.

— Cui voно!

— Потом ты еще раз тихоньку вернулся на среднюю палубу и выбросил за борт штырь, который оставался там как свидетельство злодейского намерения Дрёзе.

— Cui voно!

Обвиняемый явно издевался над Клаусом, не поддавался ему, показывая, что не страшится смерти.

— И так как ты умолчал об этом, ты виновен в вынесении несправедливого приговора Хайну Виттлину, который, как это тебе точно известно, только защищался.

— Cui voно!

— Тебе представляется последнее слово, что ты можешь еще сказать?

На лице Иоганна Штуве появилась гримаса, он спокойно смотрел на окружающих и молчал.

Клаус еще раз предложил ему говорить.

К олдермену подошел патер Бенедикт, но тот, предупреждая его, произнес:

— Cui voно!

Совершенно прямо, не сгибаясь, стоял он, хотя у него уже не могло быть никаких сомнений в том, что его ожидает. И это мужественное поведение произвело впечатление на некоторых матросов. Вокруг Клауса поднялся шумок. Он заметил это и громко крикнул:

— Ты убийца Хайна Виттлина!

— Cui voно! — прокричал в ответ так же громко Штуве.

Не Штуве, а Клаус побледнел, но твердым голосом объявил:

— Я приговариваю тебя к смерти за то, что по твоей вине пострадал невинный Хайн Виттлин!

— Cui voно! — ответил Штуве, и это прозвучало как согласие.

Патер Бенедикт подошел к Клаусу.

— Я уважаю ваши чувства к несчастному другу, но будьте же милосердны!

— Бог судья, не я! — возразил Клаус.

— Именно так, — воодушевился святой отец. — Поэтому и будьте милосердны!

— Спасай же его душу! — отрезал Клаус и отвернулся.

Патер понял намек, замолчал и сложил руки.

Штуве привязали к доске и сбросили в море.

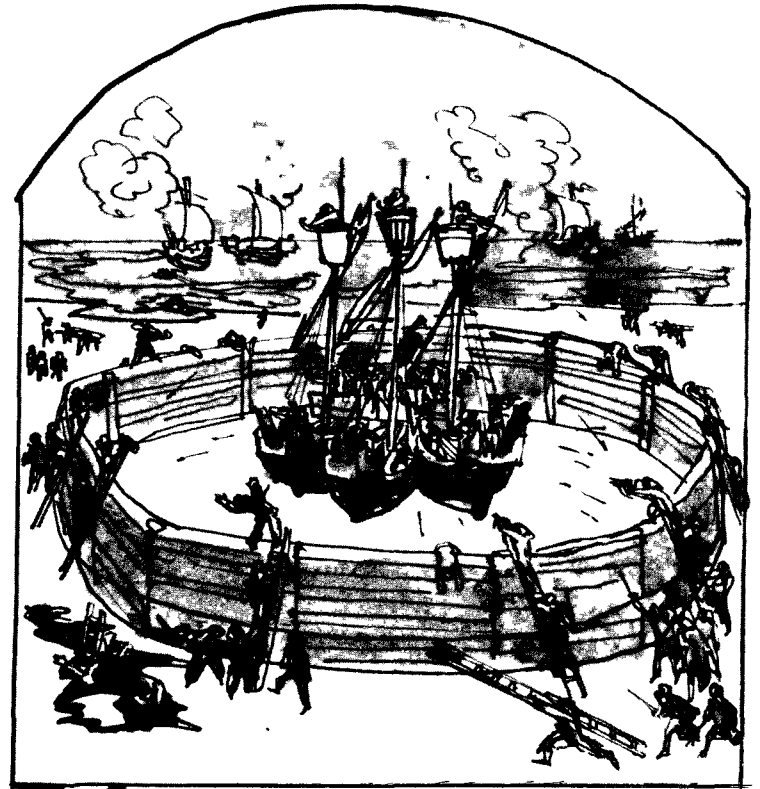
Его последним словом было дикое, наполненное ненавистью, угрожающее:

— Cui voно!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗНАМЕНИТЫЙ ПИРАТ

БРАТЬЯ ВИТАЛЬЕРЫ

Королева Дании Маргарет принимала в своем замке Фредериксборге посланцев шведского дворянства; ей предлагали регентство над Швецией. Таким образом, предстояло исполниться чаяниям сколь хитрой, столь и тщеславной королевы; три северные страны: Дания, Норвегия и Швеция должны были объединиться под ее скипетром. Опекунша своего сына Олафа, она получила от его отца Вальдемара IV ослабленное государство: на севере господствовали ганзейские города. Теперь Маргарет надеялась объединенными усилиями Норвегии и Дании освободить Швецию от хозяйничавшей в ней Ганзы. Где

умом, а где хитростью, шаг за шагом, без излишней поспешности, без особого нажима, но не упуская из виду цели, вела она наступление.

На севере, как и повсюду в те времена, яд, кинжал и изгнание были средствами, с помощью которых благородные господа утверждали и распространяли свое господство. Все решала сила. Властителей отравляли ближайшие родственники, их убивали в постели, завлекали в засады, навеки заточали в темницы. Народ попадал под власть то одного, то другого одержавшего верх коронованного грабителя и отравителя. Знать брала на службу отчаяннейших разбойников, поощряла пиратство, лишь бы только ослабить своих соперников. В борьбе против могущественной Ганзы королева Дании прибегла к помощи балтийских пиратов, открыв для них свои гавани и скупая добычу. Позднее пиратов, которые называли себя «свободными солдатами моря», стали вербовать себе на службу ганзейские города Висмар и Росток, чтобы заручиться их поддержкой в войне против Дании.

И когда мартовским днем 1388 года шведские государственные советники, среди которых был и могущественный наместник Бо Ионссон Грипс из Грипсхольма, обратились к королеве Маргарет с просьбой о защите от неперестанно усиливающегося давления Ганзы и герцогов Мекленбургских, она обещала им помощь и защиту.

В последовавшей за этим войне Альбрехт Мекленбургский — король Швеции — потерпел полнейший разгром при Фальчёпинге. Шведская знать и голштинские графы тут же на поле битвы перешли на сторону датчан. Альбрехт Мекленбургский и его сын были взяты в плен, королева-победительница увенчала их шутовскими колпаками и бросила в башню замка Линдхольм: Маргарет, правившая Данией и Норвегией, стала править и Швецией. Только один город — Стокгольм — продолжал сопротивление. Под предводительством молодого Иоганна Мекленбургского и при поддержке многочисленных проживающих в городе немцев все атаки датчан были отбиты. За шведскую столицу разгорелась продолжительная ожесточенная борьба, и пока Маргарет не владела этим городом, ее господство над Швецией было весьма сомнительным.

Герцоги Мекленбургские, родственники плененного

Альбрехта, призвали своих вассалов на борьбу против Дании, за освобождение и восстановление на престоле шведского короля из мекленбургской династии. Они собрали войско, заставили свои города Висмар и Росток оказать им поддержку и по военным обычаям призвали на помощь пиратов Балтийского моря, выдали им каперские грамоты, предоставив право своими силами и средствами действовать против Дании и снабжать осажденный Стокгольм провиантом.

Капитан Клаус и его товарищи вели полную опасности свободную жизнь пиратов. Ни один корабль в водах Балтийского моря не был гарантирован от их нападения. Они не уклонялись от схваток и нападали не только на торговые корабли, когги всех городов мира, но и на тяжело вооруженные орлоги.

«Санкта Женевьева» и ее капитан давно уже получили новые имена: корабль стал называться «Морской тигр», потому что охотился за волками-патрициями, особенно за штральзундским семейством Вульфламов, а вот Клаус, во всех морских сражениях храбрейший из храбрых, получил свое новое имя отнюдь не за храбрость. Храбрость была не столь уж примечательным признаком: храбрыми и безрассудно смелыми были все, трусов на пиратских кораблях не терпели. Но вот умение единым духом осушить шестилитровый кубок новгородских мореходов, кубок, который не мог осилить ни один из матросов на корабле, кроме капитана, — это была доблесть! А капитан опрокидывал (по-старонемецки — штёртет) этот кубок (Бекер) прямо в глотку, вот и прозвали его Бекерштёртер, а уже потом это прозвище стало звучать как Штёртебекер.

Морской пират Клаус Штёртебекер был могучим, статным мужчиной, капитаном; он научился приказывать и все же оставался

хорошим товарищем. Моряки беспрекословно повиновались ему и боготворили его.

Было ли удивительным, что не знающий ни родителей, ни родины Клаус, который хотел стать моряком, стал капитаном и предводителем пиратов? Нисколько. Да, он хотел быть капитаном, и капитаном корабля Германа Хозанга стал бы с удовольствием, но капитаном корабля Вульфлама — никогда. Непривычно и радостно было то, что он наконец сам себе господин, свободный мореплаватель. Первые годы он считал себя мстителем за Хозанга, мстителем за всех предательски убитых и обездоленных друзей — ремесленников, крестьян. Таким образом, он стал врагом всех патрициев. Потом он объединился с морскими пиратами Михелем Гедеке и Вигбольдом. И это означало для него не более чем вселение каперской войны против патрициев. И по понятиям того времени он не был изгоем, напротив, он пользовался уважением, и на род им восхищался.

Жизнь на пиратском корабле была сурова, даже жестока, и все же не более сурова и жестока, чем жизнь в городах под гнетом патрициев или в сельской местности под ярмом феодалов. Люди жили без уверенности в завтрашнем дне, каждое проявление свободы жестоко подавлялось. То и дело пылали костры под стенами городов. Палачу хватало работы. Жестокость — вот чем власти держали народ в страхе и повиновении. Церковь, став силой, правящей миром, не отставала от светских властей: проповедников и вожаков она преследовала как еретиков, колесовала и сжигала их.

И несмотря ни на что снова и снова вспыхивали восстания отчаявшегося народа. На более развитом юге Европы — в Италии, в Южной Германии и в Альпах, а также на Западе, во Франции — эти восстания носили иной характер, чем на отсталом в ту пору севере Германии, потому что на побережье Средиземного моря и в Альпах были крупные торговые города, и горожане участвовали в управлении ими. На малонаселенном севере же, где хотя и начали расти города, но настоящие централизованной власти не было, право принадлежало сильному, большие и малые светские и церковные власти распоряжались по своему усмотрению.

Отважные мятежники, которые, презирая опасность,

упорно боролись против бесправия и власти господ, оставались на севере разобщенными. И хотя ими тайне восхищался угнетенный народ, но большой помощи оказать не мог. Эти мятежники поднимались против, казалось бы, неодолимой силы и не щадили себя. То там, то тут вспыхивали настоящие маленькие, но жесточайшие войны. Победенным выкалывали глаза или отрубали руки. Их бросали в темные холодные подземелья, замучивали до смерти, колесовали или сжигали на кострах, и тут уж нечего было рассчитывать на закон и справедливость, каждый мог рассчитывать только на самого себя и на свой меч.

Взявшись за меч, в борьбе против волчьей жестокости Клаус Штертебекер тоже не знал жалости к врагам. И все же он никогда не убивал безродных моряков или свободолюбивых ремесленников, оставшихся в живых на разграбленных кораблях: предоставлялся выбор или при соединиться к его команде, или убираться на все четыре стороны. Те, что оставались, становились отчаянными храбрецами и не боялись даже самого дьявола.

На пиратском корабле жил мятежный дух, страстная ненависть к патрициям городов, к феодалам окрестных земель. Но это был слепой дух анархии и разрушения, уничтожения врага, причинения ему ущерба. Они хотели быть свободными и ничем не связанными, они не хотели быть рабами, рабочим скотом для богатых господ. И то, что они жили за счет грабежа, казалось им справедливым, — они грабили власть имущих, они отбирали у них то, что те нажили грабежом. В гаванях, в которых они продавали награбленное, они брали в обмен только самое необходимое. А бедняков, которые не имели на плечах даже куртки и ни полупфеннига в кармане, чтобы купить себе новую, они часто ото всей души одаривали.

Так и пошло, что пираты в глазах простого народа были благородными и уважаемыми людьми. И все больше мужчин уходило из городов и деревень, чтобы присоединиться к пиратам. Недаром говорили свободную и радостную жизнь знают только князья, попы и пираты.

Никогда еще горожане Висмара не видели в своих стенах столько людей: испытанные, закаленные в борьбе и странствиях пираты и те, кто еще только вступал на

этот путь — разорившиеся рыцари и согнанные со своих полей крестьяне, сбежавшие городские писари, недовольные ремесленники, моряки, торговцы, странствующие подмастерья, беглые монахи — из Мекленбурга, Померании, Люнебурга, из Фрисландии и Дитмаршена, с Рейна и Дуная стекались они сюда. Некоторые говорили, что пришли защищать немецкие интересы на севере и полны решимости бороться за город Стокгольм полный немецких торговцев. Но большинство было честнее. Те прямо заявляли, что по горло сыты своим рабским существованием, что не хотят больше быть в роли ограбленных и униженных и хотят сами попробовать стать господами и пощипать перья у великих мира сего. Но они не хотели называться морскими разбойниками. Разве не были они честными моряками? Разве не вели они войну на стороне мекленбургского герцога и графов вместе с городами Висмар и Росток? Разве не вели они войну против датской королевы? Нет, они не были обыкновенными пиратами, хотя и занимались каперством. Они открыто представляли каперский договор с мекленбургскими городами. Они вели честную войну, и вражеский корабль был для них трофеем, добытым в бою. Их и нельзя было называть пиратами, морскими разбойниками, грабителями. Разве не они снабжали немцев в осажденном Стокгольме всем необходимым для жизни? Жизнь по-латыни — вита. И поэтому называли их «братья витальеры» или просто «витальеры». Тысячи людей стремились попасть к витальерам; Висмар, Росток и Рибниц едва вмещали в своих каменных стенах толпы этих искателей приключений.

Мелкие, воинственные и жадные до добычи разбойники из «благородных» оставляли надежные убежища и прибывали со своими пиратскими кораблями, чтобы попытаться командовать в новой морской войне. Звучные знатные имена появились здесь: голштинские, мекленбургские, померанские графы, рыцари и юнкеры: Марквард Прин, Боссефон Каланд, Аридт Штюк, Генрих Люхов, Хеннинг Мантойфель и многие другие.

— Война датской королеве Маргарет! — кричали они, а думали при этом: «Добыча! Добыча!..»

Патрициям мекленбургских городов для ведения войны против Дании пришлось забраться в свои кошельки поглубже, чем им бы хотелось; надо было снаряжать, снабжать оружием и всеми припасами пиратские суда.

А в конце концов эту свору кормила война, да и торговцам тоже удавалось неплохо заработать на добыче, получаемой от каперов, для которых гавани Мекленбурга были всегда открыты. Предводители пиратов в то время входили в магистраты городов и пользовались такими же привилегиями, как и большие господа.

Однажды, в конце лета 1391 года, когда Висмар кишел витальерами, которые хотели попасть на готовые к походу военные и провиантские корабли, три изящных высокобортных когги приблизились к гавани. На мачтах их реяли известные всем морякам, наводящие ужас пиратские флаги. Смелым маневром корабли вошли в гавань. На носу и корме стеной стояли суровые, испытанные в битвах команды с арбалетами, палицами, тесаками и мечами в руках. Все до пояса обнаженные, с непокрытыми головами и только один — в панцире и шлеме. Молча вошли когги в гавань. Молча встретили их тысячи теснившихся на молу людей. Раздался пронзительный свисток; с поразительной быстротой были убраны паруса, брошен якорь, и на берег полетел канат толщиной в руку.

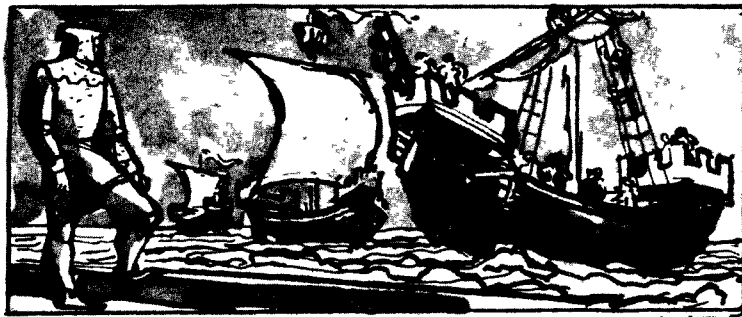
— Что за корабль? — сложив рупором руки, спросил по заведенному обычаю комендант висмарской гавани, старый, бородатый, одетый в кольчугу моряк.

— «Морской тигр»! — крикнули с кормы первой когги, которая уже стала на якорь.

Вопрос был повторен, когда приблизилась вторая.

— «Пенящий море», — прозвучало в ответ.

— «Морской рысак», — сообщили с третьего судна. Посвященные знали теперь — это корабли трех самых

грозных балтийских пиратов: Клауса Штёртебекера, Михеля Гёдеке и Магистра Вигбольда. Капитан Штёртебекер первым сошел со своего корабля на берег. Он был одет в ярко-красную куртку, которая достигала бедер, на ногах его были светло-коричневые рейтузы из мягкой кожи, темный берет прикрывал длинные, цвета соломы волосы. На боку висел широкий меч. Сила и гордость были в облике этого предводителя пиратов. Перед ним расступились с почтением и, пожалуй, даже со страхом. Штёртебекер, широко улыбаясь, приветствовал горожан и моряков. Он ждал, пока два других капитана пришвартуют свои когги и сойдут на берег.

Михель Гёдеке — приземистый широкоплечий человек — был в панцире и шлеме, как рыцарь. Магистр Вигбольд, идущий за ним, больше был похож на ученого: высокий, худой, в бархатной куртке, темных штанах в обтяжку и в ботинках с длинными острыми носками. Его узкое, словно сплюснутое с боков лицо, казалось, никогда не знало морского ветра и солнца. Когда все три предводителя направились в городской магистрат, за ними последовала растущая на ходу толпа любопытных. Их приветствовали криками, им кланялись, горожане высовывались из окон, чтобы увидеть трех известных пиратов, которые теперь были союзниками города. Правда, и легенды о трех, как их называли, властелинах Балтийского моря, передавались из уст в уста. И не раз и не два вспоминали о том, как капитан Штёртебекер получил свое имя. О Михеле Гёдеке говорили, что он — ремесленник из Грейфсвальда и был объявлен патрициями вне закона; с тех пор «денежные мешки» подвергают его яростному преследованию.

Магистр Вигбольд был мозгом этой троицы пиратов: он умел читать и писать и считался человеком большой учености. Поэтому его и называли «магистр». Впрочем, кто-то уверял, что пират раньше, и верно, был знаменитым магистром в ученом городе Виттенберге, кто-то утверждал, что он был магистром в Оксфорде. У одного из моряков выведали, что у Вигбольда в каюте есть толстая книга известного высокоученого магистра Гуго из Тринберга, которую он часто читал. Этот рукописный труд назывался «Реннер» — «Рысак», и поэтому магистр Вигбольд назвал и свой корабль «Морской рысак». «Морской тигр», по общему мнению, был самым опасным

из всех пиратских кораблей, а «Пенящий море» — самым быстрым.

Прибытие трех пиратских кораблей было в городе единственной темой разговоров. Перед зданием магистрата, куда отправились предводители пиратов, стояли в ожидании горожане и прибывшие из глубины страны парни. Они хотели попытать счастья на море.

И в гавани тоже толпились зеваки, охотники до сенсаций, они любовались могучими коггами, которые немало кораблей отправили на дно моря. Говорили, что на борту у них несметные сокровища.

Один из тех, кто рвался на море, крикнул наверх на «Тигр»:

— Хе, рулевой!.. Рулевой!!!

— Что надо? — крикнули с кормы, где нес вахту Киндербас.

— Можно мне к вам на борт? Я витальер.

— Есть ли у тебя хотя бы три боевых шрама? — спросил Киндербас.

— Нет, а что? — ответил витальер, рослый, отчаянный оборванец.

— Капитан не берет никого, кто не покажет хотя бы трех рубцов на теле.

Витальер смущенно молчал. У него не было ни одного. Молчали и другие, стоящие рядом с ним, с завистью осматривая коггу и команду Штёртебекера.

Переговоры в магистрате завершились ко всеобщему удовлетворению. Три предводителя оставались полновластными хозяевами на своих кораблях и могли сами распоряжаться всей добычей, они только обязаны были использовать каждый удобный случай, чтобы наносить урон торговому и военному флоту датской королевы и помогать обеспечивать осажденный Стокгольм. За это им было обещано покровительство герцога мекленбургского, и мекленбургские гавани были открыты для них в любое время. В этих же гаванях они должны были по определенным ценам сбывать свою добычу. Соглашение было оформлено письменно. Магистр Вигбольд тщательно ознакомился с ним, проверил и наконец подписал от имени троих капитанов. Торжественно скрепленный печатью, этот документ, являющийся для пиратов законным договором

о каперстве, был помещен в шкаф магистрата. Представители городов Висмара, Росток и Рибница выдали им каперские грамоты.

Во время этих переговоров произошли два незначительных инцидента, которые, к счастью, быстро уладились. Клаус Штёртебекер заявил, что он согласен выступить против королевы Дании и ее союзников в морской войне, но, кроме того, у него есть еще один враг, которого он не может щадить и с которым схватится, где бы и когда бы его ни встретил. И никакой документ, никакой договор, никакое соглашение не смогут ему в этом воспрепятствовать. Речь шла о роде Вульфламов из Штральзунда.

Ратсгеры Висмара сообщили ему, что в Штральзунде народная партия ремесленников взяла управление городом в свои руки и что Вульфламам пришлось бежать из города: Вульбекен Вульфлам служит у датчан управляющим в одном из замков в Сконе, а Вульф Вульфлам входит с недавних пор в рейхсрат датской королевы.

— Вульфламы изгнаны из Штральзунда?! — воодушевился Клаус Штёртебекер. — Я благодарю вас, ратсгеры. Лучшего известия мне и не надо. Возможно, мой друг Герд Виндмакер, брошенный Вульфламом в темницу, теперь свободен?

Ратсгеры пообещали Штёртебекеру разузнать и об этом.

Второй инцидент был связан с Хеннингом Мантойфелем, провинциальным юнкером, имение которого в Укермарке захватили более сильные соседи, и он теперь занимался морским разбоем. Он добивался подчинения объединенных пиратских кораблей общему командованию, чтобы с самого начала предотвратить возможные раздоры. Все три капитана единодушно выступили против. Конечно, они не против подчинения общему руководству, но оно, разумеется, может быть доверено только тому, кто покажет себя самым храбрым, самым опытным и самым осмелливым. Они выговорили себе право оставить без внимания неразумный приказ, отданный каким-нибудь не в меру честолюбивым командиром. Нет, они не наемники, не холопы, они свободные моряки, и каждый их корабль самостоятельная единица. Как рыцарь самостоятельно распоряжается в своем замке, точно так и они — хозяева на кораблях. И кто вздумает нарушить этот порядок,

станет их врагом и тотчас же почувствует силу их кулака.

Как бы подводя итог, Магистр Вигбольд бесстрастно произнес:

С волков овечьи шкуры снять,
Из тайных теплых мест изгнать,
Добро отнять, огнем донять
Проклятый волчий род!
Так требует народ!

Ратсгеры и благородные господа поняли, что пираты не собираются так просто расстаться со своей независимостью. Они не доверяют чужой власти и полагаются только на собственные силы. Они хотят оставаться свободными пиратами, а господам они достаточно послужили.

Отплытие флота витальеров превратилось в праздник для Висмара. Весь город был на ногах. Звонили колокола. Священники благословляли корабли, кропили пиратские пушки святой водой. На мачтах кораблей витальеров полоскались пестрые вымпелы. Хеннинг фон Мантойфель командовал торговым кораблем, на котором находились продовольствие, оружие и снаряжение, столь необходимые осажденному Стокгольму. Марквард Прин командовал двумя военными коггами, Арндт Штюк — тоже двумя. В качестве охранения с ними шли «Тигр» Штёртебекера. «Пенящий» — Гёдеке, «Рысак» — Вигбольда. В море к ним должен был присоединиться одновременно выходящий из Росток флот под командованием фон Каланда и Генриха Люхова. Такую армаду датчане вряд ли смогли бы сдержать.

Клаус Штёртебекер стоял у руля своего судна и смотрел вперед на «Пенящего», который шел во главе каравана. На носу «Тигра» была выставлена «думкёне», готовая в любой момент послать врагу свой громовой привет и продырявить его бок. У бортов лежали палицы и булавы, мечи и алебарды, — словом, оружия хватало, его отнимали у всех поверженных врагов. А «Тигр» уже немало поохотился и овладел не одним вражеским судном. Многие купцы вульфламовской породы, как и их корабли, стали добычей моря...

С волков овечьи шкуры снять!
Из тайных теплых мест изгнать...
Проклятый волчий род!

В трюме «Тигра» было уже немало богатой добычи: бесчисленные тюки шелковых и шерстяных тканей, кожи, меха, различные руды, лен, пенька, сало, соленая рыба — всякая добыча была кстати. В ближайшей гавани все это превращалось в звонкую монету или в вино и пиво, если на то было желание. В капитанской каюте Клауса Штёртебекера стоял тяжелый сундук, доверху наполненный дукатами, гульденами, рейхспфеннигами — разнообразной звонкой монетой. На стенах каюты были развешаны дорогие ковры, два огромных фландрских гобелена, редкостное оружие, чучела морских животных, которые были неизвестны в здешних водах, а на столе стояли великолепные шахматы с фигурами из слоновой кости. Жаль только, что никто из моряков, даже ученый Магистр Вигбольд, не знали этой чужеземной игры. О, Клаус Штёртебекер был счастливейшим человеком — он был свободен, он был сам себе господин и сказочно богат. Но дороже всего для него было то, что он жил морем, управлял кораблем, распоряжался четырьмя дюжинами отважных моряков. Лучшего он себе и представить не мог, его мечты осуществились. Одно только удручало его: как он ни старался, до сих пор ни одного корабля Вульфламов ему встретить не удалось. И еще ни одного Вульфлама он не отправил на тот свет за Хозанга, Свена, за Герда Виндмакера и за восьмерых олдерменов! Старый Вульфлам умер. В постели. Жалкой смертью, которую он и заслуживал. А его сыновья? Он, Клаус Штёртебекер, он их еще отыщет и заставит защищаться. «Тогда горе вам, Вульфламы, проклятые волки! Мы больше не ягнята, мы стали тиграми!»

Когда Киндербас пришел его сменить, Штёртебекер с улыбкой посмотрел ему в лицо. Киндербас был уже не мальчик, а статный парень, превосходный рулевой. Он стал почти таким же рослым и сильным, как Клаус. На левой щеке у него был глубокий шрам. Ударом топора ему тогда отхватили и левое ухо, но этого не было заметно, потому что его густые темно-русые волосы спускались до самых плеч. У него было и еще пять шрамов, и он этим очень гордился. Капитан Штёртебекер же, несмотря на то, что всегда бросался в гущу рукопашной схватки, оставался невредим. «Меня не задело», — восклицал он всякий раз после схватки. И не только Киндербас, но и вся команда «Морского тигра» считали своего

капитана неуязвимым, и это только возвышало его в их глазах.

— Киндербас, — сказал Клаус, — Вульвекен Вульфлам сидит в замке на Сконе.

— Да неужели! — пророкотал тот своим басом, который с годами стал еще гуще. — Чтоб ему жариться у сатаны! Когда мы идем туда?

— Скоро. На этот раз он не уйдет.

— Хорошо бы попался, — произнес Киндербас. — А Стокгольм? Зачем, собственно, нам Стокгольм? Вместо того чтобы нападать на торговые корабли, мы охраняем их. Что нам за дело до датской королевы? Наши враги Вульфламы.

— Не горячись, Киндербас, — с улыбкой сказал Штёртебекер. — Я дал слово, что мы поможем стокгольмцам. Покончим с этим и пойдем на Сконе. А наши старые счета мы всегда успеем свести.

— Мне кажется, лучше бы сейчас с ними по квитаться. Этот морской парад мне не нравится.

— Но я дал слово! — повторил Штёртебекер.

Датчане не были столь неподготовленными, как предполагали витальеры. Они замкнули вокруг города железное кольцо не только на суше, но и блокировали своим флотом выход из озера Меларен.

Стремительным налетом кольцо датских кораблей было разорвано, а пока корабли пиратов сражались с военными коггами датчан в заливе Сальтшён, Хеннинг Мантойфель беспрепятственно провел нагруженные суда в гавань. Защитники Стокгольма встретили этот героический подвиг ликованием: уже два года они стойко сдерживали натиск превосходящего врага, и вот пришла помощь — продовольствие и оружие. Теперь они, почувствовав поддержку, стали дразнить датчан, насмехаться над ними: «Что ж, нападайте, если посмеете, а нет, так отступитесь; Ганза и витальеры поддерживают нас, и мы никогда не сдадимся!»

Корабли расположились все вместе в гавани Стокгольма. А между тем датчане снова сосредоточили свой флот и подтянули подкрепления. Со свежими силами они блокировали гавань и решили не выпускать пиратские корабли в море.

На совете капитанов Штёртебекер настаивал на медленных действиях. Он считал, что до наступления зимы блокада должна быть прорвана. В противном случае придется зазимовать и уступить датчанам господство на море. Капитаны не могли прийти к единому решению. Аридт Штюк поддерживал разумное предложение Штёртебекера, Хеннинг Мантойфель проявил себя, однако, человеком нерешительным и приводил все новые и новые доводы в пользу отсрочки. Марквард Прин, который пользовался большой популярностью среди немецкого населения Стокгольма, тоже не мог решиться на уход. Штёртебекер угрожал собственными силами пробиться в открытое море. Магистр Вигбольд уверял, что эта затея неосуществима. Датчане сосредоточили свой флот в заливе Сальтшён. Любые разрозненные действия с самого начала обречены на неудачу. Штёртебекер думал о Сконе и о Вульфламах. С каждым днем он становился все нетерпеливее и невыносимее.

Неожиданно ударили морозы. Быстро замерзли озеро Меларен и залив Сальтшён. Только открытое море, где находился датский флот, было еще свободно ото льда. И тут датчане попытались внезапным налетом завладеть вмерзшими в лед пиратскими кораблями и сжечь их. Благодаря бдительности команды «Морского тигра» атака была отбита.

Штёртебекер проклинал нерешительность и бездеятельность других капитанов. Вместе с Михелем Гёдеке и Магистром Вигбольдом он, чтобы защититься от неожиданных налетов, с помощью моряков окружил три своих корабля, которые были ближе других к выходу из озера Меларен, высоким бревенчатым палисадом. В особенно морозные ночи палисад обливали водой. Он обледел и благодаря этому стал почти непреодолимым.

Кlaus Штёртебекер пустился еще на одну военную хитрость. Едва наступала темнота, его команда взламывала лед перед палисадом; если бы датчане отважились атаковать его и поставить лестницы и тараны, они провалились бы под лед. Во время этой работы Штёртебекеру пришла в голову великолепная мысль. Он приказал изготовить длинные водонепроницаемые деревянные ящики, в крышках их просверлил по маленькой дырке. В эти ящики насыпали пороху, который предназначался для «думкёне». Через дырку в крышке ввели внутрь каждого

по фитилю. В месте, где могло произойти нападение, во льду были сделаны ямки, как раз такие, чтобы в них поместились эти ящики с порохом.

На других кораблях посмеивались над всеми этими спешными приготовлениями и над ледяным валом перед пиратскими кораблями.

— И чего они боятся? — кричал Хеннинг Мантойфель. — А я-то думал — пираты не знают, что такое страх!

Штёртебекер велел ему передать, что он в его присутствии дал висмарцам слово действовать в бою с ними вместе, но что он, Клаус Штёртебекер, командир «Морского тигра» примет во внимание насмешки Хеннинга Мантойфеля.

С тех пор ни Хеннинг Мантойфель, ни другие капитаны из «благородных» не высказывались опрометчиво в адрес кого-нибудь из трех капитанов-плебеев.

Как и предполагал Клаус Штёртебекер, датчане, уверовавшие в свое превосходство, попытались совершить нападение на застрявшие во льду корабли витальеров. Их собственный флот был в открытом море, а солдаты с кораблей развернулись широким фронтом против пиратов. Они тащили много лестниц, для того чтобы преодолеть палисад. Клаус Штёртебекер отдал приказ команде оставаться на кораблях и стрелять по каждому датчанину, который попытается перелезть через палисад. Если бы врагам все же удалось преодолеть препятствие, предстояло защищать корабли. Для этой цели у каждого матроса была наготове палица или булава. Небольшие группы остались у палисада, чтобы в нужный момент поджечь маленькие ящики с порохом.

С диким воинственным кличем ринулись датчане на штурм. «Благородные» капитаны и не подумали послать помощь пиратским кораблям, находившимся у выхода из озера Меларен. Они наблюдали, ожидая исхода борьбы, которую вели три оказавшихся впереди корабля. Штёртебекер, Гёдеке и Вигбольд увидели, что они одни противостоят всему датскому флоту. Несмотря на это, они не дрогнули и спокойно поджидали наступающего врага.

Когда датчане были не более чем в пятидесяти шагах от палисада, Штёртебекер подал знак тем, кто был внизу на льду. Они поднесли огонь к фитилям и поспешили на свои корабли.

Датские корабли, стоящие в открытом море, обстреливали ледяную крепость, но не причинили большого вреда. И вот первые датские воины достигли палисада. Они приставили принесенные с собой лестницы, однако, когда все больше и больше солдат устремилось на штурм укрепления, тонкая корочка, намерзшая за ночь на месте расколотого льда, сломалась, и многие оказались в воде. Это привело к замешательству.

В другом месте, где атака проходила удачнее, некоторые уже достигли вершины палисада. Их встретил град выстрелов из арбалетов. Первые убитые покатались с лестниц. И все же атака продолжалась. И тут один за другим последовали пять глухих взрывов и страшный крик. Лед в пяти местах проломился, словно по волшебству. Ужас овладел нападающими. Бросая лестницы и оружие, они в паническом страхе побежали.

Команда Клауса Штёртебекера и все витальеры издали победный клич, «думкёне» выпустила несколько ядер вслед бегущему врагу.

Датчане и не думали о повторении нападения; они подняли паруса и ушли прочь, а витальеры устроили на льду большой праздник победы. Был зажарен на вертеле целый бык, на палубы выкатили много бочек вина и пива. Были приглашены все, никого не обошли. Прибыли и «благородные» предводители и их матросы. Клаус Штёртебекер всем говорил: «Добро пожаловать!» Матросы Хеннинга Мантойфеля запели песню, которую они называли гимном витальеров: «Богу друг, всему свету враг». Она звучала так:

Развевайся гордо, грозный наш флаг,
В мире нет преграды для морских бродяг
Убивай! Жги все подряд!
Богу друг, всему свету враг!

С запада, с востока суда идут
Знатную поживу они нам принесут
Убивай! Жги все подряд!
Богу друг, всему свету враг!

На борту у них в бочонках вино,
Бархат и оружие нужны нам давно
Убивай! Жги все подряд!
Богу друг, всему свету враг!

Парус подымай — и к бою коггу,
Якорь выбирай — да смелее в дорогу

Убивай! Жги все подряд!
Богу друг, всему свету враг!

Под покровом ночи в путь по следу,
Тот посмеется, кто одержит победу
Убивай! Жги все подряд!
Богу друг, всему свету враг!

— Всему свету враг? Только богу друг? — воскликнул Клаус Штёртебекер. — Мои враги — Вульфламы! И если вы не знаете, кто это такие, то, скажу я вам: это волки среди людей! Волки, которые то и дело рвут ягнят! Друзья, споем лучше нашу песню!

И моряки Штёртебекера запели:

С волков овечьи шкуры снять!
Из тайных теплых мест изгнать!
Добро отнять, огнем донять
Проклятый волчий род!
Так требует народ

ШТУРМ ГОТЛАНДА

Морская блокада Стокгольма была прорвана. Клаус Штёртебекер уговорил Гёдеке и Вигбольда напасть на Сcone. Королева Маргарет управляла Сcone как территорией датского государства, и нападение на нее было военной операцией. Клаус Штёртебекер стремился прежде всего отомстить Вульфламам.

Хеннинг Мантойфель все противился этому плану: он считал, что витальеры должны держаться вместе: датский флот рассеян, но не уничтожен. Штёртебекер сказал, что и один не боится встретиться с датским флотом.

Капитаны кораблей совещались, Штёртебекер, Гёдеке и Вигбольд тоже были приглашены Хеннигом Мантойфелем, но они передали в ответ, что ничего не слышали о назначении его главнокомандующим

и о предоставлении ему права собирать подобные совещания.

«Благородные» пираты, таким образом, остались одни и стали обсуждать между собой, как бы урегулировать отношения с пиратами-плебеями. Силой здесь ничего не сделаешь. Их собственные команды преклонялись перед такими вожаками, как Штёртебекер и Михель Гёдеке, и никогда не выступили бы против них. Поэтому Хеннинг Мантойфель и Марквард Прин решили предпринять еще одну попытку договориться с ними в надежде преодолеть раскол в пиратском флоте. Они искали удобного случая начать разговор с Магистром Вигбольдом, именно с ним одним. У «дипломата» и «канцлера» пиратов они надеялись найти понимание и поддержку.

И вот Магистр Вигбольд неожиданно для себя оказался среди предводителей витальеров. Хеннинг Мантойфель, Марквард Прин, Генрих Люхов, Арндт Штюк, Боссефон Каланд, рыцарь из Эппа — все были тут. Вигбольд сперва немного удивился, потом по его хмурому хитрому лицу скользнула усмешка.

— Торопитесь, — произнес он сухо. — Через полчаса меня сочтут пропавшим без вести, и команда примется меня искать.

— Магистр, мы хотели бы переговорить, — дружелюбно начал Марквард Прин.

Вигбольд снова усмехнулся. Он думал, что здесь будет судилище, что наступил его последний час, а вместо этого его вежливым образом просят о переговорах. «Что ж, посмотрим, что у этих господ на уме».

— Я рад быть в вашем обществе, господа. Говорите, какие у вас заботы? — И Магистр Вигбольд опустил на стул с высокой спинкой.

Начал Марквард Прин. Он указал на опасности со стороны датчан, морские силы которых еще не сломлены. Разобщенность среди пиратов означает верную гибель. Единство же — непреодолимая сила. Он не отрицал, что битва на льду принесла трем пиратам еще большую славу и известность. Или Магистр Вигбольд не понимает необходимости единения? Или он не согласен, что первые успехи следует подкрепить совместными действиями?

Вигбольд объяснил, что он не против совместного наступления и никогда не был против общего руководства объединенными силами витальеров.

Это очень обрадовало собравшихся. Они поднялись, окружили Магистра, пожимали ему руки и дружески похлопывали по плечам: «О, он же благоразумный человек, ученый, с ним можно вести разговор».

Магистр Вигбольд тоже выразил удовлетворение достигнутым взаимопониманием. Разумеется, единство и общее верховное командование — это самые важные вопросы. Но с ними связано и назначение командующего...

Предводители насторожились. Не думает ли Магистр принять командование на себя?

— Кого вы имеете в виду, Магистр? — спросил Марквард Прин.

— Смелейшего, умнейшего и справедливейшего из пиратских капитанов, — отвечал Вигбольд.

— Bravo! — воскликнул Марквард Прин, который принял это на свой счет.

Остальные предводители застыли в полном ожидания молчании.

— Клауса Штёртебекера, — сказал Магистр Вигбольд. — Сразу можно было догадаться, кого я имею в виду. — И при этом он взглянул на Маркварда Прина, в глазах которого вспыхнула ярость.

— Клауса Штёртебекера? — вскрикнул Хеннинг Мантойфель. — Никогда!

— Почему никогда? — вкрадчиво спросил Вигбольд.

— Никогда! — только и услышал он.

— Никогда! — в один голос крикнули собравшиеся предводители.

— У меня есть еще одно предложение, — Магистр Вигбольд медленно поднялся, посмотрел на окружающих. — Может быть, мы еще достигнем соглашения.

— Послушаем, — глухо сказал Марквард Прин.

— Спросим у наших матросов, братьев витальеров. Пусть они выберут командира.

— Спрашивать чернь? — возмутился Хеннинг Мантойфель. — Матросам решать?

— Именно это я и имел в виду, — подтвердил Вигбольд.

— Никогда! — зло крикнул Хеннинг Мантойфель.

— Никогда! — повторили другие.

Под полными ненависти взглядами «благородных» капитанов Магистр Вигбольд покинул зал.

... Солнечным апрельским днем из озера Меларен в открытое море шли в кильватер три когги. Впереди «Пенящий», за ним «Тигр» и последним — «Рысак». Моряки ликовали. Наконец-то миновали томительные месяцы ледовой осады. Осталась позади и тоскливая служба по сопровождению судов. Больше они не овчарки, им не надо теперь присматривать за стадом. Они снова тигры, морские тигры, которые охотятся за волками и за добычей.

Штёртебекеру стало известно о разговоре капитанов. Стоя у руля своего корабля, он поглядывал на «Рысак», который шел сразу же за ним. Он был горд за Магистра, так мужественно отразившего притязания «благородных». Он задумался над словами Магистра, тот произнес их, когда он, Клаус, был чем-то рассержен. Скорее всего, эти слова были из той ученой книги, которую он часто читал: «Дорожи теми, кто дорожит тобой. Остерегайся врагов. Круг друзей никогда не велик. Ни один враг в этом мире не мал».

Ведь это были почти те же самые слова, которые однажды произнес Хозанг: «Один враг — это слишком много, сто друзей — это слишком мало». Кто имеет таких друзей, как Магистр, Михель Гёдеке, Киндербас, да и все его матросы, тот богат, тому сам черт не брат. А они и собрались для того, чтобы бороться с чертом: «Трепещи, Вульфлам, час расплаты наступил! Я готов отказаться от всех сокровищ мира, но не от своей мести. Ты должен заплатить за Хозанга, за Свена, за Герда, за восьмерых олдерменов. И только одной монетой ты можешь рассчитаться — кровью».

Неподалеку от острова Готланд они заметили вдали датского охотника за пиратами, и «Пенящий» начал маневр. Были поставлены все паруса, так что даже мачты гнулись. Штёртебекер резко повернул «Тигра» к берегу. Он хотел закрыть датчанину возможность искать там спасения. Вигбольду пришлось держаться позади «Тигра», потому что тот скользил по волнам, как дельфин. Команда Штёртебекера оживилась. Наконец-то охота и борьба! Лихорадочно велись приготовления к абордажу.

«Пенящий» почти настиг датский корабль, когда три глухих пушечных выстрела прокатились над морем. Тяжело поврежденный «Пенящий» точно споткнулся. У датчанина были на борту пушки. Михель Гёдеке рассчитывал только одной маленькой и, как было известно

Штёртебекеру, совсем негодной пушкой; ее нужно было сперва починить в Висмаре. Борьба была неравной. Клаус Штёртебекер резко развернулся и устремился на датчанина.

«Думкёне» была придвинута к борту. Вытащили на палубу дюжину каменных ядер. Киндербас подобрал двадцать отчаянных парней для абордажной схватки. У каждого было по топору на длинной рукоятке, а у Киндербаса короткий широкий меч. Еще раз над водой прогремели три выстрела. «Пенящий» потерял ход и лег в дрейф. Но «Тигр» был уже совсем рядом. С датчанина увидели воинов, заряжающих пушку.

— В середину! — крикнул Клаус Штёртебекер с кормы.

И Рике Вестфаль, орудийный мастер, понял. Оглушительный выстрел — и каменное ядро угодило в середину датчанина, прямо в грот-мачту.

На «Тигре» раздался дикий рев радости. Среди команды датской военной когги началась паника. Доносились команды. «Тигр» был встречен тучей арбалетных стрел. Но поздно, суда столкнулись. Матросы Штёртебекера карабкались вверх по вантам и прыгали прямо на палубу вражеского корабля. Началась жестокая рукопашная схватка. Топоры крушили человеческие тела. Беспорядочно мешались крики, проклятия, команды. Кое-кто из пиратов, прыгая на вражеский корабль, падал в море. Клаус Штёртебекер заметил, что на корме датского судна капитан пытается учинить поджог. С тремя матросами,

которые стояли около него, Штёртебекер бросился туда: корабли уже были сцеплены бортами.

Увидев, что сопротивление бесполезно и что на корме их корабля клубится дым, датские воины окончательно растерялись, многие из них стали прыгать за борт.

— Киндербас! — закричал Клаус Штёртебекер. — Пушки спасать!

С «Тигра» бросили канат. Его поспешил поймать Киндербас. Ствол пушки обвязали канатом и втащили на «Тигр». Другие моряки собирали оружие, валявшееся возле убитых.

Вторая пушка болталась на канате, когда мощный взрыв потряс датский корабль. Штёртебекера и Киндербаса подбросило над палубой. Взорвался пороховой погреб. Штёртебекер ждал этого. Забрать третью пушку не успели: охотник за пиратами тонул удивительно быстро. Не успели спастись и два матроса Штёртебекера, те, что были внизу, под палубой: вместе с убитыми и тяжело ранеными их увлек водоворот, образованный тонущим кораблем.

«Рысак» встал борт о борт с «Пенящим». Михель Гёдеке был безутешен в своем горе. Он чертыхался и бранился; когда же Клаус Штёртебекер пришел на его корабль, он рассмеялся и протянул ему руку.

— Ты более ловок, Штёртебекер! — крикнул он.

— Более удачлив, — ответил тот. — Это произошло, Михель, потому, что у тебя не было пушек. Я даю тебе две. Раны, которые они тебе нанесли, придется залечить самому.

— Достаточно и одной, — радостно воскликнул Гёдеке. — И за одну тысяча благодарностей.

— Тогда вторую получит Магистр.

— А ты? — спросил Вигбольд.

— Мне — третья, — ответил Штёртебекер, умолчав о том, что эта третья лежит на дне моря.

Шестерых пиратов погубили пушки датчан. Из парней Штёртебекера четверо были убиты и семь ранены, многие из них — тяжело. Раненых унесли под палубу. Убитых привязали к доскам, прикрепили к ним железные ядра. Моряки собрались на палубе. Они пели свою пиратскую песню:

... Добро отнять, огнем донять
Проклятый волчий род...

Под это пение убитые один за другим были сброшены в море.

Уже многие замки на Сконе они завоевали и разграбили. Захватив замок Линдхольм, Штёртебекер услышал, что Вульфлам несколько недель назад уехал в Висбю, на Готланд. Он не поверил этому. Пираты продолжали захватывать замки, уничтожать их защитников, грабить, жечь. Вульвекена Вульфлама нигде не было. Моряки радовались богатой добыче, Клаус Штёртебекер не радовался. Ненавистный враг ускользал от него. Все было напрасно. «Но я вас все-таки схвачу! — скрежетал он зубами. — Вечно вы не можете убежать от меня и от своей судьбы. Вы не умрете своей смертью. Вы недостойны честной смерти. Вы должны искупить все свои преступления. И мститель — я, Клаус Штёртебекер. Проклятое волчье отродье! Вам от меня не уйти!»

В разгар лета они вернулись в Висмар. Шумной радостью встретили их горожане, а ратсгеры — кислыми улыбками. Хеннинг Мантойфель подал на них злобную жалобу, оклеветал их. Три капитана сообщили о своих действиях, о битве на льду, об уничтожении датского охотника за пиратами и о взятии штурмом девяти замков на Сконе.

— Расскажите же теперь нам, — заключил Клаус Штёртебекер, — чем отличились знаменитые капитаны Хеннинг Мантойфель, Марквард Прин, Хейнрих фон Люхов и другие.

Ратсгеры молчали. Каперские походы, в которых участвовали все остальные флотилии витальеров, не увенчались такими успехами.

— Господа, — снова начал Штёртебекер. — Я требовал свободы действий, и вы ее мне предоставили. Если вы недовольны моими военными операциями, так что ж, наш союз не вечен, мы можем его и расторгнуть.

Об этом ратсгеры не хотели даже и слышать. У них хватало других забот, и положение их было не из лучших. Королева датская Маргарет препятствовала торговле ганзейских городов, где и как только могла. И Стокгольм, хотя он еще и держался, был единственным из городов Швеции, который противостоял напору; вся страна была ею покорена. Поэтому Ганза, и прежде всего могущественный Любек, желали скорейшего завершения этой

войны, чтобы положить конец произволу на море и наладить спокойную торговлю. Для этого нужно было нанести Дании ощутимые удары и принудить ее к уступкам. Отважные пиратские корабли Штёртебекера, Гёдеке и Вигбольда были еще нужны.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Мы хотим выслушать ваше мнение и ваши предложения, — смиренно произнес Магистр Вигбольд.

Польщенные ратсгеры настроились на мирный лад. Главное то, что нет опорных баз для флота витальеров. Морской путь от Висмара или Росток до Стокгольма далек. У шведских берегов корабли подстерегают датские каперы.

— Мы должны захватить Висбю на Готланде, — сказал Клаус Штёртебекер.

— Правильно, — поддержал Михель Гёдеке. — Отберем мы у Маргарет Готланд, тогда прощай ее господство на шведском побережье.

— И вы думаете, что захватите Готланд? — спросили ратсгеры.

— Все можно захватить, — ответил Клаус Штёртебекер. — Добавьте к моим кораблям еще три, да сотню вооруженных людей, и остров Готланд — наш.

— Хеннинг Мантойфель считает такую операцию неосуществимой.

— Для Хеннинга Мантойфеля она, конечно, неосуществима, — ответил Клаус Штёртебекер. — Для нас — да.

Ратсгеры захотели посоветоваться.

— Советуйтесь, господа, — сказал Клаус Штёртебекер. — Три корабля и сто матросов. И даю слово, Висбю и Готланд — наши... Но прежде чем уйти, я хочу вам задать еще один вопрос. Не узнали ли вы что-нибудь о моем друге Герде Виндмакере, который сидит в тюрьме в Штральзунде?

— Штральзундцы требуют за него выкуп, тысячу любекских гульденов, — ответил один из советников.

— Они их получают! — воскликнул Клаус Штёртебекер. — Я благодарю вас, господа!

«Морской тигр», «Пенящий море», «Морской рысак» и еще три хорошо вооруженные когги покинули гавань Висмара. Командовал этим флотом витальеров Клаус

Штёртебекер. В интересах герцогов Мекленбургских было оказать быструю и действенную помощь своему родственнику, юному Иоганну, который защищал Стокгольм, и уже поэтому они были согласны со смелым планом захвата Готланда и превращения его в опорный пункт немцев на севере.

Ратсгеры тоже дали свое согласие, потому что опасались отважных, спаянных дружбой пиратов и втайне надеялись, что во время этого предприятия они будут уничтожены: Висбю был неприступной твердыней, и защищал его хорошо вооруженный гарнизон.

Ратсгеры Висмара, Росток и Рибница и все торговцы, скромно называвшие себя «кремерами» — «мелкими лавочниками», хорошо знали, что благодаря этой военной неразберихе и связанной с ней все растущей опасностью на море они были в труднейшем положении. У них не было династических интересов, им в сущности было безразлично, кто правит Швецией и кто обеспечит право торговать и надежность торговых путей. Они не хотели ничего, кроме как торговать и загребать деньги. Для того чтобы быть достаточно сильными, чтобы отстоять свое право перед князьями, они основали союз городов — Ганзу, руководящую роль в которой играл большой и сильный имперский город Любек. Висмар, Росток и Рибниц не были имперскими городами, они были в подчинении герцога Мекленбургского, но они входили и в Ганзу, которая в борьбе мекленбургского герцога против датской королевы оставалась нейтральной, но втайне вела с Данией переговоры, ловким и хитрым посредником в которых был Вульф Вульфлам. Ганзейские города оказывали сильное давление на свои мекленбургские союзные города и угрожали им «отлучением» от Ганзы, то есть исключением из ганзейского союза и объявлением вне закона, если они и дальше будут продолжать оказывать содействие пиратам.

Обо всем этом не знал Клаус Штёртебекер. Только Магистр Вигбольд догадывался о настроениях патрициев. Он понимал, что от них в любой момент можно ждать вероломства, предательства. Штёртебекер смеялся над его опасениями. Будущее беспокоило его мало; он жил сегодняшним днем, ради близкой цели, которую ставил перед собой. Он принимал жизнь такой, какой видел. Ломать голову над событиями далекого будущего

было не в его характере. Будет день — будет пища. Он знал, чего хотел: быть свободным, не прислуживаться никому. Он знал и своих врагов; имя им — Вульфламы. К ним относились и те, кто хоть и не назывался Вульфламами, но был им сродни — безгрешных патрициев не было.

Радостный, уверенный в победе, опьяненный силой, которую он со своими кораблями представлял, стоял Штёртебекер за рулем своего «Тигра» и смотрел на пять стройных когг, идущих за ним. Глядя перед собой, в свободную даль моря, ставшего его родиной, он думал о большом острове с богатым торговым городом, в котором находился Вульвекен Вульфлам. Думал о том, что день расплаты наступал.

Вблизи Готланда корабли Штёртебекера встретились с четырьмя кораблями витальеров под командованием капитана Аридта Штюка. Штёртебекер предложил присоединиться к нему и вместе напасть на Висбю под его, Штёртебекера, командой. Аридт Штук заартачился. Он пытался уклониться от этой задачи даже тогда, когда Клаус предъявил ему полномочия магистрата Висмара. Штёртебекер заявил, что раз он отказывается повиноваться, то его суда будут рассматриваться как вражеские. И Аридт Штук вынужден был согласиться, так как знал, что его люди не станут сражаться против Штёртебекера.

С десятью сильными военными коггами витальеры неожиданно появились перед Висбю. Места эти были знакомы Клаусу еще по походам на «Женевьеве». Однако прежде чем начать штурм города, он попытался достигнуть соглашения без боя. Ему хотелось сохранить богатый и сильный город в качестве опорного пункта. От развалин города и крепости мало проку.

Висбю был несказанно богат; Клаус поставил условия: одна бочка золота или выдача Вульвеkena Вульфлама, полное обеспечение его кораблей и добровольная поддержка горожанами осажденного Стокгольма.

Магистрат категорически отклонил эти требования и послал курьеров к датской королеве, померанскому герцогу и к тевтонскому рыцарскому ордену с просьбой о помощи против витальеров.

Город Висбю, в 1361 году захваченный и разоренный датским королем Вальдемаром Аттердагом, все еще не был

полностью восстановлен нерадивыми гражданами. Городские стены были отстроены только в наиболее уязвимых местах. Этим и воспользовался Штёртебекер. Не в гавани, а на береговой косе, неподалеку от города, высадил он безлунной ночью своих людей, выгрузил тараны и орудия и атаковал город одновременно с четырех сторон, как было предусмотрено разработанным планом. Сам он повел главные силы и, захватив восточные ворота, ворвался в город.

Когда над морем забрезжило утро, город был в руках витальеров; остатки защитников укрылись в стенах кирок святого Клеменса, святого Николая и в цитадели. Штёртебекер в сопровождении Михеля Гёдека и Магистра Вигбольда направился в ратушу и потребовал встречи с магистратом.

Им пришлось некоторое время дожидаться, потому что ратсгеры в страхе попрятались и отыскать их было нелегко. Самый мужественный из них, второй бургомистр Энгельберт Тидеман, немецкий торговец, вышел навстречу «страшным» витальерам. Штёртебекер потребовал полторы бочки золота или выдачи Вульфлама, который спрятался в городе. Кроме того — все без исключения корабли в гавани, полное обеспечение своего флота и безотлагательную помощь осажденному Стокгольму.

Бургомистр запротестовал. Он не знает, где находится Вульфлам. Город ни с кем не ведет войны. Горожане еще до сих пор не оправились от уничтожающей ярости Вальдемара Аттердага; город разорен и нищ.

— «Готы бочонками меряют золото, — насмешливо крикнул Клаус Штёртебекер. — Камни — сокровища в игры идут...»

— Было время, — сказал бургомистр.

— И, конечно, снова наступит такое, а? — спросил Штёртебекер.

— На то божья воля!

— Никогда! — закричал Штёртебекер. — Никогда! Если вы сейчас же не выдадите Вульвекена Вульфлама, фогта датской королевны на Сконе, камня на камне не останется от города!

Бургомистр Тидеман молча смотрел на расхажившегося победителя, но в лице его были твердость и спокойствие. Штёртебекер выхватил меч и оперся на него.

— Ну? Что скажет магистрат?

Магистр Вигбольд подошел к Штёртебекеру и положил ему руку на плечо:

— Никакой спешки, Штёртебекер. Подумаем...

Штёртебекер стряхнул руку друга. Он задыхался от злости на этого упрямого бургомистра, этого пособника Вульфламов, этого презренного торгаша, который осмеливается ему сопротивляться. Кровь бросилась ему в голову. Жилы на лбу набухли. Он сделал еще шаг к бургомистру, и такой угрожающий, что ратсгеры совсем прижались к стенам. Только бургомистр Тидеман не сдвинулся с места и стоял, не спуская глаз с Штёртебекера. И это достойное удивления самообладание, какого Штёртебекер никогда не ожидал встретить у какого-то лавочника, полностью обезоружило его. В приступе неистовства он все же крикнул:

— Да или нет? Аттердаг требовал три бочки золота. Да и что за разрушитель Аттердаг — мальчишка. Мне не надо золота, мне нужен фогт. Да или нет?

— Мы бедны! — повторял бургомистр.

— Мы это проверим, — взревел Штёртебекер, повернулся к своим и крикнул: — Грабить город! Искать фогта Вульвекена Вульфлама! Сгоняйте народ в кирхи. Поджигайте каждый дом! Крушите стены! Стереть Висбю с лица земли!

В радостном вопле моряков еле слышались громкие причитания ратсгеров. Штёртебекер взглянул на бургомистра. Он молчал и стоял гордо и с достоинством. С каким бы удовольствием Штёртебекер сразил своим мечом этого наглеца!

Магистр Вигбольд снова подошел к Штёртебекеру.

— Ты забыл наш план?

Вмешался и Михель Гёдеке:

— Что мы выиграем, если твой приказ будет исполнен?

— Все богатства этого бедного города, — ответил Штёртебекер, и «бедный город» прозвучало у него насмешливо.

— Но мы теряем надежный порт и опорный пункт, — недовольно возразил Гёдеке.

— Отмени свой приказ! — воскликнул Вигбольд.

Штёртебекер посмотрел на бургомистра, который все еще стоял на своем месте словно каменный, посмотрел и на своих капитанов.

— Нет, — ответил он.

— Ты об этом пожалеешь, — произнес Гёдеке.

Штёртебекер продолжал пристально смотреть на бургомистра, и ему стало казаться, что это Вульфлам стоит перед ним, упрямый, жестокий, корыстный волк. Но Клаус Штёртебекер будет еще упрямее.

Два дня грабили витальеры Висбю. Цветущий город пылал пожарами. Сотни убитых горожан лежали в своих домах и на улицах. Добыча телегами свозилась в гавань и грузилась на корабли. На второй день этого яростного разбоя за Штёртебекером, который с мечом в руках носился из одного конца города в другой и так и не находил того, кого искал, прибежали от Магистра. Магистр звал на помощь как можно скорее. Штёртебекер промчался по улицам, по широким каменным ступеням торгового дома бросился вверх.

В просторном помещении Магистр Вигбольд бился с великаном из великанов, с человеком, который, стоя спиной к стене, отважно оборонялся длинным широким мечом.

— Наконец-то! — крикнул Вигбольд, когда увидел Штёртебекера. Он отскочил от своего противника и взмахом руки предложил Штёртебекеру занять его место.

— Ну, давай же! — крикнул он, когда тот с удивлением посмотрел на него. — Твой Вульфлам! Неужели ты не узнаешь фогта Сконе?

Штёртебекер выхватил из ножен меч и, не спуская глаз со своего смертельного врага, подбежал к нему. Фогт Вульфлам был уже в годах, ему, вероятно, перевалило за пятьдесят. Черная борода делала его поразительно похожим на отца, Бертрама Вульфлама. И взгляд у него был такой же хитрый, холодный.

Магистр Вигбольд остался у двери. Рядом с ним его люди. Молча смотрели они на двух рослых мужчин, которые стояли друг против друга, обнажив мечи.

— Вульвекен Вульфлам, — начал Штёртебекер, — ты чувствуешь, что тебе предстоит за все заплатить?

— Пять тысяч золотых дукатов, если мне будет обеспечено свободное возвращение в Штральзунд, — ответил Вульфлам.

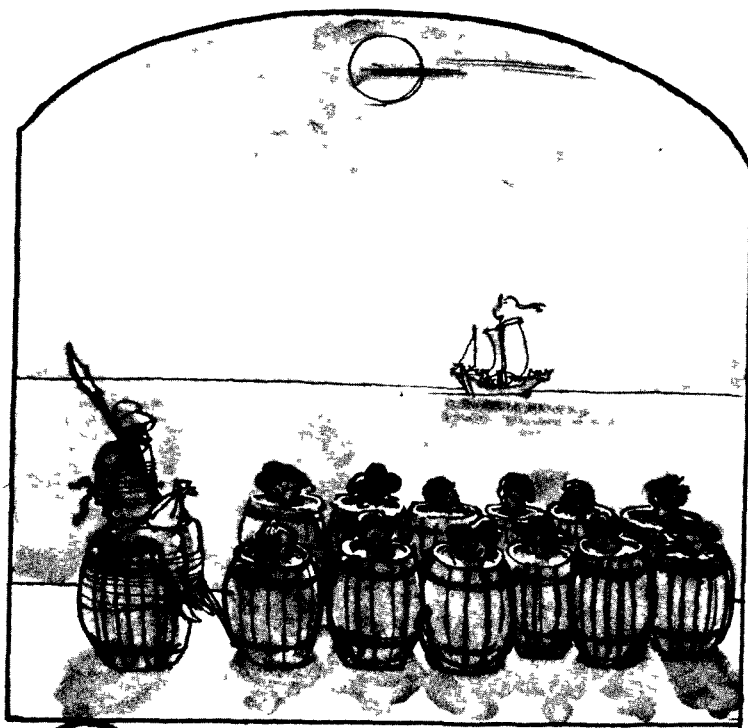
Клаус Штёртебекер зло захохотал.

— Золото? — вскричал он. — Золото?.. Чтобы откупиться, тебе не хватит золота всего мира. Вульвекен Вульфлам, я мститель Германа Хозанга, купца, верного сына Штральзунда, которого ты и твоя клика безвинно колесовали... Я мститель восьми олдерменов из Сконе, которых ты высек, чтобы присвоить себе шесть тысяч марок... Я мститель Герда Виндмакера, которого ты и твои приспешники схватили и многие годы держите в тюрьме... Я мститель бедных горожан Штральзунда, которых ты и твоя шайка лишили гражданских прав, тиранили и грабили... Я непримирим ко всем врагам обездоленного народа... Вот кто я! Защищайся же, негодяй!

С этими словами Клаус Штёртебекер стремительно бросился на Вульвекена Вульфлама, который замер в безмолвном изумлении и не в силах был противостоять тяжелым ударам Штёртебекера. Момент, другой — и страшный удар обрушился на голову Вульфлама. Он зашатался. И тут второй удар рассек ему левое плечо. Меч выпал из его рук. Штёртебекер схватил Вульфлама и связал. Победные крики раздались со всех сторон.

Штёртебекер заключил Магистра в свои объятия. Это была его благодарность за то, что он дал ему возможность отомстить.

На другой день Вульвекен Вульфлам предстал перед судом витальеров. Как обыкновенный преступник, он был обезглавлен на рыночной площади Висбю. Голова его украсила бушприт «Тигра».

ЛИКЕДЕЕЛЕРЫ

Остров Готланд был захвачен витальерами. Висбю разграблен. Городу запрещено было восстанавливать разрушенное пиратами. Отныне и впредь быть ему убогим, забытым миром уголком. И как свидетельство бывшего величия и богатства высились лишь огромные стены и многочисленные руины церквей.

Штёртебекер положил начало отмщению; золото и сокровища интересовали его мало. Теперь, после того как его люди захватили Висбю, сюда со всех сторон хлынули витальеры, которые состояли под началом «благородных» капитанов. Хеннинг Мантойфель прибыл из Стокгольма и от имени своего господина, герцога Мекленбургского, принял на себя управление островом. По-видимому, он

опасался, что три неразлучных капитана-плебея будут считать Готланд своим владением. Генрих фон Люхов тотчас же примчался на Готланд с обоими своими кораблями из каперского набега в Зунд в надежде еще чем-нибудь поживиться. Рыцарь из Эппа тоже появился со своей коггой, как и Марквард Прин, который, еще будучи в Ростове, заранее позаботился о присвоении ему титула наместника Готланда.

Все это претило Клаусу Штёртебекеру. Он оставил «благородных» морских грабителей разбираться между собой и вместе с Михелем Гёдеке и Магистром Вигбольдом покинул город. Он направился в Висмар. Может быть, Герд уже освобожден из Штральзундской темницы и ждет его. И потом, он не хотел обосновываться в какой бы то ни было одной гавани. Море — его родина. Оно звало к борьбе и походам. К тому же оставался жив еще один из Вульфламов. Предстоит отыскать и его. Весь род он должен истребить, ни одного нельзя оставить в живых. И не только эти Вульфламы — все разжиревшие, презирающие народ патриции были его заклятыми врагами. Он стоял у руля своего корабля, смотрел на голову Вульвекена Вульфлама на бушприте, и сердце его билось сильнее от чувства исполненного долга. Ведь и он сам тоже был когда-то ягненком, которого любой волк мог разорвать в клочья. Свою судьбу он определил сам — борьба с несправедливостью. Кто не хотел быть раздавленным железными кулаками рыцарей и патрициев, должен был сам обладать железным кулаком. Однажды он не подал голоса против несправедливости и по сей день стыдился этого. Хозанг, купец, пренебрег своим мечом, он верил в закон и справедливость. Эта слепая вера приносит еще более роковые плоды, чем то, чему учат попы. Вера в свою собственную силу, борьба за свои права — вот основа существования.

Клаус Штёртебекер стал человеком, который хорошо понял, что жить — это значит бороться. Он вырос на море в непрерывной борьбе. Здесь было все то же, что и на суше, в городах и селениях: нужно быть сильным; чтобы жить среди волков, надо быть тигром.

Пожалуй, это и было жизненной философией Штёртебекера. Но не раз приходили ему и такие мысли, которые, под влиянием Магистра, повергали его в раздумья. Разве он не стал тоже господином, который стоял над

своими товарищами? От всякой добычи получал он как капитан корабля большую часть. Он был судьей на борту, его слово было законом. Он решал, вступить в борьбу или уходить. Конечно, он был для своих людей лучшим командиром, чем Мантойфель или Прин. На его корабле был лазарет для раненых и помещение для врача, чего не было на многих других судах. Он не терпел на своем корабле несправедливости и никому не предоставлял привилегий. Самые смелые пользовались и наибольшим авторитетом. Да, это так, и все же его положение как капитана корабля было таким же, как и положение Мантойфеля и Прина. Об этом он часто говорил с Магистром и Гёдеке, и тогда получалось, будто у всех троих нечиста совесть. Они чувствовали, что их отношения с матросами похожи на те старые, ненавистные, которые можно определить словами: «Господа и рабы». Как помочь делу? Они стремились к такой высокой степени справедливости, к такой чистоте отношений, что не могли не видеть этого зла. Должен ли кто-нибудь быть господином? Если «да», то, выходит, Вульфлам прав?

Близ Борнхольма Киндербас, который вел с марса наблюдение, вдруг заметил корабль. Тотчас же началась охота. Десять часов преследовал «Тигр» чужую коггу, до тех пор, пока она не оказалась на расстоянии оклика. Это был штральзундский корабль. Радостный крик вырвался у Клауса. Если бы здесь был второй Вульфлам! Но нет, тот ведь тоже выдворен из Штральзунда, он у датской королевы. «И зачем бы Вульффу Вульфламу возвращаться в Штральзунд?» — только и подумал Штёртебекер. Рассуждать об этом у него уже не было времени: нужно было захватывать корабль...

Когда изготовилась к бою, матросы размахивали своими топорами и мечами. Штёртебекер приказал поднять пиратский флаг. Отставшие почти на морскую милю «Рысак» и «Пенящий» приближались. Три корабля шли не друг за другом, а развернулись широким фронтом, чтобы иметь лучший обзор.

Когда моряки с неприятельской когги увидели на «Тигре» флаг Клауса Штёртебекера, на котором был изображен прыгающий тигр, они сложили оружие и отказались от сопротивления. Ведь Штёртебекер овладел

хорошо укрепленным городом Висбю, так как же может ему противостоять один, хотя бы и хорошо вооруженный, корабль? На борту штральзундской когги находилось двенадцать ратсгеров, которые возвращались после переговоров со шведским рейхсратом в Карлскруне о том, как бы сообща справиться с засильем пиратов на Балтийском море. И теперь они могли оказаться в руках страшнейшего пирата! Ратсгеры видели перед собой верную смерть и, оплакивая свою судьбу, причитали, падали на колени, молили о чуде.

Штёртебекер подошел борт к борту и без борьбы завладел коггой. Нет, Вульфлама на борту не было. Тот, как узнал Штёртебекер от просящих пощады ратсгеров, снова стал бургомистром Штральзунда. Народная партия была разогнана, а Карстен Сарнов — обезглавлен.

— И вы поддерживали Вульфлама? — напустился на ратсгеров Штёртебекер.

Те с плачем и жалобными воплями воздевали кверху руки, умоляли о сохранении жизни и обещали большой выкуп. Выкуп? Штёртебекер соображал. Обычно захваченных патрициев, не раздумывая долго, выкидывали за борт, но сейчас Клаус подумал о Герде. Брось он этих ратсгеров в море, Вульфлам выместит свою злобу на пленном Герде.

На палубе штральзундской когги находилось больше дюжины бочек с селдью. Штёртебекер посмотрел на бочки, потом на трясущихся от страха ратсгеров и ухмыльнулся в свою светло-рыжую бороду.

При опросе выяснилось, что восемнадцать матросов хотели остаться на «Тигре», остальные одиннадцать опасались ратсгеров. Штёртебекер всем обещал сохранить жизнь. И даже объявил, что сам доставит их в Штральзунд.

Моряки с «Тигра» по приказанию Штёртебекера опустошили бочки. То, что было взято у моря, теперь, в соленом виде, вернули ему. Затем ратсгеры один за другим должны были влезть в бочки. В крышках вырезали круглые отверстия и, расколов крышки пополам, снова забили ими бочки. Так, скорчившись, и сидели ратсгеры в бочках, только головы торчали наружу. Ратсгеры грустно взирали на мир. Кажется, они все еще боялись, что их вместе с бочками сбросят в море.

Штёртебекер велел выставить их на среднюю палубу и насчитал двадцать три бочки с «начинкой». Как только ратсгеры увидели Штёртебекера, они сразу обратились к нему, и предлагаемый ими выкуп все увеличивался. Но Клаусу Штёртебекеру нужен был только один выкуп — Герд.

Штральзундскую коггу, быстрый и крепкий корабль, не потопили. Киндербас стал его капитаном. Когда эта была поменьше, чем у Штёртебекера, и Киндербас назвал ее «Морская кошка». Пока он устраивался на новом корабле и набирал команду, Магистр Вигбольд пришел на корабль к Штёртебекеру. Он громко смеялся над парадом бочек и щелкал по носу то одного, то другого ратсгера, наделяя их кличками: «Рыцарь бочки», «Бочкобрюх», — и ругался, когда неприятный запах ударял в нос.

— Ведите же себя, как подобает мужчинам, и, хоть вы и на пиратском судне, не забывайте своего хорошего воспитания.

Штёртебекер попросил его к себе, потому что Вигбольд должен был составить письмо в магистрат Штральзунда. Штёртебекер хотел бочки с ратсгерами и выкуп за Герда оставить ночью в гавани Штральзунда. И если Герд все еще не на свободе, то пусть магистрат немедленно распорядится. Тем более что захваченные ратсгеры живы и невредимы.

«Пенящий», «Рысак» и «Кошка» остались в качестве охранения на рейде, а Клаус Штёртебекер без шума провёл коггу в так хорошо знакомую ему гавань. Корабль достиг мола, когда старый вахтенный, который патрулировал перед закрытыми воротами, подошел и решил осмотреть ночного гостя. Но люди Штёртебекера были проворнее, они спрыгнули на мол и в один миг повалили старика на землю. Связать его было нетрудно. Мгновенно корабль был пришвартован, и бочки с живностью покатили на берег. Ратсгеры широко раскрыли глаза, когда увидели, что Штёртебекер таким отважным способом приводил в исполнение свое обещание. И, хотя они в своих камерах-бочках изрядно повертелись и потряслись чуть не до потери сознания, они были рады-радехоньки такому исходу.

Старый ночной страж был посажен верхом на какую-то пустую бочку и привязан. Матросы сунули ему в руки

алебарду, а Клаус Штёртебекер положил перед ним письмо к магистрату города и плотно набитый мешок с тысячами любекских гульденов.

Они ушли так же тихо, как и пришли. Пленники, облегченно вздохнув, посмотрели им вслед и обратили свои страдальческие лица к небу, страстно ожидая появления луны.

Четыре пиратских корабля прибыли в гавань Висмара.

Как раз в это время в ратуше находились ратсгеры из Любека, явившиеся, чтобы в последний раз напомнить о необходимости выполнять союзнические обязательства. Они заявили о своей готовности защитить Висмар и Росток от герцога Мекленбургского, если это приведет к разрыву с ним. Преследуя только одну цель — избавиться в своих водах от пиратов, которые становились все более грозной силой, патриции были готовы даже сдать датской королеве Стокгольм, если она официально признает торговые права Ганзы.

Как только поступило известие о пиратских кораблях, заседание было тотчас прервано. Магистрат почувствовал, что нельзя заставлять капитанов ждать. Ратсгеры не поскупились на похвалы Клаусу Штёртебекеру, блестяще осуществившему захват Висбю. Они были как никогда почтительны, и Клаус Штёртебекер удивился необычному приему, который им оказали. Но Вигбольд, который лучше читал по лицам людей, стал вдвойне недоверчив. Он перехватил несколько тайком брошенных ратсгерами взглядов, заметил, что они перешептываются, и это свидетельствовало отнюдь не о симпатиях к пиратскому союзу; в глазах у некоторых из них затаились испуг и злоба.

Штёртебекер потребовал разрешения ему и другим капитанам свободно продать добычу, и тут же оно было дано. Герд Виндмакер все еще не был освобожден. Магистрат объявил о готовности немедленно послать в Штральзунд конного курьера.

— Я чувствую измену, — сказал Вигбольд, когда все трое оставили ратушу и возвращались в гавань. — Нельзя ходить без оружия, — предупредил он, — и корабли надо держать в полной готовности.

— Мне тоже показалось, что ратсгеры что-то за-

мышляют против нас, — подтвердил Гёдеке. — Все их дружелюбие — сплошное притворство.

— На них действовали наши успехи, — возразил Штёртебекер. — Они понимают, что если мы взяли Висбю, то с Висмаром нам справиться ничего не стоит. — И он гордо усмехнулся.

— Вот! Вот! — заметил Вигбольд. — Если они так думают, это и опасно!..

— Для них! — сказал Штёртебекер, все еще смеясь.

— Нет, для нас, — сухо ответил Магистр.

Три дня толкались в гавани висмарцы, раскупая добычу пиратов. Цены были вполне доступные. Бедная девушка, не спускающая глаз с какой-нибудь безделушки или даже серебряной вещицы, получала ее от моряков за один лишь ласковый взгляд. А ведь кто-то из парней дорого заплатил за эти штучки. Витальеры не были скрягами и раздавали подарки направо и налево, да им и ни к чему было это добро. Подходили матери с натруженными руками, с заплаканными глазами, рассказывали «господам пиратам» о своих голодных детях, и те же крепкие руки, что недавно без сострадания сеяли смерть, протягивались к ним с богатыми дарами.

Штёртебекер стоял на корме своего корабля и смотрел на горожан, которые теснились на молу и торговались с его парнями. Он заметил, как сквозь толпу протискивался курьер магистрата. Не спуская с него глаз, крикнул:

— Мартен, спроси курьера, кого он ищет?

— Пленник из Штральзунда прибыл.

— Герд? — крикнул Штёртебекер. — Где он?

— В ратуше, — сказал курьер.

— Черт побери, почему же он не идет сюда?

Штёртебекер нацепил меч, надел берет: он хотел достойно выглядеть перед другом, которого не видел так много лет. «Герд! Герд!» — шептал он, счастливый, как ребенок. Почти двадцать лет прошло с тех пор, как он видел его последний раз. «И я выручил его наконец из этого застенка, — радостно думал он. — Ратсгеры Штральзунда не заставляют ждать, это моя заслуга. Да, видно, они вдоволь посмеялись над своими коллегами в бочках...»

Рассуждая так, Клаус отправился в путь. Большими прыжками неся он вверх по каменной лестнице ратуши; курьер едва поспевал за ним.

Штёртебекер ворвался в зал, в котором стояло несколько ратсгеров, трусливо взглянувших на него. Предчувствие беды овладело им, когда он увидел растерянные лица. Может быть, Герда убили и доставили труп? Он выжидающе оглянулся вокруг. Вот он, долговязый, ужасно худой человек в простой, серой дерюге. Неужели Герд?.. Длинную, взъерошенную бороду и волосы, опускающиеся на плечи этого несчастного существа, серебрила седина. «Собаки, — подумал Штёртебекер, молча рассматривая друга. — Что они с ним сделали! Как он смог все это вынести!»

— Герд, — прошептал он. — Герд!..

Бедняга вздрогнул. Лицо его повернулось к Клаусу.

— Герд! — отчаянно закричал Клаус.

Он бросился к другу, обнял его за тощие плечи и взглянул на его лицо. Глаз не было. Две красные впадины уставились на Клауса. Герд был ослеплен.

— Герд, — закричал Клаус, — это я, Клаус! Ты же знаешь, твой друг со Сконе. Матрос с «Санкта Женеьевы». Я вызволил тебя. Тебя освободил.

— Клаус? — пробормотал тот.

— Да, Герд, это я, Клаус, твой друг!

— Клаус Штёртебекер? — спросил слепой.

— Да, Герд. А собак, которые над тобой надругались, я найду, хотя бы они забрались на край света.

Из кровавых глазниц Герда выкатились слезинки.

— Смотрите, вы, господа! — крикнул Клаус Штёртебекер и повернул Герда, чтобы ратсгеры могли видеть его обезображенное лицо. — Так поступают благородные патриции, купцы и ратсгеры, которые жалуются на жестокость пиратов. — И он повернулся снова к Герду. — Кто это сделал, Герд?

— Вульф Вульфлам!

— Он? — взревел Клаус. — Он? — Долго и пристально смотрел Клаус на ослепленного друга. — И когда?

— Шесть дней тому назад, когда ратсгеры в бочках были выставлены на мол.

Штёртебекер испуганно отшатнулся назад.

— И это ответ Вульфлама на то, что я подарил жизнь двенадцати ратсгерам?

— Ты знаешь, Клаус, любимое наказание Вульфлама, — внятно произнес Герд. — Разве я не говорил тебе об этом еще на Сконе?

Клаус прижал друга к своей груди, и Герд повис на его руках и зарыдал.

Войско из пяти тысяч воинов Тевтонского рыцарского ордена было в спешном порядке высажено на остров Готланд и в кровопролитной битве разбило витальеров и овладело Висбю. Немецкая Ганза способствовала этому всеми силами, а ганзейские города Висмар и Росток, по поручению которых Готланд был завоеван витальерами, постыдно изменили своим собственным союзникам, добились ослабления их могущества. При активном посредничестве ганзейских городов Любека и Гамбурга было заключено соглашение между датской королевой и герцогом Мекленбургским. Немецкое войско оставило Стокгольм. Находившийся в плену Герцог Альбрехт Мекленбургский, бывший шведский король, был освобожден. Маргарет была признана королевой Норвегии и Швеции. Бывшие враги — Дания, Швеция, Мекленбург и ганзейские города — заключили соглашение о совместных действиях против пиратов на Балтийском и Северном морях.

«Благородные» капитаны Марквард Прин, Хеннинг Мантойфель, Генрих Люхов, Арндт Штюк, рыцарь из Эппа и другие объявили союз братьев витальеров распущенным и разбрелись: часть из них с богатой добычей вернулась в свои надежные замки, чтобы жить на покое, другие двинулись на восток, чтобы на свой страх и риск продолжать заниматься пиратством.

Клаус Штёртебекер, Михель Гёдеке и Магистр Вигбольд не только не капитулировали перед превосходящим врагом, но, обороняясь, сплотились еще теснее и создали новый союз.

Еще будучи витальером, Магистр Вигбольд не уставал повторять, что неписанные законы, которые действуют на

море, действуют и на суше. Существуют господа и рабы, первые — приказывают, вторые — повинуются. Господа присваивают большую часть добычи, рабам приходится довольствоваться намного меньшей долей. «Благородные» капитаны неисчислимыми богатствами набили сундуки в своих замках. Все снова и снова говорил Магистр Вигбольд о том, что необходимо создать такой союз, который был бы основан на равноправии и справедливости. Он говорил: «Моряки должны сами выбирать капитанов и должны иметь право в любое время, когда те окажутся недостойными, снимать их. Кроме того, добыча должна распределяться поровну, потому что прежнее неравенство и было причиной измены «благородных» капитанов. Получив богатую добычу, пусть каждый сам решает свою судьбу».

Оба капитана, Штёртебекер и Гёдеке, согласились с Магистром. Они направились к товарищам, рассказали им о своих предложениях и встретили полную поддержку. Торжественно заключили три капитана новый союз. Никаких главнокомандующих, решили они, все будут как братья: бедным — друзья, богатым — враги. И они назвали себя «ликееделеры», что означает — «делящие поровну».

Герд больше всего любил сидеть на марсе «Тигра», и, хотя он ничего не мог видеть, там, высоко на мачте, его обвевал вольный ветер, который носился над морем; там, наверху, он мечтал о далеких просторах морей, представлял себе игру солнечных лучей на воде, бакланов, летающих вокруг марса, своих товарищей, которые где-то под ним бегали по палубе корабля, высушившую голову казненного Вульфлама, торчащую на бушприте когги.

Герд любил одиночество. Тринадцатилетнее заключение изменило его. Он говорил редко. Никогда не смеялся. Когда он шел ощупью по палубе судна, всегда находились руки, готовые помочь ему.

После Клауса, Герд больше всех других любил Магистра Вигбольда. Когда тот что-нибудь рассказывал ему, серое худое лицо слепого становилось спокойным и умиротворенным. Магистр был действительно кудесником, он обладал изумительной способностью расширить представления Герда о мире. О больших и могущественных городах юга рассказывал Магистр, про союзы городов, которые

значительно отличались по своему устройству от Ганзы и противостояли самым могущественным силам на земле, о ремесленниках — простых гражданах, которые управляли этими городами и добились их необыкновенного расцвета; о восстании против папского могущества в Англии, о свободных фризах, живущих в сказочно прекрасной стране — Фландрии. Все-то он знал и обо всем умел рассказать Герду ясно и понятно. Он умел хорошо ориентироваться в открытом море. Уже не нужно было все время смотреть на звезды. У Магистра была чудесная магнитная игла, плоская и очень легкая. Она плавала на воде и обладала удивительным свойством: ее острие всегда смотрело на север. Если кому-нибудь надо было определить курс корабля, он должен был обратиться к Магистру, прочитать «Отче наш», как тот говорил, и сейчас же получал точный ответ. Теперь при любой погоде, при закрытом облаками небе, уже никто не сбивался с курса. Но Магистр не сказал Герду, что магнитную стрелку изобрели в Китае и что в Европу ее доставил Марко Поло.

Магистр же сумел вызвать Герда и на разговор. В один из спокойных вечеров, когда все собрались в каюте Клауса Штёртебекера, ели жареную камбалу и пили французское вино, Герд впервые заговорил и поведал о своих ужасных переживаниях в Штральзунде. Медленно, монотонно, бесстрастно вел он рассказ. Часто замолкал. Как один из зачинщиков неудавшегося восстания горожан, которые пытались спасти Германа Хозанга и свергнуть Вульфлама, Герд был приговорен к пожизненному заключению и брошен в темницу восточной башни крепости. Три года руки и ноги у него были в оковах. Превратившись в скелет, полностью обессилев, близкий к сумасшествию, он был брошен в другую темницу, где уже находилось шесть пленников. Это было сделано потому, что слишком много стало узников и слишком мало темниц.

От своих товарищей по несчастью Герд узнал, что в городе произошли большие изменения. Оба Вульфлама были изгнаны, а старый Вульфлам — умер. Главою бюргеров стал Карстен Сарнов. Герд даже вскрикнул тогда от радости, ведь Сарнов, как думал Герд, был приверженцем Хозанга и врагом Вульфламов. Он-то уж несомненно освободит из заточения сторонников Хозанга.

Но ни о каком освобождении не было и речи. Товарищи по заточению посмеялись над ним и сказали, что Карстен Сарнов не кто иной, как ставленник Вульфлама. Им было известно, что Карстен Сарнов во время народного восстания против тирании Вульфламов спрятал находящегося в городе Вульфа Вульфлама и помог ему бежать. Одного из горожан, который был посвящен в этот план, замучила совесть, он все рассказал и тоже был брошен в подземелье, но уже Сарновым.

Герд узнал также, почему его из одиночного заключения перевели сюда. Одна из военных когг города захватила судно витальеров, забрав при этом девяносто шесть пленных. Их заковали в цепи и разместили по разным башням города. Кормили их так, чтобы они медленно умирали с голода. И вот недавно умер в ужасных муках последний из девяноста шести. И к такому наказанию их приговорил Сарнов.

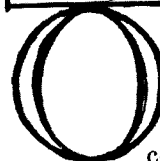
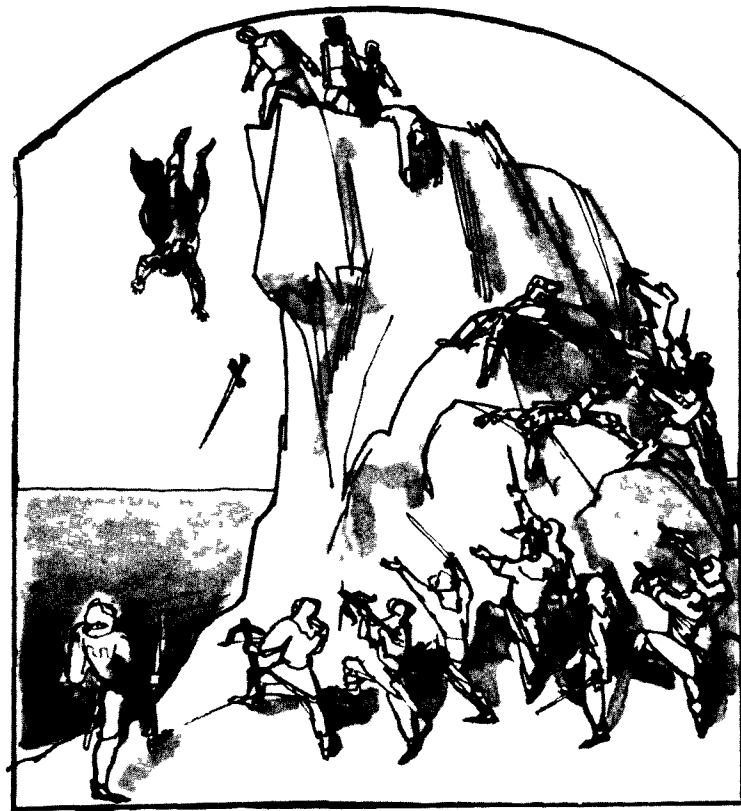
В прошлом году тайные агенты Вульфлама подбили народ, недовольный жестоким правлением Сарнова, на восстание. Горожане, все, кто только мог носить оружие, проникли в ратушу, схватили Карстена Сарнова, а вместе с ним и других ратсгеров. А на следующий день Вульф Вульфлам появился в городе и снова стал его господином. Он произнес перед горожанами льстивую речь, всю вину свалил на Карстена Сарнова и впервые предложил им свободно изъять свою волю, выдав на их суд Сарнова. Карстена Сарнова вывели на торговую площадь, на то самое место, где Вульфламы четвертовали Германа Хозанга, и обезглавили. Вульфламу было чуждо чувство благодарности, в его руках люди были только средством достижения цели. Карстен Сарнов стал ему больше не нужен и потому должен был исчезнуть.

Через несколько дней Герд узнал, что его выпустят на свободу, так как кто-то внес за него выкуп в тысячу любекских гульденов. Герд ломал себе голову, кто же он, этот сказочно богатый человек — его избавитель?

— Но прошло еще много дней, пока однажды палач вывел меня из темницы, — рассказывал Герд. — «Что, поступил выкуп?» — спросил я. — Палач рассмеялся. Я был так слаб, что от радости упал на землю и заплакал. Палачу пришлось меня вынести. Но вместо освобождения меня затащили в подвал башни, в камеру пыток. Когда я это с ужасом понял, я спросил: «Разве меня не осво-

бодят?» — «Конечно», — ответил кто-то. Тут я и увидел, что, опершись о стену, меня молча рассматривает Вульф Вульфлам. Я окончательно пришел в себя и, подойдя к нему, спросил, поступил ли выкуп и когда я буду свободен. Он ответил, что через несколько часов я буду свободен. Но тут же добавил, что для моего освобождения выслана не только тысяча золотых гульденов, но и еще двенадцать пленных ратсгеров, над которыми вдоволь надсмеялись. И что теперь мой покровитель и друг должен получить на это ответ. Но так как еще не всё готово, то мне придется несколько подождать.

И он сказал правду, через несколько часов я был свободен, — закончил Герд.

МОРСКОЕ БРАТСТВО

сенью 1397 года по датскому проливу Зунд шло десять морских судов. Клаус Штёртебекер, Михель Гёдеке и Магистр Вигбольд направлялись в норвежский ганзейский город Берген. Город этот враждебно относился к ликедеелерам и, несмотря на их предупреждение, укрыл в своих стенах фогта Вульфа Вульфлама.

Уже многие годы бороздил Штёртебекер воды Балтийского моря. Много судов было разграблено, еще больше патрициев, подобных Вульфламам, были брошены на корм рыбам, но Вульф Вульфлам, последний из ненавистного рода, все никак ему не попадался.

От одного пленного ратсгера Штёртебекер узнал, что Вульф Вульфлам находится в немецкой конторе Бергена.

Корабли ликедеелеров ожидали штормовой погоды, чтобы пройти Зунд, не попав под огонь датских военных когг, — и вот разразилась страшная буря. Темные тучи низко неслись над морем, низвергая потоки дождя, и с одного корабля не было видно другого. Под рев стихии пиратские корабли миновали Копенгаген, с трудом одолели Каттегат и вырвались в Скагеррак.

Штормовой ветер, завывая, с чудовищной силой обрушивался на высокие борта. Огромные волны набрасывались на них, вздымали когги на свои гребни и бросали в клокочущую пучину моря. Временами когги были совсем под водой, и над поверхностью оставались только мачты и палубные надстройки — нос и корма. Ни лоскутка паруса — иначе ветер сразу же сломал бы мачты. Матросы, находящиеся на палубе, привязались, чтобы их не смыло за борт. И Клаус Штёртебекер, который в такую непогоду никому не хотел доверить руль, был привязан канатом толщиной в руку к румпелю. Когда скрипела и стонала под ударами волн. Слово скорлупка, плясала она на огромных валах. Обшивка трещала, когда штормовой ветер бросал судно с борта на борт, швырял его так, точно хотел разломать на тысячи кусков.

В какое-то мгновение Штёртебекер испугался, что и судно и команда погибнут: и это в канун его мести! Вульф Вульфлам должен пасть от его меча, тогда, и только тогда буря может отправлять его на дно моря, тогда, и только тогда он готов умереть смертью моряка. Но сейчас... этого не должно случиться! Это бы означало победу несправедливости и насилия. Он впал в отчаяние, когда почувствовал, что корабль не слушается руля. Совсем рядом гигантская волна подбросила «Пенящего» так высоко, что, казалось, его мачты касаются темных, готовых разразиться дождем облаков. Затем когга словно провалилась в пропасть под самым носом у «Тигра». На миг Клаус Штёртебекер увидел капитана Михеля Гёдеке, привязанного к своему румпелю, тот, приветствуя его, махал рукой и, видимо, что-то кричал и смеялся, длинные мокрые волосы прилипли к его лицу.

И тогда Штёртебекер поднял руки и закричал свое: — Ахой!.. — и тоже дико расхохотался.

«Мы пройдем!» — означал этот смех. «Мы не сда-

димся! Мы не откажемся от нашей мести. Мы дойдем до Бергена, мы схватим Вульфа Вульфлама, мы исполним свой долг. Мы еще не одного наглого патриция наколем на меч, как бы ни бесновалось море...»

Потом сам Штёртебекер оказался в пучине. Повиснув на канате, он осмотрелся и ничего, кроме серой массы воды, вокруг не увидел, и только на гребне волны, словно хрупкая игрушка, мелькнула когга Гёдеке. И снова море вздыбилось, подбросило его, а в следующее мгновение «Тигр» летел в пучину с головокружительной высоты.

Где же Михель Гёдеке? Где его смеющееся дерзкое лицо? Где его «Пенящий», этот неуязвимый корабль? Почему Штёртебекера не интересует, где «Рысак» Вигбольда? Где носится «Кошка», которой правит Киндербас? Где остальные шесть когг? Мысли Клауса Штёртебекера только о корабле Гёдеке: никто так ловко и уверенно не может бороться с коварством Скагеррака. И Клаусу был просто необходим ликующий, вызывающий смех Гёдеке — лучшего из всех мореходов.

Погружается «Тигр» в водяную пропасть, над ним, на гребне другой волны, возникает «Пенящий». Так и шли они — то проваливаясь, от взлета, то вверх, то вниз, а кругом — кипящий водоворот, свист и завывание штормового ветра под темной крышей грозных черных туч...

«Грохочи, реви буря, оглушай! Бушуйте волны!.. Разверзайтесь тучи!.. Пусть сольются вода и небо... Пусть наши корабли бросает то в преисподнюю, то в небеса!! Мы пробьемся! Мы пройдем!.. Мы будем в Норвегии!.. Будем!.. Мы придем!.. Ахой, «Пенящий море»!.. Ахой, «Морской тигр»!.. Ахой, «Морской рысак»!.. Ахой, «Морская кошка»!.. На Берген!.. Пройдем Скагеррак!»

Простормовав шесть дней в Скагерраке, когги ликедеелеров достигли Бергена. Их было только девять. Одна когга потерялась или погибла. Море было спокойно и приветливо, как будто бы оно никогда и не бушевало. Ласковое солнце сияло на небе, как будто бы и знать не знало о тучах и ливнях. Скалистое побережье Южной Норвегии изрезано глубоко вдающимися в сушу заливами, называемыми фиордами. К одному из таких фиордов на-

правились корабли Штёртебекера. В глубине его, словно венец, был отчетливо виден город Берген.

Прежде чем напасть на Берген, пираты собрались на последний совет. Магистр заговорил о том, что город нужно сохранить, но Клаус Штёртебекер не хотел и слышать об этом. Здесь находилась одна из богатейших контор Ганзы, а этот союз был их врагом: города Ганзы сделали Вульфлама своим доверенным лицом, морскому братству ликедеелеров они объявили беспощадную войну. Города Ганзы были повинны в том, что Карстен Сарнов морил голодом в Штральзунде пленных витальеров.

Патриции ганзейских городов только прятались за спину Вульфлама: он был плоть от плоти их, и все они были подобны ему. Борьба против Вульфлама была борьбой против ганзейских патрициев, возглавляемых им.

— Берген должен быть разрушен! — сказал Клаус Штёртебекер. — Добыча будет богатой, но я отказываюсь от своей доли, мне нужен только Вульф Вульфлам. Пусть этот изверг встанет на колени перед Гердом, целует его ноги и просит о милости. И мы высечем его, как сек он невинных, переломаем ему кости! Голове этого зверя место на бушприте «Морского тигра» рядом с головой его брата.

На следующий день рано утром пиратские суда вошли в глубь фиорда. В короткой схватке они потопили три когги и два сторожевых судна, пытавшихся преградить им путь. Пираты высадились за королевской твердыней Бергенхус, у Тискебригген — Немецкого моста, с налета сломили сопротивление торговцев и их слуг, и понеслись по узким извилистым переулкам гавани, сея смерть и пожары.

Тут до Клауса Штёртебекера дошел слух, что Вульф Вульфлам находится в Бергенхусе, в королевском замке. С небольшой группой моряков с «Тигра» Штёртебекер бросился к расположенному у входа в фиорд замку. Отряд латников, превосходящий пиратов и числом и вооружением, выступил им навстречу. Штёртебекер так стремительно ринулся на них, что они заколебались и стали отступать под решительным натиском. В завязавшейся схватке латники не успели поднять мост и запереть ворота, борьба разгорелась внутри замка...

— Вульф Вульфлам!... Мерзавец!... Убийца!...

Изверг!... Отвечай за свои дела!... Выходи на честный поединок!... Не прячься, как трусливая баба!... Вульф Вульфлам!... Вульф Вульфлам! — кричал Клаус Штёртебекер, перебегая из одного зала в другой.

Остатки ганзейских латников были выбиты из тронного зала. На стенах крепости и на крутых утесах еще продолжались последние схватки.

Далеко внизу плескалось море. Среди десятка наиболее отважных латников был и Вульф Вульфлам. Он хорошо знал, кто его преследует, и решил не сдаваться живым своему врагу. Его слугам придется оставить замок; с храбростью отчаяния они будут обороняться на мощном утесе, который трудно взять, но легко зацитить.

Пираты установили арбалеты у подножия утеса и стреляли по ганзейским латникам, засевшим на его вершине: на открытой площадке они были хорошей мишенью.

Появился Клаус Штёртебекер.

— Вульфлам! Где прячется Вульфлам? — закричал он, пробегая через дворик замка, и тут увидел схватку на утесе и своего врага.

Тотчас же Штёртебекер приказал своим прекратить стрельбу. Уже только четверо латников и Вульфлам оставались на вершине утеса.

Штёртебекер крикнул латникам, что гарантирует им жизнь и свободу, если они выдадут живым Вульфу Вульфлама.

Бывший бургомистр и хозяин города Штральзунда, почти шестидесятилетний богатырь мрачно взглянул на своего недруга. Он знал, что тот многие годы ищет встречи с ним и искал его на каждом захваченном корабле; он знал, что это его смертельный враг и что его ждет судьба его брата Вульвекена. Спасения не было. Смерть! Так умирай, последний отпрыск Вульфламов, умирай, как мужчина! Вульф Вульфлам посмотрел на четырех латников, которые, отойдя от него, о чем-то шептались.

Один из них повернулся к Вульфламу и просительно произнес:

— Господин, нас четверо... И если мы...

Больше он сказать ничего не успел. Вульфлам сразил его страшным ударом меча. Остальные трое кинулись на него. Он отразил несколько ударов, но вдруг отбросил меч, подбежал к краю утеса и бросился в море.

Клаус Штёртебекер, затаив дыхание, смотрел на про-

исходящее и, не успев вмешаться, закричал от ярости и негодования — последний Вульфлам ушел от его мести, сам ушел в небытие.

В безумной ярости он ревел, что нужно поджечь город со всех четырех сторон, не оставить ни одного дома, носился с обнаженным мечом по улицам и крушил все, что попадалось ему на пути.

В борьбе за Берген был тяжело ранен Киндербас. Стрелой из арбалета ему пробило колено. На улицах города все еще продолжалась борьба, а он лежал в своей каюте, скрипя зубами от невыносимой боли. Если бы он только мог подняться, то выполз бы на палубу корабля и бросился бы за борт; он чувствовал, что нога потеряна, а без нее он уже не сможет командовать коггой, быть же обузой для товарищей он не хотел.

Два дня и две ночи мучался Киндербас от страшной боли. Как только Штёртебекер узнал о ранении друга, он приказал доставить его на «Тигр». Там была хорошо известная всему флоту операционная и ученый врач по имени Колле Адамс, который с исключительным искусством владел ножом.

Колле Адамс становился врачом только после боя, во время сражения он, как и все, действовал тесаком. То, что Штёртебекер держал на борту врача, было не совсем обычно, потому что тяжелораненых пиратов сбрасывали в море, если они сами не могли выбраться за борт. На «Тигре» же теперь лечили всех раненых, кроме врагов.

Киндербаса внесли в низкое помещение. Воздух тут был затхлый и спертый. На стенах, как и в крюйт-камере, висело различного рода «оружие»: ножи, топоры и пилы. На небольшой деревянной подставке стоял какой-то ушат, рядом лежали куски льняной ткани. В углу стояла жаровня. Больше в помещении не было ничего, кроме деревянных нар, на которых лежал больной. После боя доктору Колле Адамсу частенько находилась работа. А он занимался только наиболее тяжелыми случаями: производил ампутации, глубокие раны очищал прижиганием. Делал он это с удивительной ловкостью и пользовался у благодарных матросов величайшим уважением.

Состояние Киндербаса было не тяжелее, чем у дюжи-

ны других моряков. Нога была потеряна, и ее предстояло ампутировать, рана уже начинала гноиться. Доктор Адамс подвязал кожаный фартук и точил нож. При этом он шутил с Киндербасом, который следил за его приготовлениями, называл его будущим Хромоногим капитаном, утешал его тем, что, по крайней мере, одну-то ногу он ему оставит. Доктор был так спокоен, что и Киндербас немного приободрился, несмотря на свое отчаяние.

Во время операции он не терял сознания. Ногу ему отняли выше колена, и скоро он впал в глубокое забытие, от которого очнулся только, когда, уже перевязанный, лежал в своей каюте.

Штёртебекер навестил его, когда тот немного набрался сил.

— Ну, Клаус, теперь я поправлюсь, и мне придется уйти с корабля, не правда ли? — спросил Киндербас. — Одноногий моряки нам ни к чему. Я отправлюсь в Гамбург или Бремен и стану разведчиком, хорошо? Ты разрешишь мне?

— Киндербас! — возразил Клаус Штёртебекер. — Ты останешься с нами. Нам нельзя лишаться такого капитана, как ты.

— С одной ногой, Клаус!

— Я знал рулевого, у которого тоже была одна нога. «Одноногий рулевой» — называли мы его. У него была деревянная нога, и при этом он твердо стоял у руля, как и всякий другой рулевой, потому что он сделал в палубе дыру как раз такого размера, чтобы в нее входила его деревянная нога. Как вросший стоял он у руля, никакой ветер, никакая непогода не могли его сдвинуть с места.

Киндербас искал руку друга.

— Клаус! — прошептал он. — Спасибо тебе. Я буду таким же Одноногим рулевым.

— Нет, капитаном Деревянная нога! — смеясь сказал Штёртебекер, нагнулся и обнял его. — Киндербас, старина, ты верный друг, ты получил новое имя. Киндербас тебе давно не подходит. Отныне ты капитан Деревянная нога.

Разгромив Берген, ликедеелеры на четырнадцати кораблях двинулись в Северное море, чтобы вести там каперство против ганзейцев, идущих в Англию. Настроение на

кораблях было радостное. Добыча была богатой: корабельные помещения были заполнены всевозможными ценностями. Каждый день для моряков был праздником; они угощались, пили и лихо распевали свою песню:

С волков овечьи шкуры снять,
Из тайных теплых мест изгнать...

Клаус Штёртебекер не принимал участия в этих бесконечных праздниках. За последнее время он очень постарел. Его все еще пышные светлые волосы заметно поседели. Вокруг глаз и рта залегли морщины, и взгляд его был мрачен и задумчив. Конечно, он мог считать себя победителем. То, чего он хотел добиться, было достигнуто: Вульфламы были уничтожены, Хозанг, Свен, Герд и восемь олдерменов — отомщены.

И все же он не был удовлетворен. С патрициями из рода Вульфламов было покончено, но в городах господствовали другие вульфламы, они хозяйничали так же, как и те, и так же притесняли горожан. «Может быть, мое место среди ремесленников и плебеев, которые борются за демократические свободы, за свои права? — мучительно размышлял Штёртебекер. — А я оказался в стороне, словно отверженный; в одиночку борюсь с целым миром на свой страх и риск, хотя повсюду есть союзники против общих врагов». Такие мысли чуть теплились в глубине, они еще не приобрели четкости, были не вполне ясны. И он страдал, не находя выхода.

Когда он думал, как бы помочь бедным и нищим, как бы помочь горожанам в борьбе, он вспоминал о Германе Хозанге, который выступал вместе с народом. И невольно тут же вспоминал лживого и трусливого «представителя народа» Карстена Сарнова... Одно за другим наплывали воспоминания... Он видел себя идущим по рынку в Висмаре, видел народ, крестьян и горожан, «ученого доктора» Ангеликуса, который оказался шарлатаном и мошенником; смерть на костре странствующего торговца Йозефуса, который считал всех людей злыми и глупыми.

Клаус Штёртебекер смотрел с кормы «Тигра» на флот, который он вел. На его кораблях не было господ и рабов, бедных и богатых, все имели равные права,

равную долю в добыче, при равном участии в бою, но и обязанности всех были равны. Витальеры были наемники, ликедеелеры — свободные моряки; один стоял за всех и все за одного.

Штёртебекер добился, чтобы каждый изувеченный в честном бою моряк как достойный сотоварищ был списан на берег достаточно обеспеченным. Очень часто такие искалеченные пираты, оказавшись в городах, становились хорошими разведчиками ликедеелеров.

Пираты-ликееделеры превратились в одно большое морское братство, связанное клятвой на жизнь и на смерть; братство, открыто выступающее против римского папства, объявившего их вне закона; братство, которое борется с богачами и защищает бедняков. Когда они брали корабль на abordаж, они бросались в схватку с кличем: «Богатым — враг, бедным — друг!»

После многих месяцев успешного каперства у берегов Шотландии, близ Темзы и Шельды, ликедеелеры нашли убежище у фризского побережья, где было много островов, за которыми можно укрыться от непогоды и привести в порядок свои корабли.

Здесь они встретили дружеский прием. Фризский фюрст — Кено тен Брок, враждующий с ганзейским городом Бременом, особенно радушно, как желанных союзников, принял ликедеелеров. И пастор Хиско из Эмдена, заклятый враг Ганзы, отнесся к ликедеелерам по-дружески. Кено тен Брок предоставил им гавань и церковь Мариенхав; ликедеелеры превратили ее в крепость, в свой опорный пункт. Крепость Мариенхав была расположена на берегу хорошо защищенной бухты, где даже в очень плохую погоду могло укрыться и стать на якорь много кораблей. С суши бухта была хорошо защищена высокими стенами, окруженными широким непреодолимым рвом, который быстро заполнялся морской водой.

Крепость Мариенхав стала их надежной якорной стоянкой. Эмден — рынком для продажи добычи, а Северное море — местом охоты. Ликедеелеры чувствовали себя хозяевами моря, и отсюда время от времени они совершали отважные каперские набеги, поднимались вверх по течению Эльбы и Везера, появлялись со своими когтами у входов в гавани Гамбурга и Бремена. Это были годы смелого и успешного каперства ликедеелеров, и па-

триции в гаванях Северного моря несли неисчислимые убытки. Всякая торговля с Англией вследствие этого была сопряжена с огромным риском.

Но и самые доблестные каперские походы не могли отвлечь Штёртебекера от замыслов, которые он бережно хранил в глубине души: Штёртебекер был не только хозяином на море, он сделал первый шаг и на суше, на фризском побережье.

Вместе с Кено тен Броком и пастором Хиско из Эмдена мечтал он о свободных городах. С его помощью горожане Бремена и Гамбурга, Стаде и Вердена должны были свергнуть ненавистное правление патрициев. Таким видел он воплощение своей мечты, такую цель ставил он перед собой.

Клаус Штёртебекер хотел укрепить свои союзнические связи с фризским фюрстом; он надеялся достичь этого, став его зятем. Пятидесятилетний Штёртебекер, которого жизнь не баловала женской лаской, посватал дочь тен Брока, стройную, светловолосую и ясноглазую Хельгу. Он делал ей королевские подарки, но в роли влюбленного был до такой степени неуклюж и становился в ее присутствии таким смущенным и беспомощным, что девушка сначала смеялась над ним, однако скоро не на шутку влюбилась в знаменитого и бесстрашного героя моря.

Фризский фюрст, разумеется, желал бы своей дочери не такого жениха, однако, после того как Хельга дала Штёртебекеру слово, противиться не стал. «Тигр» теперь чаще, чем другие корабли, стоял в бухте Мариенхав, а Михелю Гёдеке и Магистру Вигбольду приходилось одним уходить за добычей. Клаус Штёртебекер с удовольствием сидел в зале у тен Брока и рассказывал Хельге о том, как унесла «черная смерть» тысячи людей в Висмаре, о старом Йозефусе, о Свене и Герде, о Хозанге и волчьем роде Вульфламов, о далеком Новгороде, о боях за Висбю и Берген.

Он понимал, что в жизни его появился новый смысл и другая цель; что годы шумных безумств миновали и время исполнения его замыслов наступило. Ах, дело не только в мести и истреблении Вульфламов, речь о большем, о гораздо более важном...

...Осенью 1399 года отпраздновал Клаус Штёртебекер свою свадьбу с Хельгой тен Брок. В гостях у него были не только моряки ликедеелеры, но и горожане Эмдена, рыбаки побережья, крестьяне Фрисландии. Более тысячи мужчин и женщин участвовали в этом празднике. Крепость Мариенхав была празднично украшена. Пиратские корабли ярко расцвелились флагами. Вокруг стен крепости раскинули большие шатры и на огромных кострах жарили быков и баранов. Гостей потчевали отборными винами и пивом, подавали им изысканные заморские блюда, фрукты — добычу, захваченную на судах патрициев. Играла музыка. Люди танцевали. Шуты потешали толпу. Штёртебекер и его супруга, фризский фюрст, капитаны, Деревянная нога и Герд, старейшие и храбрейшие друзья жениха пировали за большим столом в зале. Пили, оживленно разговаривали, пели — и всем было весело. Штёртебекер поднес ко рту подаренный Кено тен Броком серебряный кубок вместимостью пять литров и под громкое одобрение гостей воздал должное своему имени.

По обычаю того времени не один день и не одну ночь продолжался праздник. Вокруг замка на лестницах и в залах громко храпели те, кто выпил и съел больше, чем нужно.

И только Деревянная нога и несколько надежных друзей не опрокинули в эти дни ни кубка: они несли вахту. Не исключено было, что враги воспользуются случаем, и, пока пираты пьют и веселятся, подкрадутся и нападут на них. Однако никто из врагов не отважился на это. Пираты и их гости из города и деревни могли спокойно праздновать свадьбу. Это было такое празднество, каких никогда не устраивал ни один фюрст, и еще

многие годы во Фрисландии говорили о свадьбе в Мариенхаве, на которой в гостях была вся округа.

И, говорят, единственное, что омрачило праздник, — это ссора между предводителями ликедеелеров. Магистр Вигбольд под влиянием выпитого открыто выступил против Штёртебекера и не только насмеялся над ним, но и заявил, что ремесленники — те, на кого он рассчитывает, ничем не лучше патрициев.

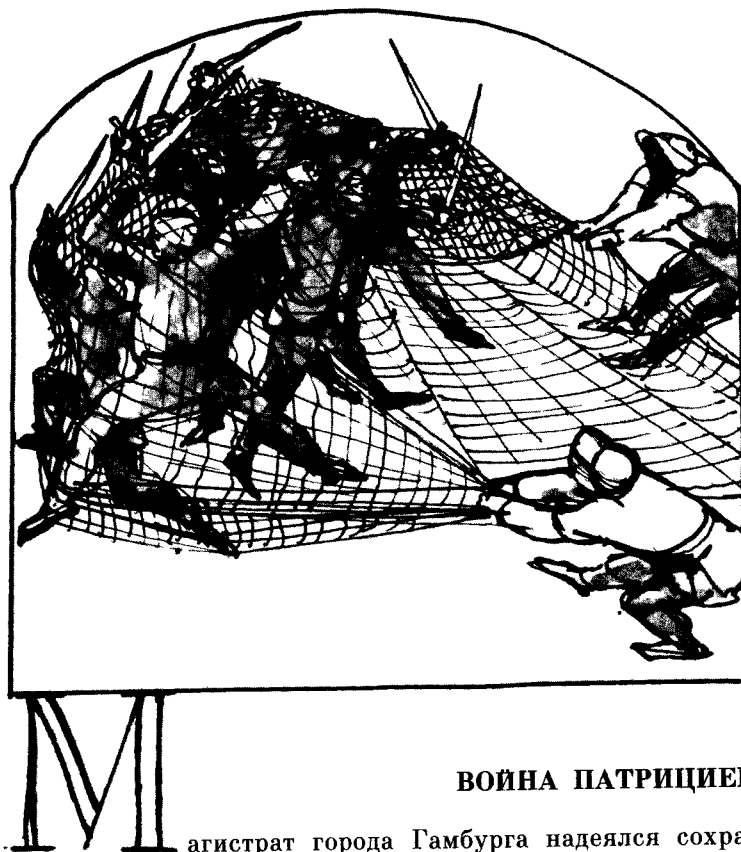
— Всему миру враг! — кричал он.

Штёртебекер запальчиво отвечал:

— ...Бедным друг!..

— Бедные?... Бедные?... Бедных поищи в другом месте! — возмущался Вигбольд.

Говорят, это едва не привело к поединку. Михель Гёдеке бросился между ними и сумел помирить их. Но это перемирие было непрочным. На самом деле между предводителями полного согласия уже не было. Разногласия были началом разлада, а затем и поражения ликедеелеров.

ВОЙНА ПАТРИЦИЕВ

Магистрат города Гамбурга надеялся сохранить втайне намеченные с пиратами переговоры, однако, когда ганзейские когги с представителями пиратов вошли в гавань, с корабля на корабль, от дома к дому, по всему городу с необыкновенной быстротой разнеслось: «Прибыли ликедеелеры! Ликедеелеры!..» Улицы от гавани до ратуши наполнились народом, суконщики и мясники закрывали свои лавки и спешили на ратушную площадь; моряки покидали суда и бежали в гавань, уличные мальчишки карабкались по деревьям на стены, весь город был в лихорадочном возбуждении: все хотели увидеть знаменитых и грозных пиратов. Когда процессия, возглавляемая конными, двигалась по узким улицам гавани, ее приветствовали восторженными криками

так, как обычно приветствуют только почетных гостей города.

Во главе представителей пиратов был Клаус Штёртебекер. Решительно шагал он в своих сверкающих чешуйчатых латах, в парадном кольчужном наголовье, с широким мечом на боку. Это был могучий, уверенный в себе великан, силач. Да разве он не имел права на самые высокие почести? Князья рождались на свет уже облеченными властью, им уже было уготовано высокое положение и богатство; он же — свободный предводитель моряков — только благодаря самому себе стал господином, хозяином моря, которого боялись князья и патриции. То, что магистрат крупного ганзейского города ведет с ним переговоры на равных, было его триумфом. Они добивались этих переговоров, не он. И он ничуть не опасался какого-нибудь коварства, ведь они предложили на время его пребывания в городе послать на корабль в качестве заложников трех ратсгеров. Громко расхохотавшись, Штёртебекер отклонил предложение и объяснил посланникам магистрата, что, если их попробуют оскорбить, его люди разнесут город в пух и прах. И вот он здесь.

Его корабли стоят на Эльбе у Стаде.

Среди ратсгеров царило не меньшее волнение, чем среди горожан на улицах. Старый Ирм Прис, владелец трех когг, настоятельно советовал еще раз помириться с пиратами, умиротворить их, чего бы это ни стоило, и ни в коем случае не затевать с ними ссор. Своим дребезжащим старческим голосом он увещевал магистрата:

— Легко поднять на мачту флаг войны, но тяжело его с честью снова спустить.

— Нет, вы только послушайте старого болтуна, — рассерженно кричал ратсгер Христиан Дейк. — Он боится только за свои когги! Хочет вступить с пиратами в сделку! Вот он каков!

Ратсгер Христиан Дейк был владельцем одной когги, которая ходила только по охраняемым Любеком балтийским гаваням, но, кроме того, и это было для него самое главное, он владел корабельной верфью в Грасбруке, и у него как раз строилась когга для города, а он хотел, чтобы это был орлог, потому что он принес бы ему больший доход. Вот почему он и был против Ирма Приса, против соглашения с ликедеелерами и, якобы защищая интересы города, был очень воинственно настроен.

Бургомистр Маттиас Краман, грузный, полный человек, бывший судовладелец, — он передал управление своими торговыми делами сыну, — молча слушал эту словесную перепалку. План его действий был давно готов, но старый советник не торопился его объявить. Для того чтобы перехитрить пиратов, приходилось и многих ратсгеров держать в неведении. Бургомистр и члены Совета старейшин решили заключить с пиратами союз и в то же время почти готовый корабль превратить в орлог, вооружив его пушками как ни одно другое судно. Старый советник тайно послал в Нидерланды специального курьера подыскать опытного и отважного капитана для этого корабля, который был бы верен городу и не перешел бы в бою на сторону пиратов. Бургомистр Маттиас Краман сохранял невозмутимое спокойствие и предоставил ратсгерам спорить и горячиться, сколько душе угодно, и не защищал позиций ни той, ни другой стороны.

Когда Штёртебекер вошел в зал ратуши, тотчас же смолкли разговоры, и все взгляды обратились на статного, по-военному подтянутого предводителя пиратов. Некото-

рые из почтенных ратсгеров невольно подумали, что видят перед собой одного из ставших почти легендарными вождей викингов. Высокая фигура, голубые глаза под светлыми бровями, светлая борода, упрямое властное лицо — ни один из знатных голштинцев или лауэнбуржцев не мог бы держаться столь царственно.

Штёртебекеру указали почетное место рядом с бургомистром. Он уселся, положил меч на колени, а его сопровождающие, настоящие исполины, молча стали позади своего предводителя.

— Ну, уважаемые ратсгеры, что вы хотите мне сказать?

Бургомистр Краман поднялся; поблагодарил за прибытие и изложил предложения города: союз, защита гамбургских кораблей в водах Северного моря, открытый рынок для кораблей Штёртебекера в Куксхавене и Стаде.

Пока бургомистр бесстрастно излагал эти предложения, внимательно слушающий его Штёртебекер размышлял: как это патриции снизошли до таких условий? Нет ли в городе разногласий между ремесленниками и магистратом? Может быть, есть? Горожане ведь так радостно его приветствовали... Не думает ли магистрат, что пираты помогут им справиться с ремесленниками и упрочить свое господство? Так оно и есть, и Штёртебекер втихомолку посмеялся над осторожным, недоверчивым Вигбольдом и решил использовать этот удобный случай, чтобы помочь своим товарищам — ремесленникам города. Когда бургомистр закончил, Штёртебекер вошел в круг ратсгеров и заговорил, опираясь на свой меч:

— Если, уважаемые господа, я должен заключить с вами союз, от чего я не отказываюсь, то я бы хотел видеть в магистрате представителей и ремесленников.

Некоторые ратсгеры шумно запротестовали, Христиан Дейк кричал:

— Неужели мы допустим вмешательство в наши собственные дела?

Ирм Прис неодобрительно затряс головой. Однако бургомистр Маттиас Краман к величайшему удивлению многих ратсгеров ответил, что переговорит с представителями ремесленников, это не должно нарушить доброго согласия с ликедеелерами.

— Но у меня должны быть развязаны руки! Я воюю против ганзейского города Бремена, — крикнул Штёрте-

бекер, разозлившись. — Бремен враждует с Кено тен Бромком. А это мой друг и союзник.

Ратсгеры испуганно уставились на своего бургомистра, который и при этом выпаде против союзника оставался совершенно спокойным.

— Мы не имеем обязательств перед городом Бременом, — ответил он. — Мы не враждуем и с фризским фюрстом. Мы хотим мира и мирной торговли.

Штёртебекер рассмеялся; он был доволен. Бургомистр и Совет старейшин — тоже. Но остальные ратсгеры были озадачены и молчали, чтобы не выдать в присутствии пиратов своих мыслей.

Ложь, обман, предательство, подлость были орудием и князей, и церковников, и купцов; и ничего нового не было в том, что задумали гамбургские патриции. В то время как гамбургские ратсгеры вели переговоры с ненавистным и страшным для них главарем пиратов, представители магистрата находились в Бремене и Любеке, склоняя эти города к тайному союзу против пиратов. А курьер бургомистра Маттиаса Крамана нанимал в Нидерландах на службу прославленного в тех краях капитана Симона ван Утрехта командиром орлога города Гамбурга. Другой посланец гамбургского магистрата пребывал в Нюрнберге и готовился сопровождать транспорт с заказанными у знаменитого оружейного мастера Иоганна Прассельберга пушками для нового орлога.

Когда Клаус Штёртебекер вернулся в Мариенхав, капитаны ликедеелеров приветствовали его весьма сдержанно.

— Ну, Клаус, что говорят твои новые друзья — ратсгеры? — спросил Михель Гёдеке.

Штёртебекер усмехнулся на эту шутку, отстегнул с пояса меч и бросил его на меховое ложе.

— Они так мало значат!

— Ты заблуждаешься, — бросил ему Магистр. — Они много значат!

Штёртебекер не обратил внимания на замечание Магистра и продолжал:

— Горожане восторженно приветствовали меня, и ма-

гистрат обещал ввести ремесленников в свой состав, как пожелал я.

Магистр грустно улыбнулся:

— И воткнул тебе нож в спину. Вопреки твоему желанию.

— То, что я не верю ни одному их слову, само собой разумеется, — вспыхнул Штёртебекер.

— Смотри-ка! Это уже шаг вперед! — заметил с издевкой Магистр.

— Я буду за ними следить, — кричал Штёртебекер. — Ты думаешь, я такой простофиля, чтобы верить мерзавцам из породы Вульфлама!.. Все же бургомистр Краман понятливый человек... Что касается остального — мои шпионы в их стенах: я обо всем буду знать. Обманет магистрат — город разделит участь Бергена.

Магистр громко расхохотался.

— Ха-ха-ха!.. Если они тебя обманут... Итак, ты еще сомневаешься и веришь их красивым словам... Пойми же наконец, они обманывают тебя по всем статьям!

— Подождем, — спокойно ответил Штёртебекер, схватил кружку, которую ему подали, и поднес к губам.

— Если жители города насядут на них, им придется, конечно, уступить, — произнес Михель Гёдеке.

— Если! — воскликнул Магистр. — Это «если» — весьма сомнительная вещь!

Штёртебекер поставил кружку, вытер бороду и заявил по-товарищески, но все же достаточно властно:

— Итак, оставим это: ни одного гамбургского корабля не трогать, я должен сдержать данное мною слово! Но ни одного бременского корабля не упускать... И если уж будет надо, я пойду вверх по Везеру и выкурю их из гавани.

Вскоре после переговоров Штёртебекера с магистратом города Гамбурга к стенам города приблизился надежно охраняемый караван. Более ста всадников сопровождали его. Повозки остановились на берегу Эльбы у Блаакена, прямо у городских стен, и ждали. Тем временем конный курьер поспешил в город, и вскоре отряд всадников из города присоединился к каравану. Глубокой ночью длинная вереница повозок тронулась с места, достигла восточных ворот и потянулась по узким улицам в гавань. Горожане, оказавшиеся на пути обоза,

были разогнаны городскими стражниками, идущими впереди колонны.

В гавани, когда городские стражники подошли к дому цеха моряков, никто не заметил, что в нише стены притаился какой-то матрос. Из своего убежища он наблюдал за этим таинственным ночным караваном, а затем осторожно, на значительном расстоянии, последовал за повозками и всадниками. Они поехали по мосту через Эльбу на остров Грасбрук. Моряк крался за ними. Это становилось опасным: теперь уже не было спасительной тени домов и поворотов улиц; сооружения гавани располагались свободно, и местность хорошо просматривалась, кроме того, на кораблях, стоящих у пирса, не дремала ночная вахта.

Повозки остановились у верфи Дейка. Всадники оцепили со всех сторон верфь, и стали немедленно сгружать кладь. Ночной разведчик присел за опрокинутой лодкой, которая лежала на берегу в ожидании ремонта, но как он ни напрягал зрение, на таком расстоянии не смог рассмотреть, что выгружалось из фургонов и складывалось внутрь пакгауза. Пренебрегая опасностью, он решил подползти поближе. Ему повезло — он проскользнул между двух постов и подошел вплотную к пакгаузу. Большая группа людей, напрягая все силы, втаскивала туда какие-то очень тяжелые предметы. Разведчик понял: они разгружали пушки, большие новые пушки. Стволы, мощные лафеты и много ящиков... кто знает, что в них? Тут он припомнил, что на этой верфи завершалось строительство большой когги, самой большой в гамбургском флоте. Значит, она станет орлогом. И этого никто не должен знать! Каждому ясно, что значит такой хорошо оснащенный орлог для невооруженных торговых кораблей.

Нарушение слова... «Денежные мешки» замышляют измену. Нужно предупредить Штёртебекера, ликедеелеров.

И все же удача отвернулась от разведчика пиратов. Когда он уже хотел удалиться и от волнения на минуту забыл об осторожности, его обнаружили и схватили конники. Этой же ночью бургомистр Маттиас Краман и несколько ратсгеров допрашивали его в присутствии палача и подручного.

Задержанный отрицал все!

Нет, он не был шпионом пиратов... Нет, он не собирал-

ся совершить измену, он только из любопытства потащился за повозками... Нет, он не знает Клауса Штёртебекера... Нет, он даже не видел, что выгружалось из фургонов...

Моряка подвергли жестоким пыткам: у служителей церкви научились патриции пытать людей. Они вытягивали его, щипали раскаленными щипцами, сдвигали ему руки и ноги так, что трещали кости. Но истязуемый кричал:

— Нет, я не знаю! Я ничего не знаю!...

И чем ужаснее становилась боль, тем громче и упорнее он повторял:

— Не знаю!... Не знаю!...

На рассвете пленника, который уже не мог стоять на ногах, выволокли во двор городской тюрьмы и обезглавили.

Он не предал своего капитана Штёртебекера, но предостеречь его тоже не смог.

Симон ван Утрехт осмотрел новую коггу и пушки. Он выразил удовлетворение отменным построенным кораблем, прочные борта и крепкий бушприт были незаменимы при abordaжных схватках. Он убедился, что на невысоких, но прочных мачтах сделаны марсовые площадки, на которых могло разместиться немало стрелков. Выкрасить корабль он распорядился коричневой и серой краской, — а нос, также как и узкую полоску выше ватерлинии, — белой. Судостроитель Христиан Дейк воскликнул:

— Тогда когга станет похожей на пегую корову!

Симон ван Утрехт хотел, чтобы корабль выглядел не только необычно, но и устрашающе. Когда Христиан Дейк отчитывался перед магистратом, ратсгеры решили свой орлог назвать «Пестрая корова».

В последующие дни Симон ван Утрехт занимался какими-то таинственными делами. Он посылал разведчиков, чтобы разузнать, какими силами располагают пираты, какие пути они предпочитают. Тут ему стало известно о ссоре капитанов, и он послал из Эмдена матросов в Мариенхав; с помощью ложных слухов они должны были обострить эти разногласия. Одновременно он распорядился, чтобы несколько надежных матросов устроились на корабли к пиратам и в нужный момент затеяли там

смуту. Симон ван Утрехт намеревался начать бой с пиратами между Гельголандом и устьем Эльбы. Он о чем-то договорился с одним из ловцов крабов. При неблагоприятном для Утрехта исходе боя он рассчитывал укрыться со своими кораблями в устье Эльбы.

Голландец, в противоположность Штёртебекеру, был расчетлив и предусмотрителен, каждое предстоящее сражение он подготавливал до последней мелочи, принимая в расчет и возможные неудачи. Среднего роста, широкоплечий, с тяжелой походкой, внешне флегматичный, он нравился купцам. «Никогда не ставить на карту все, но использовать все средства. Надеяться не только на силу, но и на хитрость» — вот его принципы.

Незадолго до завершения постройки «Пестрой коровы» ратсгер и судостроитель Христиан Дейк заявил магистрату, что стоимость работ превышает намеченную ранее. Он обосновывал свои дополнительные требования неожиданным перерасходом, который якобы был совершенно неизбежен, так как он использовал только лучшие материалы. В действительности он хотел, пользуясь случаем, сорвать хороший куш. Магистрат совещался. Все ратсгеры знали, что их коллега, конечно, пользуется моментом, и некоторые, прежде всего старый Ирм Прис, говорили об этом открыто. Христиан Дейк решительно протестовал против такого рода подтасовки, как он назвал обвинение Ирма Приса, и лицемерно уверял, что готов нести любые расходы для блага родного города, только бы сделать новый корабль во всех отношениях неуязвимым. Бургомистр Маттиас Краман и члены Совета старейшин возражали против предоставления оправдательных документов Христианом Дейком: тогда стало бы достоянием гласности, что это военный корабль, оснащенный тяжелыми пушками. Дополнительные средства были выделены, но так как патриции не хотели платить из собственного кармана, решено было ввести дополнительный налог на жителей города.

Так ратсгер и судостроитель Христиан Дейк, мило улыбаясь, положил в карман немалую сумму.

В Мариенхав прибывали моряки, странствующие подмастерья, плебеи и мастера из Бремена, Стаде, Гамбурга и из разных концов страны, чтобы стать свободными

пиратами. Ненависть и гнев против гнета патрициев толкала их на этот шаг. Они рассказывали ужасающие истории о бесчеловечности купцов, торгашей, этих «денежных мешков», что правят в городах. Клаус Штёртебекер принимал их с радостью, потому что это были большей частью крепкие парни. И снова и снова убеждал своих товарищей: ну должны же они наконец понять, что народ в городах сыт по горло господством патрициев и что надо идти на помощь измученным людям.

Магистр Вигбольд не хотел ни о чем слышать и отказывался брать на свой корабль кого попало. Однажды Штёртебекер послал ему десяток крепких молодцов, которые просили принять их в пираты. Штёртебекер знал — Вигбольд нуждается в людях. Тот прислал их назад: неискушенные парни ему не нужны. Одного, который вызывал особое подозрение своим не совсем обычным произношением, он оставил, но тайно учинял ему суровые допросы, и на четвертом допросе тот признался, что завербован магистратом города Бремена и послан для того, чтобы шпионить за пиратами и сеять среди них раздор.

Вигбольд предостерег Штёртебекера. Тот призадумался. Конечно, патриции способны на любое предательство, им нельзя верить. Но, возражал он, под пытками всякий может сознаться в чем угодно.

«Держи свой корабль в чистоте!» — советовал Вигбольд. Он предпочитал лучше иметь маленькую команду, где он знает, что думает каждый, чем большую, в которой помыслы многих были бы для него тайной.

Михель Гёдеке оставался верным другом Штёртебекера, ценил он и Магистра; дружба была, но прежнего согласия не было.

Вигбольд был образованнее Штёртебекера. И Клаус злился, что часто тот оказывался более дальновидным и проявлял самостоятельность. Он знал, что Магистр учился в Оксфорде, был учеником знаменитого доктора Евангеликуса и противника папства Джона Уиклифа. Из воинственного учения лоллардов, которые в Нидерландах составили антипапское религиозное братство. Вигбольд заимствовал основы братства ликееделеров и с помощью Штёртебекера и Гёдеке осуществлял их. Магистр не доверял патрициям, также как и папистам, потому что паписты были в его глазах дьяволами в человече-

ском обличье. Однако он не верил и в то, что новая каста братьев ремесленников способна принести бесправным свободу, а бедным человеческое счастье. Много лет тому назад, живя в Англии, он хорошо узнал и темноту верхушки ремесленного бюргерства, и ее презрение к городской бедноте. Хозанг, на которого так часто ссылался Штёртебекер, был передовым, думающим торговцем, изредка и такие попадались, но их были единицы. А вот Карстен Сарнов, сам ремесленник, достиг власти, используя собратьев по цеху, и этой властью злоупотребил. Именно это казалось Вигбольду характерным для разбогатевшей ремесленной верхушки. Положение в мире нужно до основания изменить — таково было мнение Магистра. Как и с чьей помощью — этого и он не знал. Но он знал, что Джона Уиклифа терпели при английском дворе до тех пор, пока он был ему полезен. Когда же он надоел владыкам Англии своими проповедями против «папского антихриста в Риме», они его устранили и стали преследовать его приверженцев. Недостаточно быть против таинства причастия, против исповеди, безбрачия духовенства, против поклонения святым, против церковной службы; надо в больших городах и во всех странах заново перестроить человеческое общество. А так как Вигбольд, несмотря на свою ученость, не знал, как это осуществить и кто это должен осуществить, он и стал «всего мира врагом» — пиратом. Слова, своего рода девиз ликееделеров: «Богу друг, всему свету враг!» — были его. Это было своеобразное выражение мысли: для того коммунизма, к какому стремились ранние христиане, мир еще не созрел. Этот необыкновенный капитан пиратов мечтал о всемирном государстве, объединявшем людей различных языков и рас, где никто никому не враг, но все братья, где нет больше ни Каина, ни Авеля, но господствуют вечный мир, благоденствие, блаженство.

Но благоразумный и недоверчивый Магистр тоже стал жертвой хитрости патрициев. В его каюте как-то вечером появилось письмо, в котором неизвестный сообщал ему по секрету, что Штёртебекер больше не верит ему и хочет в союзе с магистратом города Гамбурга нанести ему коварный удар. Что Штёртебекер обещал схватить Магистра Вигбольда и доставить в Гамбург. Вигбольд рассмеялся. Ему было ясно, что это тоже дело рук патрициев. Они хотят поссорить капитанов кораблей ликееделе-

ров. Штёртебекер выдаст его патрициям? Мысль была глупа. Он даже не дал себе труда поставить в известность о содержании этого письма Штёртебекера. Он и так довольно часто предостерегал его от хитрых торгашей.

И все же невольно со времени их ссоры Магистр иногда с недоверием смотрел на Штёртебекера — разве тот не вел один, без него и Гёдеке, переговоры с ратсгерами в Гамбурге? Не была ли свадьба в Мариенхаве хорошо продуманной уловкой, чтобы отойти от пиратов? Уж не хочет ли он, выдав товарищей, искупить свои старые грехи? Потом Магистр устыдился своих мыслей. Он убеждал себя, что Штёртебекер никогда не пойдет на подобную подлость. И все же эти мысли невольно лезли в голову, а это было дурное предзнаменование.

И Магистр, стоя за рулем своего «Рысака», серьезно задумался о поисках у южных берегов Норвегии нового опорного пункта и убежища. В Мариенхаве он чувствовал себя неуютно.

Однажды, когда Магистр с тремя кораблями был в море, взволнованный Михель Гёдеке ворвался к Штёртебекеру, который находился в замке Мариенхав: один моряк ему только что сообщил, что Магистр намеревается напасть на караван гамбургских судов в устье Эльбы.

Штёртебекер пришел в бешенство и приказал подготовить корабли к выходу в море. Что же это такое — в глазах магистрата и горожан Гамбурга он окажется нарушителем договора? Или его слово уже больше не имеет силы?..

Только два корабля стояли в бухте — «Тигр» Штёртебекера и «Пенящий» Михеля Гёдеке. Остальные были в каперских походах в голландских и английских водах.

К устью Эльбы понеслись по морю когги обоих предводителей вслед изменившему им, как они думали, Магистру.

В устье Эльбы находилось маленькое поселение гамбуржцев — Куксхавен. Здесь жили рыбаки, которые большею частью промышляли ловлей крабов. Во время отлива они выходили на своих маленьких лодках, и если море было спокойно, даже варили улов прямо в лодках под защитой скал острова Гельгоlanda, чтобы продать

крабов в Куксхавене или в другом месте. Вечно беспокойное Северное море и в этот мартовский день 1401 года разгулялось.

Тяжелые валы, темно-серые, с белыми пенистыми гребнями накатывались на берег. Темные тучи заволокли небо. Временами с шумом хлестал дождь. А когда наступил рассвет, над водой поднялся плотный туман, он окутал и затруднил ориентировку «Тигра» и «Пенящего». Как только они достигли устья Эльбы, Штёртебекер решил до следующего дня отстояться на якоре у острова Гельголанд. Михелю Гёдеке предстояло поискать в устье реки корабль Магистра.

«Тигр» отдал якорь, укрывшись за скалами острова. Море немного успокоилось, но туман стал гуще. Штёртебекер чувствовал себя спокойно, потому что при такой погоде Магистру едва ли удалось бы выследить гамбургские корабли. Он не хотел применить силу к изменнику, он хотел его вернуть. Матросы должны решить, кому быть предводителем ликедеелеров. Магистр, как и каждый, может подчиниться этому решению, а не хочет — может идти своей дорогой.

Ночью Штёртебекер еще не спал, когда услышал: — Ахой!

Потом вахтенный заговорил с кем-то, кто подошел к борту. «Кто бы мог быть в такую туманную ночь на море? И кто так близко подошел к кораблю, что с ним можно говорить?». Штёртебекер поднялся и вышел на ахтердек.

Один из матросов, которые недавно прибыли в Мариенхав, чтобы с пиратами бороться против патрициев, нес ночную вахту. Штёртебекер узнал его, когда тот подошел. Он накануне наблюдал за его работой и был доволен этим ловким парнем.

— Кто тут? — спросил он.

— Ловец крабов заблудился в тумане и просит разрешения расположиться под прикрытием кормы и варить крабов.

Штёртебекер посмотрел за борт. Внизу покачивалась маленькая рыбацья лодка, и крохотный огонек светился в тумане. Штёртебекер усмехнулся: всего-навсего ловец крабов.

— Когда он сварит свой улов, я его куплю. Скажи это ему.

С этими словами он вернулся в свою каюту и лег спать.

Когда наступило утро и солнце рассеяло туман, Штёртебекер вышел на палубу, посмотрел через борт вниз, но никакого ловца крабов не было. Штёртебекер окликнул вахтенного. Никто не отозвался. Тогда он пошел в кубрик команды. Его парни крепко спали. Он разбудил старшего и приказал отыскать матроса, стоявшего на вахте.

Едва он подошел к своей каюте, как услышал громкий крик:

— Впереди корабль!

Может быть, это «Пенящий»? Клаус вернулся на палубу. Сквозь дымку расплзающегося тумана он увидел приближающийся большой корабль. Нет, не «Пенящий»... Не один ли это из гамбургских торговых кораблей, которых хотел подкараулить Магистр?.. Штёртебекер громовым голосом отдавал команды на палубе. Матросы быстро сбежались: они стали карабкаться на мачты и поднимать паруса. Штёртебекер ухватился за румпель, чтобы положить «Тигра» под ветер. Но руль не поворачивался. Он приложил все силы, чтобы повернуть руль, но тот даже не пошевелился, словно примерз. Между тем неизвестный корабль, высокобортная когга, был уже на расстоянии окрика. Станный корабль, пестрый, как морское чудище, коричневым и серый...

— Что с рулем? — закричал Штёртебекер.

Ответа он не получил.

Оставив руль, он приложил руки ко рту и закричал:

— Эй, что за корабль?.. Гамбургский?..

Молчание.

На корме неизвестного корабля подняли гамбургский флаг с белыми городскими воротами на красном фоне.

Штёртебекер облегченно вздохнул. Ну, ладно, раз гамбургский корабль — опасаться нечего. Он закричал еще раз:

— Что с рулем? — И дернул неподвижный румпель.

Вдруг громовой раскат заполнил тишину утра. Сразу же за ним последовал страшный треск. Грот-мачта «Тигра» с грохотом упала на палубу. На баке был расщеплен фальшборт.

Предательство... Нападение...

— К оружию! — крикнул Штёртебекер. — Краболов... Вахтенный... Измена! Держитесь, друзья, мы возьмем их на бордаж! «Пенящий» придет к нам на помощь! К оружию, — кричал он. — Смерть патрициям! Смерть предателям!..

Новый залп. «Тигр» поднялся на дыбы. Доски взлетели в воздух. Среди обломков лежали многие пираты.

— Где оружейник? — орал Штёртебекер. — Почему не стреляет наша пушка?

Оружейника не было. Лишь позже Штёртебекер узнал, что среди его парней было четверо вражеских лазутчиков, они ночью заткнули оружейнику рот и выбросили его за борт. Кроме того, они забили дверь крюйт-камеры. Ловец крабов никаких крабов не варил, а плавил свинец и расплавленным свинцом залил рулевую цепь...

— Измена! Измена!.. Ох, Магистр Вигбольд, я был несправедлив к тебе!.. Твое недоверие было оправдано... Я был глупцом, доверился слову патрициев... Измена!.. Где же «Пенящий»?

Беззащитный «Тигр» доставался врагу! Смертельно раненный, он качался на волнах — игрушка ветра и коварных гамбуржцев.

Штёртебекер собрал уцелевших и ждал врагов. Был бы его корабль способен двигаться, подчинялся бы руль его рукам — и «Морской тигр» бесстрашно пошел бы на сближение с намного лучше вооруженным вражеским кораблем и прижался бы к его борту. Тогда, как во всяком честном бою, все решал бы меч... Но не в честном бою предстоит им пасть. Измена, коварство и подлость берут верх...

Когда Симон ван Утрехт увидел, что на лишенном управления полуразрушенном корабле осталось всего около дюжины пиратов, он приказал взять судно на бордаж.

Медленно приблизилась «Пестрая корова» к изуродованному ядрами «Морскому тигру».

Оставшиеся в живых пираты и не думали сдаваться. Клаус Штёртебекер сражался во главе своих товарищей; видя смерть перед глазами, видя, что гибель неизбежна, они все же героически боролись. От меча Клауса один за другим падали ганзейские наемники.

— Богатых враг! — кричал он, нанося удар. — Бедных друг! — нанося другой.

И все же знал — спасения нет.

Ганзейцы уже заняли фордек, ахтердек, на средней части корабля происходила ожесточенная рукопашная схватка. Топоры пиратов были ужасным оружием. Ганзейским наемникам не удавалось одолеть эту маленькую горстку храбрецов. Они уже начали под ударами меча Штёртебекера отступать. И тут Симон ван Утрехт прибегнул к новой хитрости. Он приказал бросить с высокой кормы на Штёртебекера и его товарищей стальную сеть. Тотчас же спрыгнули вниз его наемники и затянули ее: Штёртебекер и девять его друзей были схвачены.

Связанного Штёртебекера доставили к Симону ван Утрехту. Торжествующая усмешка появилась на его лице, когда страшный пират предстал перед ним как пленник.

— Ну что, Штёртебекер? — с издевкой спросил он. — Теперь ты во второй раз нанесешь визит магистрату славного города Гамбурга.

Штёртебекер подошел вплотную к Симону ван Утрехту и плюнул ему в лицо.

В

ЭПИЛОГ

В одном из переулков Гамбурга, неподалеку от гавани, приютился хорошо известный горожанам кабачок «У людоеда», завсегдатаями которого были моряки. Спускаешься на несколько ступенек вниз и попадаешь в низенькое, но удивительно вместительное помещение. Под потолком чучело акулы, отсюда и название кабачка.

С некоторых пор постоянными посетителями этого заведения стали два человека. Никто не знал, на каком корабле они получили свои тяжелые увечья, но чувство-

валось, что оба они люди бывалые. Один из них был слепой, худой, высокого роста, седовласый, бледный; другой — одноногий: деревяшка, прикрепленная на ремнях, заменяла ему левую ногу. Оба ежедневно по многу часов сидели за деревянным столиком, пили пиво, не говоря друг другу ни слова, но внимательно прислушивались к разговорам других.

Иногда кто-нибудь из выпивающих или играющих в кости моряков вспоминал, что когда-то встречался в городе с казненным пиратом Клаусом Штёртебекером. Слепой, прислушиваясь, поднимал голову. А одноногий примечал говорившего.

Незаметно приглашали они потом этого моряка за свой стол, ставили перед ним кружку пива, расспрашивали о том, о сем и, наконец, о том, как погиб пиратский капитан Штёртебекер и его товарищи.

Так постепенно они узнали о победе хитрого Симона ван Утрехта, лазутчик которого перед битвой залил свинцом рулевую цепь на корабле Штёртебекера, о ярости патрициев, которым не пришлось прибрать к рукам его сказочные сокровища. Оба смеялись, когда им рассказывали, что у Штёртебекера, как теперь точно известно, мачты на корабле были из чистого золота и только сверху обшиты тонкими досками. Рассказывали также, как плененный пират, зная присущую патрициям алчность, предложил им в качестве выкупа вымостить берега Эльбы от Куксхавена до Гамбурга золотыми дукатами. Но он требовал для этого немедленно освободить его. Патриции же хотели сначала получить золото. Так они и не пришли к соглашению.

Однажды моряк, который уже долго болтался на берегу и бесцеремонно пользовался добротой друзей инвалидов — пил и ел за их счет, сказал, что он был очевидцем казни Штёртебекера и его товарищей. Он вызвался провести их на Грасбрук и показать место, где состоялась казнь.

По пути он беспрерывно болтал, мешая правду и вымысел, одна история была драматичнее и фантастичнее другой. Он точно знал, что Штёртебекер отвечал своим судьям. Не как обвиняемый, как обвинитель предстал он перед судом патрициев. Он осуждал богатых. Защищал бедных. «Насилием и хитростью накопили вы свои сокровища!» — кричал он патрициям. Он говорил, что они

напоминают ему картину, нарисованную на стене кирхи в Мариенхаве: на церковной кафедре стоит лисица и проповедует бедным и угнетенным смирение, благочестие. Его вина, если можно тут говорить о вине, состоит в том, что он смело, в открытом бою отнимал у них то, что они, мелкие душонки, награбили, добыли с помощью коварства и обмана. «Кто из нас поступал лучше, — заключил он, — я или вы, это когда-нибудь решат будущие поколения». По рассказу моряка, который при этом присутствовал, последним желанием Штёртебекера было совершить свой путь к месту казни под веселую музыку флейтистов. Один из ратсгеров спросил его, не страшно ли ему умирать? Штёртебекер только усмехнулся в ответ. Не страшно ли ему видеть смерть своих товарищей? Да, своих славных товарищей ему жаль. Он готов сделать все что угодно, чтобы их спасти. Ратсгер сказал:

— Смотри, вот плаха, на которой падет твоя голова. Все те, мимо кого ты сможешь пройти без головы, будут помилованы.

Ратсгеры, стоявшие вокруг эшафота, засмеялись этой жестокой шутке. Но Штёртебекер спросил:

— Господа, вы даете слово?

— Даем! — ответили ему.

Твердо и уверенно взошел он по ступеням на эшафот, встал на колени, ожидая смертельного удара. Когда голова его скатилась с плахи, крик ужаса раздался среди ратсгеров — огромное обезглавленное тело Штёртебекера поднялось и также твердо и уверенно зашагало вниз по ступеням эшафота. Третьего и четвертого своего товарища миновало оно, и тогда ратсгеры принялись кричать, что это наваждение и колдовство, которому должен быть положен конец. Один из них подставил безголовую ногу. Тот споткнулся и упал перед седьмым своим товарищем.

Слепой и одноногий слушали, затаив дыхание: в этом рассказе они узнавали своего капитана, для которого не было ничего невозможного, который и после смерти стоял за своих друзей.

— И семь товарищей были помилованы? — шепотом спросил слепой.

— Э-э, чепуха, — ответил моряк. — Это же было слово патрициев. Я совершенно не понимаю, как Штёртебекер мог им поверить. Даже палач был обезглавлен.

— Палач? — недоверчиво спросил одноногий. — Как же так? Почему?

— Да, да, его — последним! По требованию ратсгеров!

— Не понимаю! — пробормотал одноногий.

— Один из высоких господ, говорят это был бургомистр Краман, спросил у палача, не устал ли он. Тот не моргнув глазом ответил, что у него еще хватит сил, чтобы отрубить головы хоть всему магистрату города. Это напугало ратсгеров, и они тайком сговорились с его подручными. Когда с последним пиратом было покончено, подручные палача схватили своего мастера и отрубили ему голову. Так завершилась эта бойня... Да, да, с большими господами шутки плохи!

Они стояли на пустынном полуострове неподалеку от гавани. Позади лежал окруженный стеной город с его башнями, перед ними — водная гладь гавани с коггями и плотами. Маленькие рыбацьи лодки бороздили бесчисленные рукава Эльбы. Инвалиды попросили точно указать им место, где стоял эшафот. Наступила минута молчания. Когда моряк хотел продолжить рассказ, они и ему сделали знак помолчать. И только тут он догадался и спросил:

— А вы не бывшие товарищи Штёртебекера?

Слепой вздрогнул. Но одноногий тотчас же ответил:

— Да! — И дал моряку золотой.

Они договорились на следующий день снова встретиться «У людоеда».

Но этим же вечером слепой и одноногий ушли из города, опасаясь предательства.

В Голштинии, Мекленбурге, на Эльбе, Везере и Эмсе в начале пятнадцатого столетия хорошо был известен народу слепой певец. Там, где он появлялся, собирались мужчины и женщины, юноши и старцы, и слушали его песни.

Поводырь слепого, человек с деревянной ногой, играл на флейте. Под ее мягкие заунывные звуки слепец пел баллады о штормовом море и боевых походах пирата Клауса Штёртебекера — врага богачей и друга бедняков, который помогал угнетенным и преследовал угнетателей, который боролся за справедливость и жестоко восставал против несправедливости, который не терпел никаких различий между высшими и низшими, кото-

рый любил народ как никто другой и, будучи уже на эшафоте, хотел чудом спасти от смерти семерых своих товарищей, но и мертвым он был еще раз обманут патрициями.

Затаив дыхание, слушали бедные крестьяне певца и запоминали его баллады: ведь они звали к восстанию против несправедливости и самоуправства господ.

Скоро эти песни стали передавать из уст в уста, и пошли они по деревням и землям, зазвучали в вечерние часы в крестьянских хижинах. Они находили дорогу и в дома ремесленников и горожан, стонущих под гнетом патрициев. Матери, пугая непослушных детей, говорили:

— Подожди, вот придет Штёртебекер, он тебя накажет!

Мужчины в спорах бросали:

— Клянусь мечом Штёртебекера, я говорю чистую правду!

На улицах городов мальчишки играли в «Штёртебекера» и с остервенением били стекла в окнах безжалостных кремеров.

... В первый день пасхи 1440 года слепой и одноногий приплелись в Штральзунд. Звонили колокола. По улицам прогуливались празднично разодетые горожане. В кирхе святого Николая шла пасхальная месса. Ремесленники дружными рядами направлялись к рыночной площади. После всех ударов судьбы и жестоких поражений трудящиеся горожане, ремесленники стали хозяевами в своем городе. Объединение ремесленников избирало ратсгеров. И не было никаких грабителей вульфламов, оспаривающих их права. Они сами научились давать отпор своим врагам. В этот солнечный пасхальный день они радовались праздничному звону колоколов и своей наконец-то завоеванной свободе.

Слепой и одноногий, оба уже очень дряхлые, бродили по улицам города, по ратушной площади, побывали в гавани, у восточных ворот и наконец подошли к кирхе святого Николая, куда стекался весь народ. Они остановились у больших дверей и смотрели на идущих мимо них радостных, возбужденных людей.

Какая-то женщина в изорванном платье, с включенными нечесаными волосами, с почти прозрачными костлявыми руками стояла на коленях. Рядом с ней — две девочки. Жалобно причитая, женщина просила:

— Люди добрые, подайте нищей богачке!.. Подайте нищей богачке!..

— Спроси, кто эта женщина, — шепнул слепой одноногому.

— Подайте нищей богачке!.. Люди добрые, подайте нищей богачке!..

Одноногий расспросил горожанина и повернул к своему товарищу бледное лицо: нищенка была вдовой Вульфа Вульфлама, того, который когда-то застелил улицы от своего дома до кирхи святого Николая английским сукном, чтобы не запачкались ее позолоченные свадебные башмаки. Самая богатая в городе, она стала самой бедной и жила с двумя своими дочерьми подаянием.

Слепой поднял голову и повернулся в сторону, откуда доносились просьбы о милостыне: «...Вульф Вульфлам? Чудовище, превратившее его в слепца? Тот, кто грабил жителей города и колесовал ратсгера Хозанга? Вульф Вульфлам... Он уже наказан... Горожане свободны. Над ними больше не занесен кулак никаких вульфламов».

Он снова услышал мольбу:

— Подайте нищей богачке, милостивые горожане!..
Подайте нищей богачке!..

Слепой шагнул к женщине, порывся в своей суме и вытащил несколько монет:

— Вот, госпожа, возьми!

Женщина на коленях подползла к нему.

— Спасибо тебе, добрый горожанин, — проскулила она. — Тысячу раз спасибо!..

И она опять отползла к дверям кирхи и снова затащила свое:

— Подайте нищей богачке, люди добрые!.. Подайте нищей богачке!..

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ И ЕГО РОМАН О ЛИКЕДЕЕЛЕРАХ

Суровой романтикой революционной борьбы и морской стихии овеяна юность сына рабочего — писателя-коммуниста Вилли Бределя. Он родился 2 мая 1901 года в большом портовом городе Гамбурге. Еще будучи учеником народной школы, Вилли, как и большинство мальчишек портовых городов, проводил все свое свободное время за чтением книг об отважных мореходах и корабелях, а то и просто в порту среди бывалых моряков, слушая бесчисленные были и небылицы о морской жизни. Часто в эти рассказы влетали легенды о смелом борце за права простого люда — Штертебекере, пирате Балтики, и о его соратниках — ликедеелерах, от одного упоминания о которых бросало в дрожь властительных патрициев в далекое от нас время средневековья. Иногда, подгуляв, моряки распевали песню со странным припевом: «Богу друг — всему свету враг». И не все слова песни были понятны мальчику, потому что пели ее на почти забытом старонемецком языке.

Но жизнь шла своим чередом. Чтобы помочь семье, Вилли уже в шестнадцать лет начал трудовой путь, поступив учеником на судостроительную верфь «Блом и Фосс», и стал токарем. С первых же дней работы он становится активным борцом молодежной секции «Союза Спартака». Девятнадцатилетним юношей в 1920 году Вилли Бредель вступает в Коммунистическую партию Германии.

В 1923 году как участника Гамбургского октябрьского вооруженного восстания и соратника Эрнста Тель-

мана его арестовывают и приговаривают к двум годам тюремного заключения. Даже находясь в тюрьме, он пополняет свое образование, много читает.

Сразу же после освобождения из тюрьмы в конце 1924 года партия направляет его в Бремен, редактором «Бременской рабочей газеты» и газеты «Эхо Рура».

Свое первое литературное произведение — исторический очерк «Друг народа» о герое Великой французской революции Жане Поле Марате — Бредель публикует в 1924 году. Так, с обращения к истории, к образу борца-революционера, начал свой путь писатель Вилли Бредель.

Отдавая дань юношеской мечте о море, спустя год, Вилли Бредель поступает матросом на торговый корабль. Он плавает по Балтийскому и Северному морям, ходит к берегам Испании, Северной Африки, в Италию. И не суровые ли ветры Северного моря, бури Бискайского залива, знойные бризы Африки и синие воды Адриатики воскресили в нем образы «мстителей морей», отважных пиратов, корсаров, флибустьеров, героев моря, на щите которых было начертано слово «борьба»: борьба с насилием и злом, бунт против произвола власть имущих. Бунт часто стихийный, анархический, но бунт. В нем Вилли Бредель видит проявление классовой борьбы. И именно тогда зародилась у него мысль о создании романа о «мстителях морей», бороздивших воды родной ему Балтики. Только не настало еще время для написания такого романа, да не располагал он и документальными материалами.

По возвращении из плавания Вилли Бредель вновь включается в партийную работу как редактор «Гамбургской рабочей газеты». В 1930 году он снова в тюрьме и опять на два года.

На этот раз его обвиняют в том, что своей литературной деятельностью он склоняет массы к «государственной измене и измене родине». Так гласил приговор.

В тюрьме Бредель пишет свои первые романы о жизни и борьбе рабочего класса Германии: «Машиностроительный завод» и «Улица Розенхоф».

В 1933 году фашисты бросают его в концентрационный лагерь Фюльсбюттель под Гамбургом, из которого ему в 1934 году удается бежать в Чехословакию. В этом же году он пишет роман «Испытание» — о терроре в фашистских лагерях и о борьбе немецких коммунистов-

подпольщиков. К этой теме он еще раз возвращается в своем романе «Твой неизвестный брат».

С 1935 года Бредель живет в Москве, где издает при участии Бертольда Брехта и Лиона Фейхтвангера ежемесячный литературный журнал на немецком языке «Das Wort» («Слово»). Во время войны с фашистами в Испании Бредель сражался в составе Интернациональной бригады. Он был комиссаром батальона имени Эрнста Тельмана. Об этой войне он рассказал в романе «Встреча на Эбро».

Вернувшись в Советский Союз, Вилли Бредель продолжает редакторскую работу. Много времени проводит он в библиотеках, собирая материалы по истории Германии.

С момента нападения гитлеровских полчищ на нашу страну Бредель принимает активное участие в создании литературы, разоблачающей фашизм.

С 1943 года он является членом национального комитета «Свободная Германия» и возглавляет агитационную бригаду, выступающую на передовых позициях с обращениями к немецким солдатам, рассказывая об истинных причинах войны и о положении на фронтах. Голос Бределя звучал на разных фронтах и под Сталинградом.

Сразу же после разгрома фашизма Вилли Бредель возвращается на родину и активно включается в создание новой Германии, вначале как рядовой боец партии, затем как член Центрального Комитета Социалистической Единой партии Германии, как депутат Народной Палаты Германской Демократической Республики.

Некоторое время после возвращения на родину он живет в Шверине и часто выезжает в портовые города Любек и Росток. Дыхание морского ветра снова возвращает писателя к старым замыслам. Здесь он заканчивает работу над историческим романом «Братья витальеры» — о пиратах Северного и Балтийского морей. Роман этот был им начат еще в 1940 году в Москве, когда он нашел в Библиотеке им. В. И. Ленина «Хроники северных немецких городов». Среди скупых строк хроники Бредель встретил знакомые с детских лет имена — Штёртебекера и его соратников. Трудно представить себе огромную работу, которую пришлось выполнить автору, чтобы воссоздать далекую от нас эпоху XIV века, оживить ее, создать роман, отличный от многих других романов о пиратах.

Сотни просмотренных документов, тысячи пожелтевших от времени листов хроник и, наконец, десятки томов прочитанной литературы о пиратах.

По поводу литературы тех времен Бредель справедливо писал: «Когда мы обращаемся к историческим произведениям, написанным в те далекие времена писателями-современниками событий, не следует забывать слова Гете о духе времени, отраженном в них: «То, что вы называете «духом времени», на самом деле это дух тех господ писателей, в которых это время отразилось». Так, в исторических повествованиях не нашлось места ликедеелерам. Да и могло ли найтись место им, если хроники были на службе господ патрициев».

О своем романе писатель замечает: «Исторический роман — это не учебник в школьном понимании. Автор исторического романа стремится дать новую жизнь страницам прошлого, приблизить их к своим современникам».

Верный исторической правде, Бредель воссоздает картины прошлого очень тщательно. Мы вместе с его героями попадаем на улицы средневекового торгового города, на богатую ярмарку, присутствуем на заседании в ратуше, где правят подкуп и кривда, мы являемся свидетелями суда патрициев, когда невинным отрубают руки, мы вместе с героями сражаемся на когге, берущей на абордаж вражеское судно.

Истоки пиратских романов мы находим уже в «Илиаде» Гомера (VIII век до н. э.) и «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III век до н. э.). Однако родоначальником классической формы произведений этого жанра следует считать Джорджа Байрона и его поэму «Корсар» (1814 год). Байрон опоэтизировал пиратство — морской разбой.

Впрочем, героями своих произведений он избрал не просто морских разбойников и не тех пиратов, что часто поступали на службу того или иного государства для борьбы с кораблями противника или для поддержки осажденных городов, на что получали специальные каперские грамоты, узаконивающие их действия. Героями Байрона были «мстители морей», отверженные, вступившие на путь борьбы с властителями, угнетающими и порабащающими народ.

Герой Байрона—корсар (так называли пиратов Средиземноморья), мститель:

Священный гнев звучит в нем как призыв:
Отмстить немногим, миру отомстить...

Под стать ему и его команда:

Наш вольный дух вьет вольный свой полет
Над радостною ширью синих вод.
Везде, где ветры пенный вал ведут —
Владенья наши, дом наш и приют.

Спи, враг! Прекрасных снов! Тебя заря
Будила ли, таким огнем горя,
Как ночь борьбы (лишь ветер мчи быстрее!),
Что вдохновляет мстителей морей? ¹

Они мстят за пережитое рабство, за угнетение человека. Мстят, не зная пощады. Бунтом против рабства являются действия красавицы Гюльнар, рабыни тирана и деспота паши Сеида, которая полюбила Конрада. Во имя свободы и любви Гюльнар убивает своего господина и спасает Конрада из плена:

Мечь деспоту злодейством не зови!...

И не ради ли этих строк написал Байрон свою поэму об отважных мстителях морей?!

Однако бунт корсара Конрада и его соратников, бунт рабыни Гюльнар — это бунт обреченных одиночек...

С развитием жанра пиратского романа все более четкими становятся мотивы, вызывающие протест и месть, все чаще в романы вкрапливаются исторические детали, отчетливее становятся позиции авторов, пытающихся расставить социальные акценты. С пиратских романов слетает шелуха любования лихачеством морских разбойников, смакования их жестокостей. Постепенно в них вливается струя народной мудрости, мотивы фольклора. Начало этому положил Вальтер Скотт своим романом «Пират» (1820 год), в который он ввел народные саги, поверья.

Перед написанием романа Вальтер Скотт совершил поездку по Шетландским и Оркнейским островам, что лежат севернее Шотландии. Здесь он собирал всё, что сохранилось в памяти его современников о пирате северных морей Джоне Гау, казненном в 1725 году.

¹ Перевод Г. Шенгели.

Главный герой романа, прообразом которого был пират Джон Гау, Кливленд, или пират Климент Воан, как и его отец Базиль Мертоан (некогда грозный пират Базиль Воан) — сознательные мстители за поправленную свободу их родины — Шетландских островов, попавших под безраздельное господство Шотландии.

Кливленд — трезвый мститель. Он видит безрассудство борьбы и все же идет на нее, потому что на эту борьбу уповают его соотечественники. В то же время он мечтатель: «Есть на земле страна... где никто никому не подвластен, но храбрый подчиняется храбрейшему и все преклоняются перед красотой». Может, именно эта страна его мечты толкает его на установление на своих кораблях своеобразной демократии: все у него имеют равное право голоса при решении важных вопросов и даже при выборе капитана.

Когда нужно — Кливленд отличный дипломат. Чтобы добиться получения для своего корабля пресной воды и провианта, он сам отправляется в ратушу, где идет заседание Совета города во главе с лорд-мэром, и добивается решения в свою пользу.

В 1840 году выходит роман «Персиваль Кин», написанный английским писателем Фредериком Мариеттом, более пятнадцати лет прослужившим на флоте и совершившим поездку в Америку. Мариетт создает образ пирата-борца, негра Джима Винцента. Уже самый факт появления в английской литературе героя-негра, символизирующего борьбу с расовой дискриминацией, являлся вызовом писателя английскому обществу.

Винцент на себе испытал ужасы рабства. Убежав с плантации, преследуемый и гонимый, он вступил на путь открытой борьбы с работоторговцами. Захватив судно и набрав команду из негров, Винцент становится «мстителем моря». Он уничтожает корабли работоторговцев, подстерегая их на пути из Африки в Америку. Винцент беспощаден ко всем белым. Захватив работоторговцев в плен, он поджаривает их на раскаленном железе и потом бросает за борт. Но ему присуще и чувство милосердия. Так, он оставляет в живых смелого юношу Персиваля Кина и тех, за кого тот заступался, — беспомощного старика и его престелную внучку. Винцент не побоялся в этом случае даже вступить в конфликт со своей командой.

Борьба негра Винцента — тоже борьба обреченного.

Окруженный английской эскадрой, он гибнет, взорвав на корабле пороховой погреб.

В эти же годы американский писатель Фенимор Купер создает серию морских романов, среди которых особое место занимает роман «Красный корсар» (1827 год). Герой романа капитан Хайдегер — Георг Уиллис — борец за независимость Америки. Бесконечно ненавидит он Англию, пытающуюся удержать в повиновении рождающееся государство Нового света.

Отважный и смелый Красный корсар беспощаден к врагу, но благороден и чуть романтичен. Обреченный, как и все борцы-одиночки, он взрывает свой корабль «Дельфин» в тот момент, когда, казалось бы, достиг, во всяком случае, личной свободы. Перед этим он распускает команду корабля — пиратов, предоставив им возможность отвезти на берег и поделить огромную добычу, захваченную в многочисленных сражениях с английскими кораблями. Чудом оставшись живым после взрыва корабля, он, тяжело раненный, попадает к себе на родину. Но дни его сочтены.

«Тридцать лет я живу в морских глубинах, ибо это единственная среда, где я обрел независимость», — говорит капитан Немо инженеру Сайрусу Смиту, основателю своего рода коммуны на острове Линкольн. Капитана Немо называли архангелом мести. Революционер духа и мысли, создатель «Наутилуса» — подводной лодки на электрической тяге, он — в прошлом принц Дакара — стал грозным мстителем всем англичанам, поработителям своей родины — Индии. Немо — добрый гений и друг борцов за свободу и всех тех, кто достоин высокого звания Человек. Он отдает им несметные сокровища океана. Таков отверженный, но не сломленный борец, в прошлом один из руководителей восстания сипаев, герой трилогии Жюль Верна: «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров» (1868—1875 годы).

В ином свете показывает своего героя-пирата, «джентльмена удачи», одноногого Джона Сильвера Роберт Стивенсон в романе «Остров сокровищ» (1883 год). Джон Сильвер — грабитель, мародер, для которого нет ничего святого. Отдавая должное его энергии, воле и исключительной приспособляемости, Стивенсон и в этом случае идет по пути обличения зла. В Сильвере он показывает типичную фигуру капиталистического мира — человека-хищника,

отбрасывая всякую романтизацию пиратства. И все же в его романе добро одерживает победу над злом, ибо побеждают отважные люди с чистой совестью.

В начале 20-х годов нашего столетия выходит роман английского писателя, итальянца по происхождению, Рафаэля Сабатини — «Одиссея капитана Блада». Герой романа — Питер Блад — невинно осужденный врач, сосланный на плантации Америки. Совершив побег, он становится пиратом. Действие романа относится к концу XVII века, времени расцвета пиратства у берегов Америки. Именно в это время английский пират Морган захватил и разграбил город Панаму, голландец Ван-Горн разграбил город Вера Крус и ряд городов Перу, француз Граммон пиратствовал у берегов Мексики. Это было время флибустьеров, впрочем, уже уходящих с исторической сцены¹.

В «Одиссее капитана Блада» возрождается некоторая романтизация пиратства. Автор откровенно любит «геройскими» поступками Питера Блада. Оказавшись изгнанником на чужбине, его герой находит единственную стихию, открытую для всех, кто во вражде с человечеством, — море. Питером Бладом руководит чувство ненависти к поработителям — будь то плантатор Бишоп, или король Англии Яков II, или барон де Ривароль, пиратствующий под прикрытием флага Франции. Любовная интрига, вплетаясь в роман, придает его герою облик, чем-то напоминающий славных мушкетеров, созданных фантазией Александра Дюма. В романе счастливый конец. Питер Блад из грозного «мстителя моря» превращается в губернатора одной из баз Англии в Карибском море. Арабелла становится его женой, и вчерашний пират живет мечтами о «яблонях в цвету в садах Сомерсета» и о «зеленых улочках туманного Лондона».

Однако явно приключенческий характер романа Сабатини, написанного к тому же легко, с юмором, не снижает его социальной направленности. Он остается обличительным произведением, направленным против хищнической политики капитала, под каким бы флагом он ни выступал, против служения «золотому тельцу» — всеильному богу капитализма.

Но авантюрно-приключенческое начало романа не

¹ Маховский Я. История пиратства. Л., «Наука», 1973.

более как литературный прием, позволяющий писателю западного мира поднести читателю горькую правду истории колониальных войн. Однако в тех случаях, когда авантюрно-приключенческий сюжет романа не содержит социальных проблем, произведение превращается просто в легкое, увлекательное чтение, и, появившись, исчезает, не оставляя заметного следа в мировой литературе.

Под пером Фенимора Купера и Жюль Верна пиратский роман «помолодел», его читателями стали дети среднего и старшего возрастов. И это закономерно, потому что писатели-гуманисты видели одной из своих основных задач воспитание у подрастающего поколения чувства непримиримости к злу и насилию.

Вилли Бредель своим романом «Братья витальеры» не только продолжает лучшие традиции жанра пиратского романа, но и вносит в него подлинный историзм, о чем пишет в своем обращении к читателям: «Не ищите в моем романе абсолютной достоверности ни в отдельных деталях, ни в развитии фабулы, а ищите эту достоверность в главных чертах воссоздаваемой эпохи, в ее социальных противоречиях и борьбе в то далекое время, которое отдлено от нас более чем полутысячелетием».

Вилли Бредель также адресует свой роман молодежи. И здесь он избирает новый для пиратских романов путь. В своем романе он показывает развитие и становление характера главного героя в его столкновении с окружающей действительностью. Если герои Байрона, Скотта, Мариетта, Купера и Верна подаются как бы запрограммированными, вполне сложившимися взрослыми людьми, то главный герой романа Бределя — Клаус Штёртебекер проходит на страницах книги путь от робкого юноши, замороженного сказками о героях крестовых походов, до сознательного борца за права простого человека. В начале пути его лозунг совпадает с лозунгом байроновского корсара Конрада — «отомстить немногим» — отомстить роду Вульфламов, с алчностью, вероломством и жестокостью которых судьба столкнула Клауса еще в годы юности. Но постепенно расширяется его взгляд на мир, и не конрадовское «миру отомстить» у него на щите. Нет, он мстит не миру, а «вульфламам», мстит патрициям за страдания

и невзгоды бедного человека. Неприемлем для него и лозунг: «Богу — друг, всему свету — враг!» В боге он не нуждается, потому что бог на стороне власти имущих. А враг — далеко не весь мир. Но робкий деревенский парень, превратившийся в сознательного борца с насилием, все же не видит четко своей конечной цели. Не видит так же, как не видят ее и другие мужественные борцы того далекого времени. Но что бороться нужно, — это он знал. И он отважно боролся.

Внимательный читатель несомненно увидит в поступках и облике главных героев романа — Штёртебекера и его соратников Вигбольде и Гёдеке — какие-то черты известных ему героев других пиратских романов. И это естественно, потому что и те, и другие не просто плод фантазии их авторов. Черты характера и поступки их обусловлены схожестью тех ситуаций, в которых живут и действуют герои. Только большинство героев Бределя — подлинные исторические личности, упоминаемые в хрониках и дошедших до нас документах.

Но главное для Бределя — это воссоздание эпохи и борьбы, носящей ярко выраженный классовый характер. Перед нами, начиная с эпиграфа к роману, предстает картина общественной жизни стран, расположенных на берегах Северного и Балтийского морей, со всеми ее противоречиями. Борьба между государствами за море, борьба свободных городов, объединенных Ганзейским союзом, за право свободного мореплавания и торговли, и, наконец, раздирающая эти государства и города непримиримая классовая борьба. И как своеобразный островок среди этого потрясаемого противоречиями мира существует на кораблях Штёртебекера своеобразная коммуна, маленькая группа общества с совершенно иным принципом жизни. Ликедеецеры — люди, делящие все поровну.

Однако и Штёртебекер обречен: слишком мало у него оказалось единомышленников, слишком неравны были силы в его борьбе с могущественным и коварным врагом. Не в открытом бою, а хитростью берут его в плен.

Имя Штёртебекера и поныне живет в сагах и легендах. Одной из них и заканчивает свой роман Вилли Бредель: Штёртебекер должен был спасти своих товарищей тем, что, уже обезглавленный, пройдет мимо них, и тогда патриции обещали им помилование. И он прошел.

Но патриции остаются патрициями, и, несмотря на уговор, они казнят его соратников.

Вилли Бредель возвращается к теме своего романа в вышедшей в 1961 году книге «Под башнями и мачтами». Одна из глав этой книги — о тысячелетней истории города Гамбурга — озаглавлена «Ликееделеры». И это знаменательно. Именно в этой небольшой горсточке людей, провозгласивших равноправие еще в XIV веке, видел он прообраз будущего общества. Пусть не было у ликееделеров ясной политической цели, пусть метались они между мыслями об общинах ранних христиан и туманными философскими рассуждениями о свободной личности Гуго Тринбергского, но само сознание необходимости равноправия возвышало их над современниками.

Вилли Бредель в последние годы жизни (а умер он 27 октября 1964 года в Берлине) не раз еще обращался к исторической тематике. Он написал ряд очерков и рассказов, многие из которых («Комиссар на Рейне», «За тебя, Свобода» и др.) тоже посвящены революционной борьбе. Одновременно он заканчивал работу над романом-трилогией «Родные и знакомые» — о революционном движении в Германии с 1870 по 1945 год — своего рода хроникой революционной борьбы, хроникой рабочей династии, и написал книгу и сценарий об Эрнсте Тельмане.

Вилли Бредель был награжден медалью «За оборону Сталинграда», медалью Эрнста Тельмана, дважды — медалью «За заслуги перед отечеством», медалью Ганса Баймлера¹, медалью Эрнста Морица Арндта², медалью «Борец против фашизма». За свою литературную и общественную деятельность был дважды удостоен Национальной премии.

До последнего дня жизни он был редактором журнала «Новая немецкая литература».

¹ Ганс Баймлер — немецкий коммунист, антифашист, боец Интернациональной бригады в Испании. Погиб в бою с испанскими фашистами.

² Эрнст Мориц Арндт — прогрессивный, пользующийся в Германии большой популярностью писатель и общественный деятель (1769—1860 годы).

*А. Ломан,
А. Девель*

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ И ИМЕН

Абордаж — способ ведения боя на море в эпоху гребного и парусного флота, состоявший в том, что корабли сцеплялись борт с бортом и рукопашная схватка определяла исход сражения.

Апостольские братья — религиозная секта, основанная крестьянином Джерардо Сегарелли около 1260 года в городе Парма (Северная Италия). Секта объединяла недовольных феодальными порядками и католическим духовенством. Члены братства не имели собственности и жили подаянием. Они подвергались жестокому преследованию. Сегарелли был схвачен и сожжен в Парме. Во главе движения стал его ученик фра Дольчино, который проповедовал «общность имущества, учреждение христианской республики, свержение светских насильников и богачей во имя бедных и угнетенных» (К. Маркс. См. Архив Маркса и Энгельса, т. 6, 1939, с. 5). Преследуемый и изгнанный, Дольчино собрал более шести тысяч сторонников, большую часть крестьян, и в течение семи лет (1300—1307) оказывал сопротивление войскам епископов. Папа объявил крестовый поход для разгрома Апостольских братьев. Весной 1307 года восстание крестьян и плебеев было потоплено в крови.

Арнольд Брешианский — итальянский церковный реформатор и политический деятель, враг папства и вождь римской городской демократии. В 1145 году принял активное участие в управлении римской республикой, созданной в результате восстания ремесленников и купцов. Под лозунгом возрождения порядков Древнего Рима восставшие лишили папу светской власти и поставили во главе управления демократические слои населения. В 1155 году Арнольд Брешианский был схвачен папскими прислужниками и, как еретик, подвергнут жестокой казни.

Ахтердек — кормовая часть верхней палубы судна.

Бак — носовая часть верхней палубы судна.

Балдуин Фландрский — участник Первого крестового похода и основатель первого государства крестоносцев на Востоке — графства

Эдесса Впоследствии король Иерусалимского королевства — Балдуин I

Бушприт — брус на носу парусного судна, служащий для крепления парусов

Бургомистр — глава городского самоуправления, магистрата

Бюргеры — население феодального города, ремесленники и торговцы Чаще словом «бюргеры», как и в этой книге, обозначается зажиточная часть населения феодального города — купцы, ростовщики, цеховая верхушка

Вальдемар Аттердаг — король Дании Вальдемар IV (1340—1375) Вел успешную борьбу с крупными феодалами и превратил Данию в сильное государство Вел две неудачные для Дании войны с Ганзой

Вендский — от венды Венды — немецкое название западных славян (бодричей, лютичей, ранов, померян), населявших некогда всю Восточную Германию

Виттены — промысловики, приезжающие на сезонную работу на промысловые участки — витты (см)

Витты — места промысла — рыбного, горного и др Здесь производилась добыча продукта, его обработка, здесь же шел и торг Витты обычно находились в ведении городов, финансировались ими и управлялись назначаемыми городом фогтами

Готфрид Бульонский — предводитель Первого крестового похода, завоевавший Иерусалим в 1099 году Первый король созданного крестоносцами Иерусалимского королевства

Готфрид из Перше — один из так называемых «героев» крестоносцев, известный своей жестокостью при захвате земель восточных народов

Грасбрук — остров на Эльбе, часть Гамбурга

Гуго Тримбергский (1230 — умер около 1313) — поэт средневековой Германии Автор поэмы «Die Renner» («Рысак»), направленной против недостатков и пороков существующего строя

Давид и Голиаф — По библейскому сказанию Давид вступил в единоборство с филистимлянином-великаном Голиафом, который превосходил его силой, и убил его

Десятина — феодальный налог, одна десятая всех доходов, отчислявшаяся в пользу церкви, в отличие от податей, взимавшихся с населения в пользу феодала

Джерардо Сегарелли — см Апостольские братья

Дитмаршен — область Германии между Эльбой и Эйдером, в средние века до 1559 года была свободной крестьянской землей

Дольчино (фра Дольчино) — см Апостольские братья

Инквизиция — судебное полицейское учреждение католической церкви В средние века творила суд и расправу над участниками народных антифеодальных движений, принимавших форму «ересей» — протеста против гнета официальной церкви, против ее обрядов

Каин и Авель — По библейскому сказанию Каин, старший сын Адама, убил своего брата Авеля

Каркассон — город на юге Франции

Карл IV (Карл I Чешский) — император так называемой Священной римской империи германской нации Правил в 1346—1378 годах

Когга — в средние века торговое судно с высокими бортами и палубой Вооруженные когги часто принимали участие в военных действиях

Лаги — деревянные рычаги, вставляемые в отверстия шпилья (см) для поворота последнего вокруг своей оси

Лолларды — бродячие псалмопевцы, участники католического крестьянского движения, возникшего в Голландии в XIV веке, лолларды выдвигали требования социального равенства, движение лоллардов вскоре распространилось в Англии, где лолларды стали проповедниками идей Уиклифа (см)

Любекское право — свод законов городского права города Любека Любек возглавлял Ганзейский союз, и его право стало действовать во многих городах балтийского побережья

Людвиг из Плуа — один из так называемых «героев» крестоносцев

Магистрат — здесь — орган городского самоуправления, совет города

Маргарита из Тренто — жена и сподвижница Джерардо Сегарелли (см Апостольские братья)

Маркграф Вальдемар — За маркграфа Вальдемара, тайно ушедшего паломником в Палестину, выдавал себя в 1347—1350 годах мельник Яков Ребок

Марс — площадка на мачте судна, служащая для наблюдения и постановки парусов

Митра — головной убор высшего священника католической церкви

Монте Цебелло — гора в Пьемонтских Альпах (см. Апостольские братья)

Орлог — военный корабль

Патина — налет зеленого цвета, образующийся на медных и бронзовых предметах под влиянием влаги воздуха

Патриции — В германских имперских вольных городах так назывались до середины XIX века граждане из зажиточных бюргерских семей, участвующие в городском самоуправлении

Пектораль — деталь облачения священника, нагрудник

Петрус Вальдис — глава реформатской секты в Лионе (XII век), проповедовал бедность и простоту жизни, призывал к реформе церкви

Плебеи — беднейший слой населения феодального города, обедневшие члены цехов, подмастерья, наемные рабочие, поденщики, бродяги

Пристер — священник

Ратсгер — член городского самоуправления

Ратуша — здание городского самоуправления, магистрата

Ричард Львиное Сердце — Ричард I, английский король (1157—1199 годы), вместе с германским королем Фридрихом I Барбароссой и французским королем Филиппом II Августом возглавлял Третий крестовый поход

Румпель — часть рулевого устройства судна в виде рычага, посредством которого перекалывают руль

Саладин — так в Европе называли египетского Султана Салахаддина. В 1187 году он разбил войска крестоносцев, захватил Иерусалим, что явилось поводом к Третьему крестовому походу

Сарацины — так во времена крестовых походов назывались все народы, исповедующие ислам

Стола — епитрахиль, часть облачения священника, напоминающая широкий длинный шарф из парчи, надеваемый на шею

Страстная неделя — неделя, предшествующая христианскому празднику — пасхе

Тевтонский орден — католический духовно-рыцарский орден, военная организация немецкого рыцарства, осуществлявшая в XIII—XIV веках агрессию в Восточной Европе. Основан в 1190 году в Палестине. В 1242 году был разбит Александром Невским, однако номинально существовал до 1809 года

Уиклиф Джон (родился около 1320 — умер 1384) — английский религиозный реформатор. Утверждал необходимость подчинения церкви государству, требовал отчуждения от церкви земель. Свои идеи Уиклиф пропагандировал через «бедных священников» — доллардов (см.). Критика Уиклифом католической церкви была воспринята народом как критика феодальных порядков. Уиклиф и его последователи были признаны возмутителями крестьянских масс во время крестьянского восстания 1381 года. После смерти Уиклифа церковь объявила его еретиком, и останки его были сожжены

Укермарк — плодородная холмистая местность вдоль нижнего течения реки Одер

Фальшборт — продолжение наружной обшивки судна выше верхней палубы

Фландрия — историческая область Западной Европы, населенная в большинстве фламандцами. Ныне входит в состав Франции, Бельгии и Голландии

Фрисландия (Фризия) — историческая область Европы у берегов Северного моря, населенная большей частью фризами. Расположена между нижними течениями рек Везера и Рейна. В настоящее время входит в состав ФРГ и Голландии

Фра Дольчино — см. Дольчино, Апостольские братья

Фронтон — завершение верхней части фасада здания, обычно представляющее собой треугольную плоскость, ограниченную по бокам двумя скатами крыши и у основания — карнизом

Шпиль — вертикальный ворот, применявшийся на парусных судах для поднятия якоря. В настоящее время применяются механические шпили

Штурман — здесь имеется в виду первоначальное значение этого слова — рулевой

Эркер — полукруглый, треугольный или граненый выступ с окнами в стене здания, в современной архитектуре обычно застекленный

Юнкер — крупный землевладелец дворянин в Пруссии

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

ЮНЫЙ СКИТАЛЕЦ

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ	7
НА ПОБЕРЕЖЬЕ СКОНЕ	25
ПРАВИТЕЛИ ШТРАЛЬЗУНДА	38
В МОРЕ	54
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И МЯТЕЖ	67

Часть вторая

ЗНАМЕНИТЫЙ ПИРАТ

БРАТЬЯ ВИТАЛЬЕРЫ	81
ШТУРМ ГОТЛАНДА	98
ЛИКЕДЕЕЛЕРЫ	112
МОРСКОЕ БРАТСТВО	125
ВОЙНА ПАТРИЦИЕВ	137
ЭПИЛОГ	153
<i>А. Ломан, А. Девель. Вилли Бредель и его роман</i> <i>О ЛИКЕДЕЕЛЕРАХ</i>	160
ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВ И ИМЕН	171

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Вилли Бредель
БРАТЬЯ ВИТАЛЬЕРЫ

Ответственный редактор С. М. Туркова
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор Т. С. Харитоновна
Корректоры Л. Л. Бубнова и К. Д. Немковская

Сдано в набор 2/IX 1974 г. Подписано к печати 19/II 1975 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага
офсетная № 2. Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,2. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 664. Цена 43 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Зна
мени издательства «Детская литература». Ленинград 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика
«Детская книга» № 2. Росгавполиграфпрома Государственного комитета Совета Мини
стров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград
193036, 2-я Советская 7.

